

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ
ПЕДАГОГИКИ

Антология гуманной педагогики

ШКОЛА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

НА ПУТИ К СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

По трудам М. Щетинина

В помощь педагогам и родителям

Амрита-Русь
Москва
2020

ИД Амонашвили
Москва
2020

УДК 37.01
ББК 74.03
Ш67

Ш67 Школа третьего тысячелетия. На пути к счастливому человеку (по трудам М. Щетинина); [Сост.: И.А. Бирич]. — М.: Амрита-Русь, ИД Шалвы Амонашвили, 2020. — 260 с. — (Антология гуманной педагогики).

ISBN 978-5-413-02200-9

Михаил Петрович Щетинин — создатель авторской модели школы 3-го тысячелетия. Он великий педагог, мыслитель и деятель образования, сравнимый только с мировыми классиками, которые не остаются в истории, а становятся горизонтами сознания. В данном томе Антологии публикуются несколько текстов М.П. Щетинина, ставшие библиографической редкостью. Это, во-первых, его книга «Объять необъятное: записки педагога» и, во-вторых, статьи для философских изданий. Общим для всех этих текстов является серьезная научная база, обращенность к самым передовым концепциям в области русского космизма, философской антропологии, культурологии, психофизиологии и генетики, педагогики, что легли в основу оригинальной философии образования, сформировавшейся у М.П. Щетинина, которая, в свою очередь, легла в основу его педагогического подвига.

Книга рекомендуется для чтения работникам сферы образования разных уровней и разной специализации. Это необходимо для того, чтобы они смогли заглянуть в завтрашний день российской школы. Также настоящее издание может быть полезным творческим учителям, у которых еще бьется пульс любви к детям и не отмерла привычка к новаторству.

ISBN 978-5-413-02200-9

© ИД Шалвы Амонашвили, 2019
© Оформление.
Амрита-Русь, 2020

СЛОВО О МИХАИЛЕ ПЕТРОВИЧЕ ЩЕТИНИНЕ

Личное

Шалва Амонашвили

Михаил Петрович Щетинин был для нас до той степени человеческим и доступным, и мы стоим с ним так близко, что наше сознание не может достойно оценить его величие, оценить совершенный им подвиг.

Он великий педагог, мыслитель и деятель, сравнимый только с мировыми классиками, которые не остаются в истории, а становятся горизонтами сознания. Такого уровня мыслителей и деятелей очень мало в образовании. Как правило, многие современники не способны их понять, поскольку, исходя из своих сегодняшних убеждений, они просто не видят того будущего, творцом которого являлся Михаил Петрович Щетинин.

Печально то, что есть люди, которые дают себе право и волю судить о нем и даже осуждать. А некоторые из власть имущих еще и препятствуют продвижению его идей и дел. Я не знаю, как смоят с себя стыд и срам представители власти и правосудия, которые сделали все, чтобы уволить из жизни гения в образовании. Не знаю, в каких кустах будут прятаться те, кто, имея возможность, не защитили его, не дали творить дальше чудное будущее.

Если бы Михаил Петрович ушел из жизни в ту полосочку времени, когда он, чувствуя себя свободным, создавал свою школу-шедевр, у нас не возникло бы никакого повода оглядываться на могильщиков. Но что сказать о той действительности, когда жизнь Михаила Петровича оборвалась именно сейчас?

Все знали, что он тяжело болен. Он с трудом восстановился после сложнейшей операции. И нужно ли было быть такому, что перед первым сентября, когда в текосской щетининской школе готовился большой праздник, власть распорядилась опечатать все помещения, включая и кабинет Михаила Петровича. Когда-либо откроются все

недостойные причины этого вредоносного поступка, и мир увидит могильщиков будущего. А нам, свидетелям случившегося, становится предельно ясно: не вынесло сердце героя эгоистической злобы в обмен на всемирное добро.

Какую школу создавал Михаил Петрович Щетинин? Создавал он необычную школу, которая всего за пару десятилетий успела выдать стране несколько сотен достойных граждан, высококультурных, честных, преданных Родине, жизнерадостных, творческих, трудолюбивых, мыслящих масштабно, государственно.

Стыд и срам тому, кто оценивает работу школы так называемыми государственными экзаменами, в которых нет никакой заботы о государстве. Но если именно это для кого-то есть мера качества, то школа Щетинина выдавала кесарю кесарево, и притом щедро. Он создавал школу не только сам со своими коллегами, а делал творцами всех граждан этого образовательного мира.

Покажите, где еще ученики становятся учителями, коллегами своих учителей? Где еще ученики сами строят свои теремки для жизни и познания, приукрашивают их, радуясь своему труду и творчеству? Михаил Петрович создавал школу как лестницу, по ступенькам которой каждый восходил соразмерно своим талантам и стараниям.

Покажите еще школу, где ученики могут свободно опережать нами придуманные возрастные ограничения, где 10–12-летние ученики становятся студентами вузов! Создавал он школу свободную, подвергая своих граждан только диктатуре совести, только любви к Родине, только творению общего блага.

Покажите еще школу, где воспитание нрава и культуры стоит выше безликих и безличностных стандартов, которым безалаберно приписывается качество образовательных!

Михаил Петрович создавал школу, где гармоничное развитие становилось не былинной, а действительностью, где ум, сердце и руки становились золотыми, едиными. В школе Михаила Петровича кипела жизнь. Здесь все жили устремленно. Здесь дружба и помощь, любовь и преданность, благодарность и благородство становились естеством общения. Дух школы Михаила Петровича возвышал каждого жителя этого образовательного мира.

А какие были занятия! На них возраст не служил помехой! На них ученики вместе с учителями-друзьями познавали целостность наук, их синтез, их единую основу бытия. Они строили гипотезы и стремились их доказать. Их познавательная страсть выходила далеко за

границ программ и учебников. Ученики-исследователи жили пониманием будущих открытий и обновленного образа жизни.

В школе Михаила Петровича запросто были сняты пресловутые вопросы мотивации учеников, выполнения угнетающих жизнь домашних заданий, формальной дисциплины. Только косность ума и злые намерения приписывали Михаилу Петровичу и его школе разные абсурдные обвинения.

А каким был он сам?

Он был истинным олицетворением своей сути и в духе, и во внешнем мире. Мыслящий, мудрый, миролюбивый, беззаветно преданный детям, молодому поколению, чуткий, понимающий, прощающий, истинный гражданин и патриот своей Родины.

А для меня он был маяком педагогического сознания и, конечно, самым близким и родным человеком. Для моей матери он был сыном. Для его родителей я тоже был сыном. Так мы стали братьями. Я счастлив, что общался и учился у него. Счастлив, что сохранились у меня первоисточники его размышлений и философствования о высоких материях.

У Михаила Петровича остались преданные ученики и последователи, которые, я уверен, не позволят попирать творимое им будущее образования. Они продолжат его начинания.

У него есть кому соболезновать из-за утраты родного человека. Я тоже среди них. Боль раздирает меня, но и теплится надежда, что Михаил Петрович начинает небесную жизнь, откуда он пошлет нам свою благодать.

Милый мой, любимый мой брат, спасибо тебе, что ты любил меня и делился своими высшими ценностями. Мы с тобой все строили планы на благо образования с надеждой, что мы свершим намеченное. Сколько было в тебе бодрости духа и как широко простиралось твое сознание!

Не теряю веру, что твое светлое и великодушное сердце, твоя самоотверженная забота и впредь защитит твое детище, которое есть неоценимый дар человечеству.

P.S. Сегодня о Михаиле Щетинине раздается много нелицеприятных слов, но тем более важно, что настоящие друзья не молчат.

БУДУЩЕЕ БЫЛО С НАМИ

(о М.П. Щетинине — мыслителе)

Михаил Петрович Щетинин (7 октября 1944 г. — 10 ноября 2019 г.) — интересный и глубокий мыслитель. Я знаю его с тех незабвенных 80-х годов XX столетия, когда в «Учительской газете» формировались принципы педагогики сотрудничества, когда известные педагоги-новаторы образовали костяк Всесоюзного творческого союза учителей, всколыхнувшего всю педагогическую общественность и даже потрясшего основы Академии педагогических наук СССР. Их имена знала вся страна, благодаря усилиям редакции «Учительской газеты» и телевидения.

Вскоре к дискуссиям о содержании образования подключилась и секция «Философские проблемы человека» Философского общества СССР, председателем которой был член-корреспондент АН СССР, доктор философских наук А.Г. Спиркин, а ее ученым секретарем автор этих строк. Здесь впервые обсуждалась и была апробирована на страницах «Учительской газеты» новая образовательная концепция, основанная на принципах философской и педагогической антропологии¹. И это было ново и интересно, так как в секцию вошли не только философы, но и учителя-новаторы, деятели искусства и культуры, психологи. Эта концепция обсуждалась также в Творческом Союзе учителей (сопредседателями его оргкомитета были В.Ф. Матвеев, зам. главного редактора «Учительской газеты», и Ш.А. Амонашвили, академик АПН). Тогда-то я, будучи членом оргкомитета, и познакомилась со всеми новаторами, многих приглашала на наши заседания.

На секции были представлены разные интересные концепции образования. Своими размышлениями о задачах современной школы делились доктор философских наук В.С. Библер, рассказавший о «Школе диалога культур», известный композитор, создатель новой

¹ Спиркин А.Г., Бирич И.А. Концепция образования: взгляд философа // Учительская газета. 1988. 1 мая.

программы по музыке Д.Б. Кабалевский; Народный художник России, создатель новой программы по изобразительному искусству Б.М. Неменский; замечательный педагог, позже ставший академиком РАО М.П. Щетинин; доктор психологических наук, главный редактор журнала «Искусство в школе» А.А. Мелик-Пашаев, занимающийся проблемами одаренных детей. Речь в этих концепциях шла не о частных задачах обучения, а именно о смене целевых задач образования, о новой его стратегии.

Особенно неординарными казались тогда (да и сегодня) взгляды М.П. Щетинина, директора комплексной школы в пос. Зыбково Кировоградской области. У нас сохранилась стенограмма его выступления на секции, которое и сегодня звучит чрезвычайно актуально. Ученые ищут в технике аналог человеку, говорил Михаил Петрович. А это всегда поиск стандарта. Не напрасно ли? Самый не такой, как все, с самым заметным отличием (будто из другого мира пришелец) — на самом деле есть истинный житель Земли. Тот, кто выполнит миссию служения гармонии целого, выйдет из ряда вон настолько далеко, насколько великим будет у него радиус охвата этого целого: от страны до мироздания. Масштаб мышления этого педагога-новатора был поистине философский. Чем ярче уникальность личности, продолжал он, тем шире охват Вселенной! Поэтому воспитание может быть человечным, т. е. **гуманным**, только в том случае, если каждый в его процессе становится самим собой. Здесь идеи Щетинина во многом перекалились с идеями Ш.А. Амонашвили.

Итогом работы секции на тему об образовании стал сборник статей «Новый человек и школа будущего (научно-педагогическая фантастика)» (1989). Во всех статьях на первый план вышел педагогический мотив о том, чтобы сделать пребывание ребенка в школе наполненным счастьем и радостью. И это будет новый человек, и в этом суть построения школы будущего.

Так писали все новаторы, начиная с первого из них — Ш.А. Амонашвили, с его трилогией об учениках экспериментальной начальной школы № 1 г. Тбилиси. Сегодня он называет свою трилогию «Педагогической симфонией». Так писал Е.Н. Ильин, учитель русского языка и литературы из Ленинграда, настаивая на том, чтобы его предмет в старших классах называть «человековедением». Так писали супруги Никитины из Подмосковья о пользе раннего развития для сохранения таланта, описывая свой родительский опыт воспитания пятерых маленьких детей. С любовью писала о своих учениках

московская учительница начальных классов С.Н. Лысенкова, предложившая другой алгоритм работы с младшими школьниками. Так писал В.Ф. Шаталов с Украины, учитель математики, делаясь своим уникальным методом преподавания предмета таким образом, что у него не было в старших классах ни одного троечника. Новаторство покатилося по всей стране.

В Москве появились директора-новаторы, предложившие альтернативные модели образования: В.А. Караковский, А.Н. Тубельский, Е.А. Ямбург. (Подозреваю, что для них школа Щетинина в далеком селе оказалась прецедентом для реализации своих идей). Новаторы выступали по телевидению, их книги читались с большим интересом в профессиональной среде, они повлияли на реформирование Академии педагогических наук, но на судьбу содержания образования, его стратегии, о чем так радели новаторы, они практически не повлияли. Не успели реализовать эти идеи, а серьезно собирались, — через год мы жили уже в другой стране.

Прошло 25 лет. Счастья не случилось, а наоборот, по российскому образованию прошел каток Болонского процесса с его образовательными услугами и ЕГЭ. Мы потеряли два поколения, получив по выходу из школы невоспитанных молодых людей, жаждущих «всего и сразу», не умеющих учиться и мечтающих уехать за границу, на худой конец, организовать рок-группу и захлебнуться в славе. Радость школу покинула, остались напряжение, страх и подозрительность.

И только в одной маленькой русской школе, в одном небольшом селении в горах в эти 25 лет учились дети с радостью и были счастливы. Это был Лицей комплексного формирования личности детей и подростков в поселке Текос под Геленджиком, руководимый Михаилом Петровичем Щетининым. Он продолжал осуществлять свою мечту построить школу 3-го тысячелетия! О его педагогическом подвиге еще будут писать книги. Я же хочу здесь раскрыть особенность его мировоззрения, которое позволило ему понять тайну детской природы и встать на ее защиту, помня Божью заповедь: «Будьте как дети. Ибо их есть Царствие небесное!».

В данном томе Антологии публикуются несколько текстов М.П. Щетинина, ставшие библиографической редкостью. Это, во-первых, его книга «Объять необъятное: записки педагога», выпущенная издательством Академии педагогических наук СССР в 1986 г., и статьи для философских изданий «На пути к человеку» (1989), «Идея соборности в школе будущего» (2005), интервью для книги

«Диалоги о человеке», оставшейся, к сожалению, в рукописи, названное им «Образование как путь к образу Творца» (2008). Общим для всех этих текстов является серьезная научная база, обращенность к самым передовым концепциям в области русского космизма, философской антропологии, культурологии, психофизиологии и генетики, педагогики, что легли в основу оригинальной философии образования М.П. Щетинина.

Начнем с книги (1986 г.). М.П. Щетинин посвятил ее возможности реализации главной цели советской школы — формированию всесторонне развитой личности, сформулированной академиком А.Н. Леонтьевым. В книге Щетинин отразил свой двадцатилетний опыт по созданию многоцелевой школы, школы-комплекса, дающей возможность ребенку многогранно и гармонично развиваться и быть талантливым. А начал с главки «Концепция». Она посвящена природе ребенка, законам его взросления, как он тогда их понимал. И начал представлять концепцию с исторического материала, даже философа эпохи Возрождения Монтеня процитировал.

Главным камнем в фундаменте его концепции было учение И.П. Павлова о двух сигнальных системах, равнозначных в работе мышления: эмоциональная система связана с образным мышлением, речевая — с интеллектуальным. От их синтеза зависит развитие личности. Нет чувства, этой «золушки в педагогике», по словам Я. Корчака, — интеллект усыхает. Это хорошо понимали даже те представители молодого советского государства, что утверждали в 1918 г. на заседании Совнаркома модель Единой трудовой школы. Щетинин цитирует К. Маркса, Н.К. Крупскую, П.П. Блонского — автора проекта, особенно А.В. Луначарского, заботящегося именно о союзе обучения с художественным воспитанием. В педагогическом подходе Щетинин нашел союзников в лице К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, П.Ф. Лесгафта, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, И.П. Иванова.

Продвигаясь к современным научным исследованиям, Михаил Петрович опирался на те, которые показывали, что успехи в учебных навыках совсем не гарантируют развития личности, ее талантливости, потому что это интегративный процесс. Он цитирует работы психологов Л.С. Выготского, А.А. Ухтомского, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова, Л.В. Занкова, В.М. Зубковой, А.Н. Кабанова, Дж. Брунера. И все эти теоретические изыскания Щетинин приводит для аргументации и фундирования своего экспериментального учебного плана для комплексной школы полного дня, когда теоретические

предметы перемежаются с художественными. А комплексная школа — для развития личности, личности творческой. Об этом плане он потом расскажет в передаче на телевидении в 1988 г. Успех эксперимента ошеломляющий. Но тем не менее в книге полно вопросов: автор задает их самому себе и не всегда на них пока может ответить. И главный вопрос — какова сущность человека? Кто он? Зачем он природе? Что он должен делать на Земле? И отсюда вытекают следующие вопросы — какова природа ребенка? Какой учитель поднимет эту природу до Человека совершенного?

Заканчивает М.П. Щетинин книгу еще одной теоретической главкой «Возвращение к гипотезе», в которой он раскрывает суть нового способа познания — «погружение». И в концепцию добавляется не только задача развивать любознательность учеников, учить учиться, но и вырощее в опыте «погружения» умение организовывать ученический коллектив, отвечающий за всех и за каждого. Прочитав книгу, ты видишь, как за плечом Щетинина встает ряд лучших российских педагогов-мыслителей XIX и XX веков. Не потому ли цепочка преемственности привела тогда его к успеху?

Книга М.П. Щетинина представляет из себя новый жанр педагогического исследования — научную прозу. С точки зрения научных выкладок и аргументации перед нами настоящая диссертация по педагогике. Но почему она так волнует читателя? Потому что в ней присутствует автор в качестве живого персонажа, описывающего свои переживания, волнения, удивление, восхищение теми, кто участвовал в так называемом педагогическом эксперименте, а на самом деле жил в нем. С каждой страницы веет необыкновенной ответственностью автора за внутренний мир подопечного, рожденной большой любовью к нему. Недаром вскоре М.П. Щетинин стал членом академии Российской академии образования.

Но не на все свои вопросы ответил Михаил Петрович в книге и дал себе задание для возможных дальнейших рассуждений: «Познать тебя (ученика — И.Б.) — значит, объять необъятное. Мы с тобой часть природы, и в нас, как в капле — море, отражается вся ее сложность. В космическую эру мы уже не можем строить педагогику только на изучении отношений: человек — человеку. В среду обитания решительно вошла Вселенная. Педагогика стоит у истоков грандиозных изменений в осмыслении ее сущности, ее роли в продвижении человечества...» (с. 135). Он осмыслил новую сущность педагогики в своих философских статьях.

Прошло три года. М.П. Щетинин пишет статью «На пути к человеку» (1989) — и название это очень многозначно. Первый пласт содержания связан с учением В.И. Вернадского о биосфере Земли. Михаилу Петровичу интересен сам факт, как природа готовила для простейших живых существ путь к высшей форме живой материи — человеку. Если мы поймем эту задачу природы, мы поймем сущность человека, исходя из масштабов Вселенной. При этом он рассматривает этот путь с точки зрения трех уровней мироздания (бытия, на языке философии): уровня вещества-материи, уровня энергии и уровня информации. При этом он на первое место по важности для эволюции ставит уровень информации, так как она формирует способность живых существ предугадывать результат своих действий. (Это похоже на учение психофизиолога П. Анохина об опережающем отражении как творческой способности мозга²). Наиболее выгодно для эволюции жизни не просто опережающее отражение, а «универсальное и интегративное». Заметим, в эти годы о важности информации как объективном свойстве материи писали только кибернетики.

Следующий этап внимания Щетинина — образование мозга и его функция разумно мыслить, а также создание тела, несущего данный мозг, то есть создание человека. Порожденный всей историей природы, мыслящий человек стоит к ней спиной и обращен к будущему, к следующим виткам эволюции мироздания — к сфере вселенского разума, или ноосфере, согласно космическим учениям К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского. Щетинин пишет о ноосфере, но эти фамилии не произносит — их тогда в контексте философии русского космизма никто и не знал, сама эта философия только начинала оформляться. Кстати именно в 1989 г. в Боровске прошли 1-е Чтения памяти русского мыслителя Николая Федорова, основоположника русского космизма. Однако имена замечательной плеяды наших ученых-космистов Циолковского, Чижевского, Вернадского еще тогда не звучали вовсе, хотя философские их идеи в редких книгах были опубликованы³. Значит, Щетинин их читал!

² *Анохин П.К.* Кибернетика и интегративная деятельность мозга // Вопросы психологии, 1966. № 3. С. 10–32.

³ *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 520 с.; Циолковский К. Грёзы о земле и небе и эффекты всемирного тяготения. Издание А. Н. Гончарова. Москва. Типография М. Г. Волчанинова. 1895.

Понимая человека как целую информационную систему, посредника биосферы, Михаил Петрович рождает афоризм: «Длина нашего тела — бесконечная Вселенная» (с. 230). Эта идея очень важна для него. Исходя из нее, он даже раскрывает понятие «со-весть» — это весть о Вселенной, ее состоянии, ее гармонии или дисгармонии. И отсюда понимание назначения человека в мире: «универсальность отражения, активность всех форм восприятия, устремленность к гармонии, совершенным формам жизни, т.е. красоте, развернутость на всех других и во имя всего живого» (с. 231). Казалось бы, характеристика гения, а для Щетинина это родовая сущность *homo sapiens*, проявленная в нормальном здоровом человеке... при условии сохранения в нем детского открытого активного отношения к жизни.

И вот здесь проявляется второй пласт названия статьи «Путь к человеку». Во весь рост встает образовательная проблема взросления ребенка в плохих экологических условиях и недоброжелательных психологических. Автор называет школьную технологию «железобетонной», направленной на борьбу с самой детской природой — отсюда деградация личности, угасание умственных способностей. И вновь Щетинин обращается к научной литературе по психофизиологии, раскрывающей механизм функциональной асимметрии полушарий головного мозга для создания целостной картины мира, но дает ему свой оригинальный комментарий, сравнивая с работой сердца. Мозг тоже совершает «вдох» (работает правое полушарие, вбирая в себя как можно больше информации) и «выдох» (сжимая информацию в понятиях левым полушарием). На что работает школа?

И последняя идея Щетинина в этой статье — идея о необходимости поиска ребенком своей самобытности, против чего работает школьный конвейер, стандартизация содержания образования. Ребенок — это маленький гений, а должен вырасти большим Человеком: несущий в себе миллиарды живых клеток, на эволюцию которых природа поработала сотни тысяч лет, он обязан стать уникальной личностью, готовой к ответственности за мироздание. Ш.А. Амонашвили называет эту потребность человека в самореализации «миссией», которую он ощущает в себе уже в детском возрасте.

Тайный покров с этой миссии приподнимает математик-системолог, академик РАН Н.Н. Моисеев, который в те годы поставил перед обществом задачу коэволюции человека и природы, человечества и вселенной. Новая научная методология — синергетика — помогла

приоткрыть завесу над многими ранее представлявшимися загадочными процессами жизнедеятельности человека и человечества. Она позволила объективно интерпретировать процесс синтеза сложного эволюционного целого, каковым являются человек, человечество и вселенная⁴. Не сомневаюсь, что Михаил Петрович был знаком с этой концепцией Н. Моисеева.

Проходит еще несколько лет. Мы уже живем в другой стране, при капитализме, но М.П. Щетинин не бросил свою цель построить школу 3-го тысячелетия. И он ее строит — в Краснодарском крае, в Теко-се. Я не раз приезжала к нему в Лицей комплексного формирования личности детей и подростков. Он рассказывал о своих идеях и планах. И хотя жизнь организаторов Лицея со всех точек зрения была непростая, дети в нем были счастливы — это чувствовалось повсеместно. Я просила его написать для научного философского сборника статью, и он согласился ее мне продиктовать.

Статья «Идея соборности в школе будущего» (2005) — это новый виток в мировоззрении М.П. Щетинина, который я отношу к онтологическому направлению в решении современных образовательных проблем, что связано с пониманием «ноосферного образования»⁵. Статья посвящена доказательству того, что содержание личности соотносится не столько с конкретным социумом, сколько со всем мирозданием, с тем, насколько она отражает его всеединство. Речь идет о мировоззрении, преобразующем человека.

Щетинин уже хорошо знает черты этого мировоззрения.

Во-первых, он безоговорочно принимает идеи русской философии о соборности русского духа, высказанной А.С. Хомяковым, и о богочеловечестве В.С. Соловьева. Личность для Щетинина — явление соборное, а русская цивилизация в идеале представляет реализованное богочеловечество.

Во-вторых, он по-новому раскрывает феномен ребенка. Вообще-то он не любит этого слова, так как в нем подчеркивается паспортный возраст человека, а Щетинин видит в нем глубину его рода,

⁴ *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. — М.: Наука, 1987. — 304 с.; Моисеев Н. Н. Методология системных исследований и ноосферных процессов // Вестник АН СССР. — 1988, № 11. С. 68–72.

⁵ *Бирич И.А., Панченко О.Г.* Становление философии образования в России (по материалам научных публикаций за 1992–2005 гг.) // Человек. — Образование. — Общество: сб. статей. — М.: Гуманитарий, 2005, с. 199–231.

многие колена его предков, положивших свои жизни, чтобы он — Николай или Павел — появился на свет. И он появляется не как биологическая особь, а как **чело-вече**, так называли себя наши предки, то есть соборная личность, умудренная опытом вечности. В этом слове выражен народный идеал человека. Поэтому каждый малый или подросток генетически (из глубины рода) несет в себе этот идеал. К нему Щетинин и обращается, и в этом разгадка нравственной активности его учеников. Человеку не может плохо учиться, не может плохо поступать. Если уж и говорит Михаил Петрович «дитя», то подразумевает Божье — дитя природы, которая совершенна. Щетинин возвращается к проблеме талантливости ребенка, связывая эту способность с помыслами о красоте, с потребностью ее созидания. Цитирует Николая Рериха: «Талант есть качество во всем, везде и всегда».

В-третьих, Щетинин объясняет онтологию образования, работу с информационным потоком, идущим из Вселенной. Это тоже новый виток его рассуждений. Этот параграф его статьи — самый интригующий, интересный и виртуозный по аргументации. Главное, на каких аксиомах она строится. Онтология — это учение о сущности мира, значит, должны быть указаны категории времени и пространства. Они есть у Щетинина! Время — это «дыхание Творца Творения» (с. 245), что проявляется в энергии мысли, а пространство организуется словом, ведь сказано, что «в начале было Слово». И тогда возникает особый педагогический инструмент — речь, зарождающаяся в вечности, но текущая во времени и структурирующая берега-образцы. Щетинин называет образцовую речь, обращенную к идеалу, «духовной энергией», нацеленной на достижение...святости (светлости), то есть «непогрешимости перед мирозданием»: «обретение святости, незамутненности сознания — вот высший смысл гуманной педагогики» (с. 244). И отсюда совершенно иное отношение к истории — как к переплетению реальных судеб твоих предков. И тогда цель изучения истории — восстановить связь времен! И одухотворить современность. И только с этих позиций призвать будущее. А в этой работе все равны, все сотрудники.

И еще одна черта нового мировоззрения — живое знание. Щетинин оставил ее напоследок, но назвал первоосновой существования будущей школы. Речь об учителе, который аккумулирует будущее и транслирует его во времени, что **переживается** здесь и сейчас. Такое знание животворящее.

О «живом знании» как особом процессе познания писали еще наши русские мыслители — А.С. Хомяков, И. Киреевский, В.Ф. Одоевский. Они, конечно, исходили из способности духовного человека к интуиции, прозорливости, к откровению, когда сердечная мысль снимает покровы с тайны мироздания. В.Ф. Одоевский как музыкант, музыковед, естествоиспытатель и философ, прогнозирующий будущее, как универсальная личность, и педагог в том числе, должен был быть интересен Щетинину. Русский мыслитель еще в середине XIX в. был уверен, что нравственный инстинкт открывает ритмическую, музыкальную органику человека, даёт развитие внутреннего гармонического звучания, которое способно преодолеть дихотомию разума и чувства, любые социальные противоречия, возвышая личность над ними. Музыка — универсальное искусство, объединяющая на чувственном уровне всех людей, независимо от их происхождения и материального положения⁶. Михаил Петрович был музыкантом по образованию и образу мышления, владел нравственной гармонией. Не в этом ли отгадка его педагогического дара?

О «живом знании» писал и наш современник, доктор психологических наук, исследователь сознания, академик РАО В.П. Зинченко, который для иллюстрации этого явления воспользовался понятием Ю.М. Лотмана «семиосфера» — «ментальная сфера» человеческого сознания — и наполнил это языковое пространство (идеальное, между прочим) всем потенциалом человеческого тезауруса. Книгу Зинченко написал для педагогов⁷.

Ученым тоже знакома работа с «живым знанием». Что касается онтологии «живого знания», то есть объективной его природы, то у наших физиков и генетиков (академиков РАН) существует увлекательная концепция о семантической Вселенной, наполненной духовными смыслами, запускающими генетические программы работы с информационными потоками, и у человека в том числе⁸. Да, эта концепция находится на переднем крае науки и как теория еще

⁶ *Одоевский В.Ф.* Психологические заметки // Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975, с. 203–230. — сер. «Литературные памятники».

⁷ *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Ч. 1. Живое знание. — Самара, 1998.

⁸ *Лесков Л.В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. — М.: Экономика, 2003. — 446 с.; *Гаряев П.П.* Волновой генетический код. — М.: Институт проблем управления РАН, 1997, — 108 с.

нуждается в проверке. Михаил Петрович использовал ее на практике и очень успешно.

И еще один текст М.П. Щетинина 2008 г., к сожалению, оставшийся в рукописи. Это интервью, в котором Михаил Петрович углубляет свое понимание образования как пути к образу Творца. На самом деле он в нем бесстрашно обнажает отдельные черты своего собственного мировоззрения, и комментировать его мне неловко. Читайте!

В последний раз мы с Михаилом Петровичем виделись летом 2010 г. Я привезла ему книгу, в которой мы с коллегой посвятили целую главу «Школа будущего начинается сегодня» авторским моделям школьного образования, и среди них рассказали о школе М.П. Щетинина⁹. Когда мы прощались, я поздравила его с неожиданным поворотом в судьбе Лицея: у него нашлись высокие покровители, и организационные, и финансовые проблемы были решены. Лицей стал федеральной экспериментальной площадкой Российской академии образования за подписью тогда премьер-министра В.В. Путина. Я уезжала с чувством радости и спокойствия.

Прошло 10 лет после выхода книги. Михаил Петрович так крепко верил, что его доброе начинание будет иметь поддержку в государственных структурах в новых условиях. Ан нет! Он стал их заядлым противником, потому что готовил в своих подопечных настоящих государственников и патриотов России. Кто бы мог подумать, что на его школу будет спущен бюрократический смерч? И даже идеологический. Какой социальный заказ выполняет школа? Заказ из будущего? Ерунда! А стандарты, а компетенции? Как контролировать? И это не важно, что все ученики в школе Щетинина отлично знают программу средней школы, поступают в вузы и, главное, счастливы. А вот это вообще ни в какие стандарты и правила управления не входит: уж больно не похожа жизнь подростков в Лицее-интернате Щетинина на интересы и тусовки современных юношей и девушек в обычной школе. И гаджетов в Лицее нет. Очень подозрительно!

М.П. Щетинин на всех своих встречах говорил, что он готовит для России модель школы 3-го тысячелетия. 25 лет он с ребятами осуществлял ее отдельные черты, а оказалось, что школа-то из будущего-

⁹ Бирич И.А., Панченко О.Г. «Соборная школа» М.П. Щетинина // Бирич И.А., Панченко О.Г. В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы. Москва-Екатеринбург: Урализдат, 2010, с. 244–248.

го уже перешагнула в настоящее и существует в реальном времени. Ее ученики это прекрасно понимают, ценят и не хотят ее бросать по прихоти «больших» чиновников. Да, их Учитель ушел из жизни, но есть команда педагогов и учащихся, что не позволят пропасть новой педагогической традиции, расцветшей на почве философии образования, вмещающей в себя и Божий промысел, и передовую науку. Нам всем надо еще дорасти до этого мировоззрения.

И еще одну ссылку хочется сделать, говоря о формировании нового мировоззрения уже в официальной научной литературе последнего десятилетия. И отдельные ученые, и научные сборники, и регулярные конференции разрабатывают проблему творчества как подлинно человеческого и поистине адекватного поведения человека в мире, когда оно рассматривается и как культурная форма инстинкта самосохранения, самоутверждения себя в мире, и как человеческий вызов хаосу и небытию. Создание культуры во всех ее аспектах означает глобальное отвоевывание пространства и времени у неопределенности, и это есть утверждение человеком не просто порядка в космосе, но такого его качества и содержания, которые делают его **человеческим** порядком¹⁰. Думаю, что эти современные труды Щетинин прочитал не успел, но тем более поразительно, насколько его мысли развивались параллельно поискам профессиональных философов XXI века. И, не побоюсь этого слова, — опережали их.

У Щетинина в книге «Объять необъятное» есть удивительные строки, как будто он заглянул на 30 лет вперед: «Это не конец, а начало. Конец книги должен быть фразой, оборванной на полуслове. Точка многозначнее самоуверенного восклицательного. За ней всегда продолжение...» (с. 134).

*И.А. Бирич,
доктор философских наук, профессор МГПУ.*

¹⁰ Самохвалова В.И. Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека. Научное издание. — М.: РУДН, 2007. 538 с. (Грант РФНФ); Философия русского космизма и новое мировоззрение: Сб.ст. по материалам межвузовской конференции. — М.: МГПУ, 2014. 210 с.; Международные научные конференции по актуализации потенциала русского космизма «Космизм и органицизм: эволюция и актуальность». — Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2012–2019 гг.

ТРУДЫ
М. П. ЩЕТИНИНА

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ:

Записки педагога. — М.: Педагогика, 1986. 176 с.

От первого читателя

«Объять необъятное». Какими еще словами наиболее полно, без упрощения определить задачу воспитания человека? Чтобы ощутить грандиозность задачи, напишем для себя прописными — ЧЕЛОВЕК. Воспитание ЧЕЛОВЕКА — грандиозная задача, за которую берутся родители, педагоги, школы по всему миру, одновременно спрашивая себя, почему в одних случаях получается, а в других не получается? Частый ответ — разные способности, разная генетика, разные условия. И дальше развилка: либо мы такой ответ принимаем и строим соответствующую педагогику воспитания более ПОНЯТНОГО нам, упрощенное до как-то нами определяемых возможностей человека; либо не принимаем и строим педагогику, которая готова работать с целостностью каждого ребенка, с его нередуцированной сложностью, без списания причин успеха-неуспеха на внешние по отношению к педагогике обстоятельства. Как ни странно это может звучать на чей-то слух, разделение детей на способных и неспособных — это внешние для педагога обстоятельства, потому что ЧЕЛОВЕК и МИР, частью которого является человек и/или который вмещает в себя человек, сложнее, мощнее, ресурснее любого нашего представления о нем и даже его собственного представления о себе.

Книга Михаила Петровича Щетинина (М.П.), к чтению которой вы сейчас приступаете, это описание подтвержденного предыдущей и последующей 40-летней практикой усилия создать педагогику, которая «работает» с целостным человеком без какого-либо редуцирования. Каждая глава книги — это обозначение развилки и выбор между упрощением образа ребенка, превращающим ребенка в более удобный объект воспитания, и сохранением всей полноты его сложности, требующей соз-

дания педагогики, соразмерной этой сложности, соразмерной комплексности личности ребенка.

Книга небольшая, но чрезвычайно емкая. Кажется, в ней пройдены все возможные развилки, и каждый раз выбор автора являет нам бесстрашную готовность М.П. выходить на максимальную высоту — работать, не умаляя природную целостность человека.

«Объять необъятное» — уникальное путешествие в самую современную педагогику, порой переходящее в детектив — детектив по решению самых сложных проблем образования. Связанная с этим неготовность системы принимать новое превращает в драму самую современную педагогику. Книга читается на едином дыхании. После прочтения книги невозможно представить себя, как педагога без этого знания от М.П. Этот глубоко научный труд М.П. по праву заслуживает статус педагогической поэмы XXI века.

Артём Соловейчик
главный редактор ИД «Первое сентября»

Прасковье Георгиевне
и Петру Михайловичу Щетининым,
моим родителям, посвящаю

МЕЛОДИЯ ДЕТСТВА

Дети... Наша боль, наша радость, наша надежда...
Позовите своего сына, дочь, посмотрите им в глаза. На вас смотрят столетия...

NB В этих словах весь М.П. Нужно смело нарабатывать опыт чтения его мыслей, отмечая для себя постоянный выход на ЦЕЛОЕ. Человек — это его прошлое, настоящее и будущее в каждый момент жизни. Перед тобой, педагог, дети, за каждым из которых столетия, а не разумность/неразумность в соответствии с возрастной периодизацией. Если есть понимание масштаба каждого ребенка, если есть готовность взаимодействовать с таким масштабом, то уровень диалога между учителем и учеником обретает соответствующий масштаб. А иначе, разговор проваливается в бытовое, умаляет личности и ученика, и учителя, теряет воспитательную силу.

Бережно передавались эти глаза от поколения к поколению.

Я пишу, и они встают передо мной... Доверчивые и настороженные, лукавые и грустные, испуганные и дерзкие. Вот опять смотрят: «Ты мне поможешь?» — «Да, да, конечно».

С одной лишь мыслью помочь я и пишу. А чтобы помочь, надо знать. Одному человеку не постигнуть бесконечности своего «я». Надеюсь, что наш скромный опыт сольётся с опытом других.

С чего все началось? Бегу на главпочтамт. Торопливой рукой на бланке «телеграмма» пишу, как песню: «Я студент второго курса». Кто бы мог подумать, чтобы в Саратовское музыкальное училище, да ещё сразу на второй! Я поверил, что могу. Усвоив ещё в музыкальной школе от мудрого моего учителя Георгия Георгиевича Чендева истину: в искусстве последним быть нельзя, иначе, зачем быть, — я «гонял»

гаммы, играл этюды, разучивал пьесы. «Работать, работать и работать!» — твердил я себе по утрам, вставая нередко в 3–4 часа, чтобы никто не мешал, и было настолько трое: я — баян — музыка. Кто в юности не мечтал прожить так, чтобы «след оставить», совершить несовершенное, открыть неоткрытое? Думаю, что все. Я работал по 8–10, иногда по 12 часов в сутки только на инструменте. Юношеское честолюбие, помноженное на труд и музыкальные задатки, было основой будущих успехов. Главное, я верил. Но вот в классе сольфеджио молодая учительница вынесла приговор: «У вас очень слабый слух (я нередко писал музыкальные диктанты на «два»), трудно вам будет». Слабый? А как его сделать сильным? Работа? Это я могу. И снова бесконечные занятия, только теперь уже по ночам (чтобы лучше слышать), у рояля. К концу второго курса у меня обнаруживают... абсолютный слух. Не может быть, у меня — абсолютный?! Нет, всё правильно, я стал слышать без настройки точную высоту любого звука. В журнале против моей фамилии постоянно отметка «пять». А в сердце радость: я могу! Работа, работа, работа... Учитель по специальности доволен: самостоятельное мышление, но надо работать больше над техникой. Ещё больше? И снова — гаммы, этюды...

Февраль 1964 года, я на четвёртом курсе, скоро госэкзамены. Но что это? Рука... Болит правая рука. «Пройдёт!» — думал я. Нет, боль не прошла. Теперь болит уже и левая. «Смените профессию, — говорит спокойно врач, — это у вас профессиональное...»

Вот и всё. «Талант — это любовь. Талант — это труд, бесконечная работа над собой» — так учили нас наставники. Но ведь я любил музыку и трудился, как никто другой! Значит, надо любить и трудиться иначе. Но что значит «иначе»? «Человек может всё!» Я не смог. Значит, не дано. Не дано? Кем «не дано»? Каждый нерв, каждая клетка моего организма яростно протестовали.

Не осуществив мечту детства, я приобрёл сто мучительных «почему?»: что может человек? Где границы человеческого «могу»? Нельзя ли их раздвинуть? Если можно, то как?.. Всё, что бы ни делал, чтобы ни читал, рассматривалось мною через призму поставленных вопросов. Предположив, что причины моей неудачи в неправильной организации труда, я штудировал методики обучения игре на музыкальных инструментах.

Позже, в Кизлярской музыкальной школе, я убедился, что ни одна методика не гарантирует от неудач. По-прежнему у одних учеников получалось, а у других — нет. У одних крепили мастерство и вера в

себя, росла любовь к музыкальному искусству. У других — постепенно росли сознание своего бессилия и неприязнь ко мне, преподавателю, и к музыке. К концу учебного года в классе отсев.

NB «Отсев» — одно из самых страшных в педагогике слов. Навскидку это понимают большинство. Но по факту, именно из-за нашей неготовности взаимодействовать с целостной личностью ребенка такие инструменты воздействия на него как «ошибка», «двойка», «отбор», «отсев», «приговор об отсутствии способностей» — стали главными инструментами педагогики. И это не недоразумение, а главный тренд, демонстрация нашей неготовности к педагогике целостной личности. М.П. с самого начала взялся за решение именно этой проблемы: как в процессе воспитания, в процессе становления личности укрепить достоинство и ребенка, и взрослого, убрать все “не могу” и “невозможно” на пути к полноценному становлению человека, несмотря на любые обстоятельства жизни.

Так или иначе, если мы принимаем «отсев» как часть педагогики, если у нас есть объяснение «почему отсев», мы перестаем быть педагогами. Управленцами в лучшем случае. Мы делаем детали, с сопутствующим механизмом отбраковки, а не помогаем вырастить личность, преодолевая трудности, не сдавая ребенка, не теряя веру в него ни при каких обстоятельствах. Укрепляя веру ребенка в себя при любых обстоятельствах, при любых поворотах судьбы.

Потеряв веру в себя, в учителя, ученики уходят. Уходят... «Уходят потому, что ты не можешь помочь», — думал я. Где же золотое зерно истины? Какой должна быть методика преподавания, чтобы каждый ученик раскрыл свои природные возможности?..

Я вижу твои глаза, я не забыл их, помню, как будто это было вчера. Ты пришёл, потому что верил мне, ты старался сделать всё так, как я тебе говорил, ловил каждое моё слово. Мы вроде бы справлялись с программой, но гасли твои глаза, отчего становилось беспокойно на душе. Не скрою, приходила спасительная для честолюбия мысль: «Я делаю всё, отдаю ему время, силы, здоровье, а у него не выходит, значит, он не способен. У других же всё идёт успешно...»

Учитель, как часто произносим мы эту формулу в момент своей слабости, педагогической несостоятельности. Как легко свалить

вину на природу, особенно когда никто не возьмётся проверить, так ли уж виновна она. Да и как проверить то, о чём почти не имеешь представления?! Природа человека... Что это? Два слова без ясного смысла, обозначение неосязаемой, предполагаемой реальности?

Тогда я отступил, устал... Нет, не устал (зачем искать оправданий?), я просто сдался. Не хватило веры в тебя, не хватило силы духа понять тебя. Ты ушел... Но беспокойство, тревога остались.

Ко мне пришел другой ученик, другие глаза с надеждой глядели на меня. И я почувствовал, что снова обманываю и его, и себя. Мы учимся на авось, ориентируясь на то, как делал тот, у кого «вышло». Но ведь тот, у кого «вышло», другой. Я понял, что мой метод, метод проб и ошибок, — от незнания главного — твоих возможностей.

С той поры я прочёл много книг, написанных о человеке и его природе. Но сведения нередко противоречили друг другу. С педагогами Кизлярской музыкальной школы мы решили выяснить (насколько это было возможно в наших условиях), в чём отличие тех, у кого «получалось», от тех, у кого «не получалось». И причину успехов или неудач искали именно в этом отличии. Каковы интересы наших учеников? Чем они любят заниматься и хотели бы заниматься в свободное время? Каков их режим дня? Что они успевают сделать за неделю? Чтобы выяснить это, мы составили различные анкеты.

Данные исследования вначале разочаровали нас. Учащиеся «сильных» групп, казалось, не имели какого-либо яркого отличия от «средних» и «слабых». Мы уже стали думать, что наша затея ни к чему не привела. Но, перебирая ещё и ещё раз анкеты, мы вдруг обнаружили, что отличие есть. Оно заключалось в широте, количестве и глубине «побочных» интересов. А что, если успехи в музыке зависят в большей степени от уровня общего развития человека, нежели от каких-то особых, отдельных музыкальных способностей? Может быть, и не бывает способностей в одном без способностей во многом? Мы нашли ещё одно подтверждение этому предположению, когда сопоставили результаты обучения одних и тех же учащихся в музыкальной школе с их успехами в общеобразовательной. Оказалось, что из 100 процентов наших отличников и «хорошистов» 98,3 процента учились на «4» и «5» и по общеобразовательным предметам.

Молодость часто покоряет вершины только потому, что она не успела узнать, что вершины эти недосягаемы. Мы были молоды. Мы тогда не говорили: «А может быть...» Мы поверили: способность к одному виду деятельности слагается из способностей к другим.

Талант — это синтез множества талантов. Значит, задача развития одной способности должна быть одновременно и задачей развития «побочных» способностей. Для того чтобы воспитать специалиста, надо, следовательно, помимо заботы о специализации развивать «человека вообще», человека в целом... Нужен был эксперимент.

Мы решили взять группу так называемых музыкально малоодарённых, то есть в обычном смысле бесперспективных учащихся, и, влияя на формирование «побочных» интересов, проследить, скажется ли это на качестве их музыкального исполнительства.

Первое время мы почти отказались от обычной формы урока по специальности. Читали стихи, писали рассказы, делали зарисовки, играли в спортивные игры, ходили в туристские походы на Терек, в лес, слушали у ночного костра таинственные истории. Музыкальные занятия были не основной частью нашей работы. На уроке нередко играл я сам, а ребята слушали. Тому, у кого «не получается», очень трудно, почти невозможно сохранить желание учиться. Поэтому, как самое драгоценное, берег я в них чувство любви к музыке. Главное — жизнь, рассказ о ней, о своих впечатлениях средствами музыки. Были уроки без единого музыкального звука, только горячие, возбуждённые споры о чём-то на этот раз более важном, чем игра на инструменте.

***NB В этих нескольких предложениях — вся педагогика! Во-
обще вся! Так мог бы звучать Символ Веры Педагога.***

Так прошёл первый год. Во второй класс перешли все. На экзаменах мы выглядели не хуже других. А результаты второго года обучения превзошли даже наши ожидания. Уже зимой и весной на академическом концерте ребята — в числе лучших. А впереди третья весна, конкурс на лучшее исполнение музыкальных произведений. Решили готовиться все. На конкурсе учитывались культура, эмоциональность и, конечно, техника исполнения и сложность произведений. Мы пошли на риск: взяли пьесы очень высокой сложности. К тому времени у учащихся окреп интерес к музыке, появилась вера в свои силы. Мы много играли: музыкальный материал менялся к каждому уроку. У нас было твёрдое мнение: одно и то же нельзя давать два урока подряд, надо беречь чувство, свежесть восприятия, внимание. Быстро играть, быстро двигать пальцами — значит быстро мыслить. А какое может быть мышление во время нудно-однообразных бесконечных упражнений?!

NB Навскидку из однообразных упражнений состоит не менее 70 процентов нашего школьного образования. Было бы здорово этого избежать. Если не с точки зрения педагога, то уж точно с точки зрения ученика. Педагог привык полагать, что только через повторы, только через бесконечные гаммы возможно обрести базовый набор навыков, функциональную грамотность или что-то подобное, и что по-другому не получается. Но то, что по-другому не получается, не делает бессмысленным вопрос, возможна ли какая-то другая педагогика (дидактика, методика), которая освободит нас всех от школьного однообразия, высвободит огромное количество времени, уходящих на повторы, победит скуку, избавит от сна души?

М.П. взялся за решение этой задачи. И решил ее в своей педагогике, обеспечив таким образом невероятную интенсивность одного процесса при существенной разгрузке детей.

Ничто не нагружает детей больше и на умственном, и на физиологическом уровне, чем необходимость преодолевать скуку.

Дальше в тексте книги М.П. приводит известную цитату Н.К. Крупской “Интенсивность — залог правильного развития”.

Походы с ночевкой в лес или к легендарному Тереку, рассказы о прочитанном, споры, стихи у костра, игры по-прежнему занимали большое место в нашей жизни. Каждый рос как личность. Это было главное.

И вот, наконец, конкурс «Белая акация». Какими словами передать то, что мы испытали, когда жюри единогласно решило все призовые места отдать представителям нашего класса? Все призовые места наши! Победа!

Как сейчас, вижу, подходит ко мне заведующий отделением народных инструментов и говорит: «Этого не может быть... здесь что-то не так...» Он выжидательно смотрит мне в глаза, ища ответа, надеясь выведать некую тайну. «Как вы работаете над пьесами?» — «Мы работаем над человеком».

Я вспомню это «не может быть» спустя десять лет, когда группа работников народного образования из Кабардино-Балкарской АССР, посетив среднюю школу-комплекс в Ясных Зорях — прямое продолжение Кизлярской музыкальной, — оставит запись в книге отзывов: «То, что мы увидели в Яснозоренской школе, этого не может быть...» А учитель из Северодонецка, прочитав о нас, напишет мне гневные строки:

«Вы вводите в заблуждение людей, утверждая, что человек может всё! Сколько трагедий, неудовлетворённости, разбитых надежд оставит после себя этот красивый и насквозь фальшивый лозунг: «Человек может всё!» Вы поступаете жестоко и бесчеловечно. Вы ему: «Ты можешь», а жизнь своё: «Нет!» Жизнь делила и будет делить на сильных и слабых. Вы ему говорите: «Ты сильный!» А он вдруг оказался, фактически (!), не на словах, слабым, даже ничтожным. Что прикажете делать такому человеку? Какой ему дадите совет? Наука генетика доказала правоту моих слов. Так давайте будем смотреть не на небо, мечтающая о «лучшей доле», а взглянем повнимательнее на действительное положение вещей... Талант — аномалия, дорогой коллега!»

Тогда, в Саратове, после приговора врача я думал точно также. Однако благодарен моим родителям, моим учителям, всем людям, окружавшим меня, которые с первых робких шагов в жизнь внушали мне: «Ты можешь!»

Нет, «дорогой коллега», сегодня я готов спорить, готов спокойно и уверенно, с полной ответственностью утверждать: «Человек может всё!» И это не слепая вера. Дайте человеку возможность мочь!

А если нам кажется иногда, что не можем, то это не от «действительного положения вещей», а от того, что где-то погрешили перед собственной природой, перед сложнейшей системой — человеком. В оптимистическом «Человек может всё!» главное — сам человек. Именно через осмысление этого девиза шло формирование идеи многоцелевой школы, школы-комплекса. Мы часто говорим: «развитие ребёнка, развитие человека». Но что значит «развивать человека!? Это значит развивать всё, что включает в себя понятие «человек».

Человек! Как великолепно раскрывается суть его в этом слове. Тот, кто впервые назвал так когда-то нашего предка, сделал выдающееся педагогическое открытие, сознательно или бессознательно обобщив многомиллионный путь его развития. Человек — чело веков, то есть лоб, ум, лицо столетий, ум, формировавшийся века, ум как результат миллиардов лет эволюционного развития природы. Мы не с нуля начинаем, мы берём эстафету у многовековой истории развития жизни. Тысячу раз прав Г.С. Скворода, утверждая: «Учитель...только служитель природы». Чтобы соответствовать высочайшему и ответственнойшему званию «учитель», мы должны, говоря в классе: «Здравствуйте, дети!», иметь в виду глубоко осмысленное «Здравствуйте, века!» И если это «здравствуйте» с тем же смыслом скажет вся школа, создав условия для развития природы человека,

то каждый гражданин страны детства и мы вместе с ним обоснованно заявим: «Человек может всё!»

Но вернёмся в 60-е — начало 70-х годов к Каспийскому морю, в Кизляр...

Стремление к разностороннему развитию детей находило всё большую поддержку среди педагогов. И всё же трудно поворачивался учитель к человеку в будущем пианисте, скрипаче... Помню, какое недоумение вызвало появление в музыкальной школе хореографов. Сколько надо было упорства, характера, таланта балетмейстеру Валентине Ивановне Старчак, чтобы класс народного танца прижился в музыкальной!.. «Скоро к нам боксёра пришлют», — язвили сторонники «чистой» музыки. Оживление клубной работы, театрализованные музыкальные постановки, выставки рисунков, поделок из различного природного материала вызывали среди «классиков» недоверие, нередко перераставшее в жалобы по инстанциям: «Мы отходим от профессионализма, школу превращаем в самодеятельность... Без толку убиваем время учеников, они скоро играть разучатся...» У этих педагогов были свои отработанные приёмы, благодаря которым их выпускники получали неплохую подготовку, учились дальше в музыкальных училищах и вузах. В основе их метода воспитания лежал принцип отбора:

1) я даю — ученик берёт — ученик учится;

2) я даю — ученик не берёт — ученик не учится.

Такой подход к «образованию» удобен преподавателю-предметнику: главное — предмет, который надо «дать». Все внимание сосредотачивается на знании учебного материала, а не на изучающем этот предмет ученике.

По-другому подходит к своей профессии учитель-психолог. Он стремится к познанию своих учеников, на основе этого познания строя и преподавание предмета. Он живёт жизнью тех, кого учит. Если преподаватель-предметник скажет об ученике: «У него не получается», то учитель-психолог подчеркнёт: «У нас не получается», себя от него не отделяя.

Несмотря на то, что предметники все силы концентрировали на профессиональной подготовке, стремились оградить учеников от всего «отвлекающего», «побочного», они терпели поражение именно по специальности. У учителя-психолога быстро росли успехи учеников, в его классе отсеивался исключительным, чрезвычайным происшествием. В качестве примера можно привести класс преподавателя специальности фортепьяно Тамары Михайловны Яценко.

Именно в её классе ученики получали прежде всего общее развитие, именно из её класса был наибольший процент поступления в музыкальное училище и почти нулевой процент отсева. Её ученики отличались высокой культурой не только на сцене у рояля, не только в трактовке и исполнении музыкальных произведений, но и в быту, в общении со сверстниками и старшими...

Я всегда с благодарностью вспоминаю кизлярские дни моей юности, дни коллективного творчества педагогов музыкальной школы Т.М. Яценко, Р.Ф. Терентьевой, Г.И. Мовчан, А.Г. Афанасьевой, Г.В. Яценко, В.Г. Солдатовой, Т.П. Кардашевской, В.И. Старчак и других. Это они по крупицам «оформляли» идею школы-комплекса, школы целостного, многогранного развития учащихся. Я учился у них, рос вместе с ними.

Однако, чем больше крепла у педколлектива уверенность в необходимости различного развития будущих музыкантов, тем больше возникал вопрос. «Сколько можно работать на одном энтузиазме? Зачем нам самим заниматься с учениками, например, живописью, лепкой? Почему бы не пригласить специалистов-художников?» — все чаще звучало в кабинете директора. А время? Наши ученики занимались одновременно в двух школах, каждая из которых считала себя главной.

Нам явно не хватало сил, нужны были дополнительные штаты, нужно было единство действий с общеобразовательной школой. Так начал вырисовываться образ школы-комплекса, которая в первоначальном виде рассматривалась как союз школ: общеобразовательной, музыкальной, художественной и хореографической. Затем в качестве первого шага было решено организовать школу искусств, а уж потом объединиться с общеобразовательной. Мыслилось так: учащиеся города, поступая к нам, одновременно переходят и в состоящую с нами в союзе ближайшую общеобразовательную школу. План работы и расписание занятий утверждаем на объединённом педсовете, и ни одна из школ без согласования с другой не должна ничего изменять ни в плане, ни в расписании. Повседневной работой школ между педсоветами будет руководить административный совет, в который войдут директора и завучи обеих школ. Председатель выдвигается на совете и утверждается на бюро ГК КПСС. Но чтобы такое объединение имело силу, необходимо было сначала получить согласие министерств культуры и просвещения республики.

С тем и поехал я в Махачкалу в Министерство культуры Дагестанской АССР. Меня принял замминистра. Вежливо выслушал, подробно

расспросил о нашей работе, а затем сказал: «Вы меня убедили пока только в том, что так называемая многосторонность развития приводит к перегрузкам детей. Что касается вашего опыта, то он ещё не может служить достаточным основанием для рассмотрения вашего предложения на уровне двух министерств... Тут нужны более серьезные научно-практические обоснования, а затем продуманный эксперимент под руководством учёных. Ваш коллектив взял обязательство вывести школу на уровень образцовой. Это очень трудная задача, но она разрешима. Здесь я готов вам помочь, поддержать... А то, что вы предлагаете, похоже на мечту, и, вы не обижайтесь, на нереальную мечту».

Из Махачкалы я возвращался в райкомовском «газике». Дорога, плоская и серая, медленно втягивалась под машину. Слева и справа унылым однообразием распласталась предгорная равнина. Опустился вечер, гася яркие краски дня, заменяя их на одну серо-чёрную... Всё это соответствовало настроению. Мысли были мрачны. Всплыл в памяти конкурс «Белая акация», радостно улыбающиеся лауреаты... «А что будет завтра? Что скажу коллективу? Сворачиваем все наши эксперименты... Будем становиться образцовыми? А дальше?» Представил реакцию верного моего помощника, завуча школы Тамары Михайловны Яценко. Вспомнились её победы, её рост как учителя. Вспомнил требовательные, колкие и честные глаза заведующей теоретическим отделением Раисы Фёдоровны Терентьевой: «Что струсил?...» «Ну, а что делать дальше?» — начал я воображаемый диалог. — «Бороться!» — «Легко сказать — бороться... Ехать в Москву? С чем? Что мы можем сказать? Какие у нас доводы? Нет, замминистра прав: нужен серьезный эксперимент». Стемнело, дорога теперь не казалась бесконечной лентой, она была словно перерезана на куски, которые один за другим выхватывали у ночи фары машины. «Вот так и мы, — погрузился я в свои мысли, — выхватываем у природы только то, что видим под ногами. А что там, за горизонтом? Что слева и справа прячется во тьме нашего незнания космоса человеческого «я»?

Перебирая в памяти каждое слово замминистра я всё больше убеждался в его правоте... А что, если начать эксперимент в селе? Колхозы строят современные Дворцы культуры, музыкальные, художественные, общеобразовательные школы. Почему бы всё не объединить в одном здании? Единый комплекс колхозу построить выгоднее, и оплату некоторых специалистов он может взять на себя. Координировать усилия учебно-воспитательных учреждений будет

совет директоров. Тогда работа пойдёт в одном режиме, по одному расписанию и плану, без дублирования.

Домой приехал радостный. «Разрешили?» — ещё у калитки спросил отец. — «Нет!» — ответил я и расхохотался, поняв, насколько нелепо выгляжу. И когда вся наша семья собралась за столом, я подробно рассказал о разговоре в министерстве и о том, какой выход подсказал нам замминистра... Написал «наша семья» и подумал, что читателя надо обязательно с ней познакомить: отец Пётр Михайлович, мама Прасковья Георгиевна, жена Надежда Андреевна и дочь Галя. Они принимали самое непосредственное участие во всём, что было связано со словом «школа», и когда надвигались чёрные тучи, и когда было ясно и празднично... Идея организации школы-комплекса в сельской местности была одобрена на совете Щетининых.

Сурков

С той памятной поездки в Махачкалу начался поиск адреса будущей школы. Чтобы осуществить задуманное, казалось мне, надо было найти такого председателя колхоза, который бы, не жалея средств для школы, считал её своим важнейшим производственным участком. Помощь нам оказывала газета «Сельская жизнь». Вся наша семья внимательно следила за выступлениями в ней руководителей хозяйств, сообщениями о социально-культурном строительстве на селе. Затем я отправлялся на встречу с героями рассказов, очерков, авторами статей, — словом, с теми, кто, судя по выступлению в печати, придавал огромное значение вопросам воспитания нового поколения... В те годы я впервые остро почувствовал, как трудно быть правильно понятым.

NB Высокий коэффициент инновационности открытий М.П. подтверждается уровнем неготовности школы как системы принять его находки. Но, ставшее нормой первоначальное непонимание каждой большой педагогической находки, только укрепляло уверенность М.П. в необходимости продолжать свои поиски педагогики комплексного развития личности. Никакого снижения задач. Никаких компромиссов. Основание педагогики могут составлять только самые высокие ценности. А иначе это не педагогика, а набор правил для безболезненного соответствия заданному.

Каждое закрытие школы на педагогическом пути М.П. — это закрытие школы, а не ИДЕИ. За каждым закрытием следовало открытие новой ШКОЛЫ, еще более смелой, еще более утвердительной в своих базовых принципах.

Я смотрел на задуманное, как мальчик смотрит на мир: всё виделось в радужных красках. Но с каждой новой встречей, с каждой новой дискуссией убеждался, насколько велико расстояние от желаемого до возможного. Помню, как тускнели глаза председателей, когда я доходил в изложении своей «теории» до... коры больших полушарий головного мозга. С этой минуты между нами росла непреодолимая стена непонимания. Разговоры обычно кончались рукопожатием и тёплым председательским «до свидания» со вздохом облегчения.

Производственники, привыкшие видеть саму суть, сам корень проблемы, помогли многое прояснить. Они нередко загоняли меня своими вопросами или контрдоводами в тупик, заставляя вновь и вновь проверять каждую деталь. Иной раз я уходил из кабинета руководителя, как из класса школьник, которого послали за родителями. Бывало, проехав тысячи с лишним километров, добираясь на «попутках», обдумывая помногу раз возможные варианты беседы, отрабатывая свою «речь» не менее основательно, чем актёр на репетиции, я через минуту выскакивал из кабинета, получив короткое и злое: «Не до этого сейчас» (это — словами, а глазами: «Ездят тут всякие...»). Как легки мы порой на скоропалительные мнения друг о друге, как часто, не задумываясь, не вникая, рубим сплеча, не ведая, как больно порубленному...

Однако нет худа без добра. В этом «худе» бесплодных поездок было и великое добро, потому что неудачи вели меня к человеку, чьё имя, чтобы ни случилось, куда бы ни забросила жизнь, будет для меня символом веры в красоту человеческую.

NB В этих словах самоаттестация М.П. Таким он прошел через все перипетии жизни, создав в селе Текос Краснодарского края свою школу — Лицей комплексного формирования личности детей и подростков.

О Николае Алексеевиче Суркове, тогдашнем председателе белгородского колхоза «Знамя», я прочитал случайно в небольшой книжке «Зимний Микола». Прочитав, решил увидеть своими глаза-

ми героя. Встречу помогли организовать работники Белгородского управления культуры.

Отправляясь на Белгородщину в 1971 году, я не думал, что еду на встречу своей судьбе. Ехал без особого энтузиазма, без надежды увидеть, наконец, председателя, готового серьезно взяться за работу с детьми.

...Молодой, удивительно энергичный и обаятельный, Николай Алексеевич покорял простотой, естественностью в обращении, какой-то мудрой человечностью. Но особенно поражала в нём способность схватывать основную мысль, молниеносно развёртывать её в перспективе, и не просто слушать собеседника, но активно думать вместе с ним, а затем, как впоследствии не раз убеждался, неистово драться за воплощение идеи, в которую поверил.

После встречи с Сурковым определился адрес новой школы: посёлок Ясные Зори Белгородской области...

Когда мы с Николаем Алексеевичем обсуждали принципы работы школы, спорили по каждой детали, не были вырыты даже котлованы под фундамент её здания. Но не возникло и сомнения, что школы может не быть. Я знал, что школа будет, потому что был Сурков. Суркову я верил по-детски, без оглядки, как верю ему и сейчас. Моя нынешняя вера испытана совместной напряженной работой.

Сурков не принадлежит к числу тех хозяйственников, которые, отмахиваясь от сути проблемы, говорят: «Я тебе даю деньги, а ты делай как знаешь...» Он был активным творцом школы, вникал в каждую мелочь, обсуждал каждую деталь. Беседы с Николаем Алексеевичем помогли определить обязательное учебно-воспитательное подразделение комплекса — учебно-производственный комбинат.

В 1971 году мы не смогли приступить к осуществлению нашей, как говорил Николай Алексеевич, задумки. Дело в том, что Суркова вскоре перевели в Губкинский район Белгородской области начальником управления сельского хозяйства. Пришлось отложить начало эксперимента.

...В 1973 году, в один из декабрьских вечеров, я просматривал почту. Вдруг звонок: «Кизляр, ответьте — междугородная».

— Михаил Петрович, это ты?

— Я...

— Сурков.

— Николай Алексеевич? Откуда?

— Я в Ессентуках, решил немного подлечиться... Как у тебя дела?

Не позабыл ещё о нашей школе?

— Нет, конечно, нет!

— Тогда приезжай, начнём...

В феврале, в просторном кабинете секретаря Белгородского райкома партии Н.А. Суркова вместе с архитектором Талалаем мы перекраивали проект строящейся Бессоновской средней школы. Почему Бессоновской? К тому времени строительство школы в посёлке Ясные Зори было завершено, оставались отделочные работы. Что-либо изменить было уже очень трудно. А изменять в типовом проекте надо многое, чтобы перестроить его для нужд не только общеобразовательной, но и для художественной, спортивной, хореографической, музыкальной школ и учебно-производственного комбината.

В наполовину недостроенной школе села Бессоновка это сделать было ещё не поздно. Бессоновка была выбрана и по другим соображениям. Колхоз им. М.В. Фрунзе, на территории которого она находилась, — один из крупнейших и богатейших в области. А без крепкой материальной базы хозяйства говорить о создании школы-комплекса очень трудно, так как многие расходы, включая и оплату некоторых специалистов, колхозу надо было брать на себя. К тому же в Бессоновке правление колхоза во главе с председателем Героем Социалистического Труда Василием Яковлевичем Гориным вело огромную работу по улучшению культурно-бытовых условий труженников села. Это в значительной степени облегчало возможность бытового устройства преподавателей будущей школы. В.Я. Горин горячо поддерживал идею создания школы-комплекса и обещал поддержку в практическом её осуществлении.

...Через четыре месяца я снова приехал на Белгородщину, и уже, как мне казалось, навсегда.

В Кизляре мы убедились, что общее развитие учащихся является основой, фундаментом воспитания музыкальных способностей, то есть любая «частная» одарённость вырастает на почве целостного образования.

NB Это аксиома аксиом для образования. Но на практике гаммы побеждают мысли. Как заниматься гаммами, нам понятно, а как заниматься мыслями? На практике мы не верим, что для достижения любой частной задачи воспитания нужно вкладываться в воспитание целостного человека.

Но нам по-прежнему было не ясно значение того или иного вида деятельности для всестороннего развития человека. Каков должен быть «набор» видов деятельности для того, чтобы развить всего человека, исходя из его природы? Мы дадим нашим ребятам во второй половине дня возможность заниматься любым делом. Но достаточно ли этого? А может, не стоит создавать комплекс, если общеобразовательная школа справится с задачей всестороннего, целостного развития ребёнка? Испытывает ли общеобразовательная школа необходимость соединения с другими учебно-воспитательными учреждениями?

Ответы на эти вопросы мы искали в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, в педагогических взглядах Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, С.Т. Шацкого, А.С. Макаренко, П.П. Блонского, Н.К. Крупской, Я. Корчака, А.В. Луначарского, В.А. Сухомлинского.

Утвердиться в правильности выбранного пути помогли нам труды выдающегося физиолога И.П. Павлова, исследования современных психологов, медиков: Л.В. Занкова, П.Я. Гальперина, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова, Дж. Брунера, А.Р. Лурия и других.

Гипотеза

«Ура! Мама, я получил «пять»! Нам сегодня Клавдия Александровна, знаешь, что рассказывала...» — радостно, взхлёб сообщает первоклассник маме о своих первых достижениях в школе.

Кто из нас, родителей, не испытывал это волнующее чувство удовлетворения: «Сын начал хорошо, легко значит... быть может...» Мечты, надежды твои, родитель, так понятны! «Мы не можем смотреть на маленькие создания без чувства радости, даже восхищения — обычно они обещают больше, чем могут осуществить потом», — писал великий Гёте. «А может быть, мой и потом... сможет осуществить то, что обещают его нынешние мощные, кажется, неистощимые силы», — за тайно верим мы в звезду своего дитяти... Но идут годы, и всё реже мы слышим радостное: «Ура! Мама, я сегодня получил «пять»!»

«Саше семь лет, — писал мне врач из Барнаула о своем сыне. — Он очень подвижный, открытый и добрый мальчик... Хорошо поёт, много рисует, лепит, любит конструировать, строить. Но в этом году ему идти в первый класс. Я боюсь за него... А что, если он больше потеряет, чем приобретёт, в школе?»

Приведённое письмо, к сожалению, не единственное. У меня на столе множество писем родителей, педагогов, людей из различных городов, сёл, областей. Авторы с тревогой пишут о том, что «после учебного дня ребёнок приходит вялым, удручённым», что «учитель работает на износ, борясь с перегрузками», что «учителя давно смирились с таким положением, когда вместо «живой» успеваемости приходится «гнать» процент успеваемости» и т.д.

О понижении успеваемости от класса к классу как о типичном явлении пишет учитель из Киевской области Ю. Костик: «...типичная картина выглядит следующим образом: в I–III классах подавляющее большинство детей учатся на «4» и «5», с IV класса успеваемость начинает падать, а в выпускных лишь немногие учатся без троек». Такая «результативность» нашей работы заставляет признать, что школа недостаточно развивает главное — способность к познавательной деятельности, к учению».

Об этом с болью писал В.А. Сухомлинский: «Много тревожного в том, что умственные способности ребёнка словно постепенно угасают, притупляются в годы отрочества». Почему это происходит в учреждении, цель которого — «возжечь пламя мысли», приобщить человека к постоянному духовному самосовершенствованию?!

NB Современные, прорывные явления советской и постсоветской школьной педагогики строятся во многом на находах Василия Александровича Сухомлинского, сделанных им во время директорства в школе села Павлыш Кировоградской области Украины. В книге-антологии его работ «Сухомлинский о воспитании» можно найти десятки концептуальных и дидактических подсказок для своей сегодняшней работы в школе.

Психолог В. Пинн, директор эстонской спецшколы-интерната, пишет: «Источник здесь один: непреодолимые препятствия... от невозможности выполнить то, что должно быть обязательно выполненным: ребёнок возмущён и подвижен... Он в опасном напряжении». Если состояние «напряженности» или «тревожности» наступает от «непреодолимых препятствий», от «невозможности выполнить», то существующая система обучения в школе, очевидно, нуждается в совершенствовании.

По каким принципам нужно строить новую школу? Какой она должна быть, так необходимая для счастья, для расцвета ума и физических сил наших детей?

По нашему мнению, учебно-воспитательный процесс в школе должен быть построен с учётом прежде всего возрастных психофизиологических особенностей детей. Ребёнок в раннем возрасте располагает какой-то способностью, каким-то отличительным качеством, определяющим его высокие познавательные возможности.

Но что же отличает ребёнка от взрослого? Н.К. Крупская говорила, что отличие это заключается в «чрезвычайной эмоциональности, а потому и в интенсивности восприятия». На эту особенность указывал и Я. Корчак: «Дети — князя чувств...»

Попробуем разобраться в том, какая может быть связь между эмоциональностью ребёнка, активностью чувственных форм восприятия и его мыслительными способностями с точки зрения учения о высшей нервной деятельности. Вот что писал по этому поводу И.П. Павлов: «В развивающемся животном мире на фазе человека произошла прибавка к механизмам нервной деятельности...появились, развились и чрезвычайно усовершенствовались сигналы второй степени, сигналы первичных сигналов, в виде слов, произносимых и видимых. Однако, согласно И.П. Павлову, ошибочно считать, что способность говорить пришла к человеку внезапно, как «подарок всевышнего». «Прибавка» могла появиться только на «фазе человека», который должен был выделиться из животного мира степенью развития мозга, то есть степенью развития первой сигнальной системы, богатством сенсорного восприятия.

О высокоразвитом образном мышлении, необычайно высоком уровне познавательных возможностей человека говорит сам факт овладения ребёнком речью. Вряд ли в течение всей его жизни встречается более трудная задача, чем выучиться говорить, произносить слова, связывать их в наполненные смыслом предложения. Бесполезный малыш учиться говорить самостоятельно, сам себе вырабатывает методику обучения. Никто его не наставляет: «Открой рот, набери воздуха, сомкни голосовые связки, подперев их воздухом, и резко разомкни — это «а». Ребёнок просто слушает, сопоставляет, сравнивает, анализирует, делает выводы, вскрывает закономерности, постепенно продвигается к цели. Каким должен быть уровень образного мышления, чтобы, только находясь в речевой атмосфере, самостоятельно разобраться в значении каждого слова и, разо-

бравшись, научиться управлять сложнейшим аппаратом говорения, научиться, не зная правил, грамотно выражать свою мысль! Но вот сформировано речевое мышление. Что происходит с его родителем — образным мышлением? Оно отмирает, выполнив свою задачу? Конечно нет! Слово, как «сигнал первичного сигнала», как обозначение образа, не может быть оторванным от своей сути, от своего действительного содержания, в противном случае оно станет «сигналом ничего», пустым звуком.

Два взаимосвязанных пласта мышления — образное и речевое — составляют наш мыслительный аппарат. Нарушение их взаимосвязи приводит к снижению, а то и к утрате мыслительных возможностей человека. Поэтому И.П. Павлов, предупреждая об опасности разрыва двух сигнальных систем, писал: «Нужно помнить, что вторая сигнальная система имеет значение через первую сигнальную систему и в связи с последней, а если она отрывается от первой сигнальной системы, — то вы оказываетесь пустословом, болтуном и не найдёте себе места в жизни... нормальный человек, хотя он пользуется вторыми сигналами, которые дали ему возможность изобрести науку, усовершенствоваться и т.д., будет пользоваться второй сигнальной системой только до тех пор, пока она постоянно и правильно соотносится с первой сигнальной системой, то есть с ближайшим проводником действительности».

И.П. Павлов убедительно показал, что словесно-знаковое требует «постоянного подкрепления» со стороны образного, а образное, в свою очередь, требует «подкрепления» — питания, активной деятельности органов чувств через их непосредственный контакт с окружающей действительностью. И это подкрепление, согласно И.П. Павлову, «необходимое и даже определяющее» условие нормального функционирования слова. Отсюда следует, что здоровье, активность мышления (словесно-знакового и образного) в конечном счёте обусловлены здоровьем и активностью сенсорного, то есть чувственного аппарата. Развивать и совершенствовать мыслительные способности — значит прежде всего развивать и совершенствовать их корни — чувственные формы восприятия. Последнее означает включение всех форм чувственного восприятия, и прежде всего зрительного, двигательного и слухового, в активную деятельность, а в условиях школы — в учебно-тренировочную среду. В противном случае способности отражать внешние воздействия угаснут, органы чувств придут в вялое, пассивное состояние. И снизится активность мышления.

Мы подходим к стратегии и тактике развития. Если мозг человека, по образному выражению И. Ефремова, «колоссальная надстройка, погруженная в природу миллиардами щупалец, отражающая всю сложнейшую необходимость природы, и потому обладающая многосторонностью космоса», то влияние на развитие мозга должно идти через влияние на развитие всей природы человека, всего его организма, с которым связан мозг.

Активность интеллектуальных сил, свойственная раннему возрасту, произрастает из высокой активности двух взаимосвязанных форм мышления: словесного и образного, которые, в свою очередь, основываются на высокой активности чувственных форм восприятия. До школы эти три вида активности могут быть стихийно в отношении равновесия. Но с первым звонком на урок равновесие нарушается. Вторая сигнальная система усиленно начинает нагружаться, а первая практически лишена нагрузки, выполняет в основном вспомогательные, подручные функции.

Школа ставит перед собой задачу всестороннего развития. Но решает ли? В любой школе сорок человек занимаются музыкой, другие сто — спортом, третьи — техникой, четвёртые... А один живой ученик получает всестороннее развитие?

Возьмём школьное расписание. Разве в подборе видов деятельности, в которых «развиваются» наши дети, не высказывается губительная односторонность для детского ума? Когда видишь, чем загружен учебный день наших учеников, всплывают слова Мишеля Монтеня: «В тех, кто ставит своей неизменной целью домогаться возможно большей учёности, кто берётся за писания учебных трудов и за другие дела, требующие постоянного общения с книгами, — в тех обнаруживается столько чванства и умственного бессилия, как ни в какой другой породе людей». Известный французский философ был далёк от мысли, что общение с книгами есть причина умственного бессилия. Причина в ином — в узости подхода к развитию, «в домогании учёности» в ущерб общему развитию. Добиться учёности только через «учённость» невозможно, поэтому усилия домогающих-ся бесплодны.

Чтобы ребёнок овладел созданной человечеством знаковой системой общения, устной и письменной (в широком смысле) речью, школа стремится как можно скорее развить в ученике его специфически человеческое мышление. Велико и прекрасно устремление, выросшее из формулы: «Могуч тот, кто может, а может тот, кто зна-

ет...» Однако предметы, которые служат развитию жизнедеятельности организма, или, как говорил И.П. Павлов, его «уравновешиванию с окружающей средой», совершенствующие ведущие чувственные способности человека видеть, слышать и двигаться (изобразительное искусство, музыка, физкультура и труд), фактически считаются предметами второго сорта, вспомогательными. Они стоят на последнем месте в ряду предметов по степени значимости. Это наглядно проявляется в учебном плане.

Адресованные непосредственно ко второй сигнальной системе, математика, чтение и письмо даже в первых классах, не считая дополнительных и домашних занятий, занимают 3/4 всего обязательного учебного времени. На развитие же форм восприятия, от которых зависят мыслительные, познавательные возможности учащихся, в особенности их образное мышление, отводится всего по 1/24 (музыка, изо) или по 1/12 (физкультура, труд) части общего обязательного недельного учебного времени. В учебных программах старших классов ещё меньше внимания уделяется живому чувству, организму ученика. Ведущие человеческие формы восприятия (слуховое, зрительное и двигательное) совершенствуются неполно. Огромные «пласты» головного мозга, на которые могла бы опираться вторая сигнальная система, не получают стимулирующей учебной тренировки, остаются за пределами внимания школы. Так разрывается связанное природой.

Классики отечественной педагогики указывали на необходимость (для активизации мыслительной деятельности) развития чувственных форм восприятия, включая и двигательные, иначе не были бы написаны эти строки: «...чем выше эмоции, тем большую роль играют мысли, тем ... легче возбуждают они мысли...», «мышление теснее всего связано с мускульно-двигательными комплексами...» (П.П. Блонский). «Школа должна с самого раннего детства укреплять и развивать внешние чувства: зрение, слух, осязание и пр., так как от их остроты, совершенства, развития зависит сила и разнообразие восприятий, поэтому детям необходимо давать возможность постоянно упражнять свои внешние чувства» (Н.К. Крупская).

Основоположники советской школы, исходя из марксистско-ленинского учения, указывали на необходимость целостного психофизиологического подхода к изучению развития человека. «Человек — есть организм, — писал А.В. Луначарский. — Мы в этом отношении последовательнейшие материалисты, и мы впервые сказали пол-

ным голосом: педагогика должна базироваться на... физиологическо-медицинском изучении организма ребёнка, его развития... Мы знаем, что развитие тела ребёнка, включая развитие нервно-мозговой системы, есть подлинный объект нашей работы. Значит ли это, что мы пренебрегаем его духом? Конечно нет! Дело в том, что организм представляет собой для нас, материалистов-диалектиков, абсолютное единство, не только нервно-мозговая система... но решительно всё тело психично и духовно...»

Нищая, голодная республика, ведя ожесточённые бои с внутренней и внешней контрреволюцией, в нечеловечески трудных условиях разрухи, думала о школе, детях. В первые годы Советской власти партия приняла долгосрочную программу развития народного образования, изложенную в ленинских принципах единой трудовой политехнической школы.

Узости, односторонности старой школы программа противопоставляла целостное, всестороннее развитие человека. Однако в те годы мы могли приступить к выполнению минимума из того, что предлагалось: на более широкое образование просто не хватало средств. «Когда в Наркомпросе впервые разрабатывались принципы советской школы, мы придавали огромное значение художественному воспитанию. Потом, за отсутствием средств, от художественному воспитанию ничего не осталось, кроме кое-где уроков пения...немного театрализации и чуточку рисования», — писал А.В. Луначарский.

«В педагогических кругах существует мнение, что обучение обязательно приводит к существенному продвижению учащихся в их развитии. Это неверно. Можно путём многократных повторений и тренировочных упражнений добиться неплохих результатов в усвоение знаний и навыков, а в тоже время дать очень мало для развития школьников. Для того чтобы достигнуть быстрого и интенсивного развития, необходимо создать такую систему обучения, которая специально имеет в виду эту задачу, — полагал профессор Л.В. Занков. Поэтому наша цель — сделать так, чтобы сам учебный процесс являлся гарантией гармоничного развития каждого учащегося.

С точки зрения воздействия на целостный организм ученика, на его психофизиологическую систему учебный день школы — фактически один изнурительно-долгий, прерывистый урок, склеенный из различных лоскутов сложной, в основном абстрактной, информации. На наш взгляд, необходима иная структура учебного дня. Гармонич-

ность развития требует и гармоничного соотношения предметов, адресованных обеим сигнальным системам. Поэтому для развития первой сигнальной системы, равно как и второй, необходима систематическая и постоянная специальная учебно-тренировочная деятельность, рассчитанная на развитие и совершенствование трёх ведущих анализаторов: зрительного, слухового и двигательного. Чувственный мир человека требует специально организованной учебно-тренировочной среды, где бы его не просто использовали, а продуманно, целенаправленно и всесторонне развивали. Уроки, от которых зависит качество мыслительной деятельности вообще, должны быть в школьном расписании каждый день. В настоящее время мы располагаем педагогической практикой, подтверждающей верность такого вывода. Об этом свидетельствует, например, опыт академика Р.В. Силлы в ряде общеобразовательных школ Эстонской ССР. Ежедневные уроки физкультуры в значительной мере способствуют улучшению успеваемости по естественно-математическим предметам. В пользу ежедневных уроков физкультуры, снимающих умственное утомление, являющихся физиологической предпосылкой нормального развития мозга, говорят исследования И.А. Аршавского, Ю.М. Протусенеча, Т.В. Волковой. Достоверные научные данные свидетельствуют о положительном влиянии мышечной деятельности на все физиологические системы и функции детского организма. Они согласуются с исследованиями отечественных и зарубежных физиологов и гигиенистов о пагубном влиянии гиподинамии на функциональное состояние человека.

Так подтверждается верность выводов И.П. Павлова о взаимобусловленности двух сигнальных систем, о необходимости их параллельного развития. Если активизация даже одной или двух форм восприятия даёт заметный сдвиг в улучшении мыслительной деятельности учащихся, то совершенствование всех форм должно привести к полному расцвету духовных сил человека.

Систематическое, достаточно глубокое развитие и совершенствование первой сигнальной системы, несловесных форм мышления вернёт в школу, по образному выражению Я. Корчака, бродающую «по свету золушку — чувство».

Каким быть уроку? Чем ярче вырисовывалась предметная структура учебного процесса с полноправными уроками физкультуры, труда, музыки, изобразительного искусства, тем острее вставала проблема времени, проблема учебной нагрузки школьников.

Виделись два основных пути решения: 1) сокращение времени на изучение программы благодаря координации учебного материала по всем предметам, объединению усилий всех учителей-предметников, установлению межпредметных связей; 2) высвобождение второй половины дня для занятий по интересам в результате рационального использования времени каждого урока, значительного уменьшения объёма домашних заданий.

Учителя соглашались с тем, что «давно пора начать борьбу с перегрузкой учеников», что «невозможно стало работать». Но самостоятельности в поиске путей высвобождения учебного времени не проявляли. Они рассуждали так: «Дети перегружены? Вынуждены работать почти вдвое больше, чем взрослые? Это губительно отражается на их здоровье, умственных способностях? Да, но...моей вины в этом нет, я делаю как положено. Начальству виднее...»

Учитель общеобразовательной школы ограничен в возможности творить.

NB Так было всегда: большое количество предписаний и для учителя, и для ученика, возникающих из-за необходимости государственных гарантий вкупе с традиционной педагогикой, во многом обходящей острые углы развития, приводит к тому, что невозможно разорвать порочный круг всеобщей усталости от необходимости соответствовать. Неавторская позиция, позиция не из себя, несамость ослабляют учителя так же, как и ученика. Предельный ответ на этот принципиальнейший для школы вызов — каждый учитель — автор, каждый ученик — автор. М.П. строит именно такую авторскую школу.

Основную часть своей работы он делает не как подсказывают ему опыт, конкретная обстановка, возможности учеников, его совесть, наконец, а как «предсказано» сверху. Учебный материал расписан по полочкам, количество часов строго распределено по темам, жёстко регламентирован каждый урок.

Чтобы изменить, надо доказать, чтобы доказать, нужен эксперимент, чтобы провести эксперимент, надо изменить... образовался замкнутый круг. Важно было доказать необходимость и возможность сокращения учебного времени, ссылаясь на опыт других, на педагогическую науку, на уже проведённые исследования и эксперименты в различных областях науки и практики.

Читал в то время все подряд, нередко наугад, по интригующему названию подбирая себе книги в библиотеке, лишь бы они были о здоровье, о психике человека, о его творческих возможностях и, конечно, о воспитании и образовании. Толчком к сужению поиска послужило высказывание К.Д. Ушинского: «Дайте ребёнку немного подвигаться, и он одарит вас опять десятью минутами внимания, а десять минут живого внимания, если вы сумели ими воспользоваться, дадут вам в результате больше целой недели полусонных занятий».

NB *К сожалению, в реальной школьной жизни мы, при всех своих пониманиях, не можем обустроить уклад, соответствующий классическим формулам живого учения. Чтобы обустроить школу, в которой естественным является живое учение, нужны не только идеи и разработки, но и большое мужество. Потому что действенные решения существенно перекраивают привычный уклад школы. Мы еще только подбираемся к возможностям школы без классно-урочной системы, а М.П. в поисках живого, эффективного учения уже более сорока лет строит школу, центром которой является личность ученика, а не “удобство составления расписания” под возможности наличного педагогического состава.*

У Н.К. Крупской нахожу утверждение, что дети отличаются интенсивностью восприятия, а потому и быстрой утомляемостью. «Интенсивность, — пишет Надежда Константиновна, — залог правильного развития». Напрашивался вывод: не допускать умственной дремоты, учить только в период сосредоточенности внимания, интенсивности восприятия.

NB *Понимаем ли мы, учителя, свою ответственность за недопущение умственной дремоты? Понимать-то понимаем, но как от нее избавиться? Главное решение М.П. в этом направлении — развитие созидательного начала в ребенке. Когда в ребенке появляется смелость созидателя, смелость совершать поступки, тогда и мышление из чисто умозрительного и абстрактного становится мышлением человека, способного на поступки. Такой человек никогда не свалится в умственную дремоту.*

Не зря К.Д. Ушинский считал одним из важнейших условий хорошего преподавания «как можно меньший ежедневный урок».

Пришла мысль испытать на себе, каково учащимся в современной школе. Я решил ходить на уроки, делать всё, что делают ученики целую неделю. На первых двух уроках IX классе я был старательным и достаточно внимательным учеником, хотя, признаюсь, к концу первого урока хотелось перемены. На третий урок я шёл без энтузиазма, но, решив не сдаваться, усилием воли заставил себя быть деятельным и активным. Выдержал я и четвёртый урок, но с пятого почувствовал первые признаки головной боли... Последний урок сидел лишь потому, что обещал высидеть всё, с тяжелой головной болью я чертил домики, рисовал кружочки, чёртиков и т.п. Вторую половину этого дня я провёл дома, пытаюсь сном спастись от головной боли. На следующий день на последних уроках опять боролся с дремотой. Третий день принёс неожиданный сюрприз: я вдруг почувствовал, что во мне растёт желание что-нибудь вытворить прямо на уроке. Еле удержался от желания щелкнуть по затылку сидящую впереди ученицу. На четвёртый день я, как школьник, сбежал со второго урока, обрадовавшись подвернувшемуся «срочному» директорскому делу. В этот же день ко мне подошли двое ребят и сказали: «Михаил Петрович, не ходите к нам больше на уроки, извините, но... мы уже не можем, вы стали нас раздражать...»

— Почему? — удивился я. — У вас так интересно...

— Да, понимаете, как-то не по себе... сидишь, как мумия, отвлекься даже нельзя...

Говоря о гигиенической целесообразности более короткого урока, хочу напомнить слова Л.Н. Толстого: «Для того, чтобы душевные силы ученика были в наивыгоднейших условиях, нужно... чтобы ум не утомлялся... лучше ошибиться и отпустить ученика, когда он ещё не утомлён, чем ошибиться в обратном смысле и задержать ученика, когда он утомлён...» Иначе, утверждает Н.К. Крупская, «если мы на ребят навалим непосильный труд, то мы будем воспитывать лодырей, людей, которые халатно будут относиться к труду».

Но что значит «как можно меньший... урок»? Какова продолжительность сосредоточенного внимания учащегося? Что говорит об этом наука? Исследования умственного утомления школьников были проведены ещё в прошлом веке учёными разных стран мира (А. Байем, Х. Инавс, Н.И. Банст, М. Флери, О. Дориблит, Д. Бекл, П.Ф. Лесгафт, А.П. Доброславин, Ф.Ф. Эрисман и др.). Они раскрыли

губительное влияние на здоровье детей учебной перегрузки и установили, что утомление появляется после 30–40 минут умственной работы. О гигиенической нецелесообразности 45-минутных уроков для учащихся младших и средних классов свидетельствуют наблюдения советских учёных А.П. Краковского, Н.П. Родиной, В.Н. Самышкина, В.М. Зубковой и других. Так, Н.В. Черепинский пишет о том, что младшим школьникам чрезвычайно трудно сохранить высокую работоспособность в течение 45-минутного урока. А семилетние первоклассники, по утверждению В.М. Зубковой, просто не выдерживают такой длительной нагрузки: «Уже спустя 30 минут урока они становятся невнимательными, начинают шалить, заниматься посторонней работой, не слушают и не воспринимая объяснений учителя...» Учёный-гигиенист Р.Г. Сапожникова, обобщая многолетние исследования коллег, подчёркивает: «...последние 10–15 минут урока наиболее утомительны и, следовательно, неэффективны в педагогическом отношении», тогда как, добавляет физиолог А.Н. Кабанов, «уменьшение продолжительности урока создаёт лучшие условия для упражнения корковых клеток, для повышения их способности к усвоению более высокого ритма...»

Последние 10–15 минут урока неэффективны в педагогическом отношении, их нагрузка учёбой приводит к тому, что пятый и шестой уроки уже полностью следует считать малоэффективными для учебных занятий, то есть фактически неиспользуемое учебное время в цепи шести 45-минутных уроков составляет 130–150 минут ($45 \cdot 2 + 10 \cdot 4$ или $45 \cdot 2 + 15 \cdot 4$) в день. Продолжительность полезного, то есть учебного, времени — 120 ($30 \cdot 4$) или 140 ($35 \cdot 4$) минут. В цепи шести 30–35-минутных уроков учебное время равно 180–210 минут ($30 \cdot 6$; $35 \cdot 6$). Сокращённые уроки, следовательно, не уменьшат фактического учебного времени, а даже увеличат его на 60–70 минут. Но если принять во внимание, что 30–35-минутный урок создаёт, как говорилось выше, «лучше условия для упражнения корковых клеток, для повышения их способности к усвоению более высокого ритма», то полезный «учебный вес» коротких уроков станет ещё более значительным. Это позволит неиспользованное учебное время (130–150 минут в день) заполнить уроками «образного» цикла. И далее. Если эти уроки не просто приплюсовать, а расставить между уроками «речевого» цикла, то эффективность учения школьников ещё больше повысится. К такому заключению приводят данные учёных-педагогов, медиков, физиологов, психологов. Уроки «образ-

ного», или «эмоционального», цикла, поставленные внутрь учебного процесса, служат своеобразным стимулятором, подзарядкой для мыслительной деятельности на уроках «речевого» цикла. Умело используя время от первой до последней минуты, учитель и учащиеся сделают гораздо больше непосредственно на уроках, что отразится на сокращении объёма домашней работы, а следовательно, приведёт к уменьшению учебной нагрузки ребят.

Такой режим позволит, по нашим представлениям, обеспечить высокую работоспособность учащихся на протяжении всего учебного процесса, создаст, наконец, условия, гарантирующие сохранение и даже укрепление здоровья детей.

Рациональная организация уроков должна улучшить и постановку трудового воспитания в школе. Мы последнее время уделяем много внимания этому важнейшему социальному вопросу. Однако часто все наши усилия концентрируются главным образом на трудовом обучении или на трудовом воспитании в процессе уроков труда, в процессе работы на производственных комбинатах, в производственных бригадах и т.п. Но можно ли говорить о воспитании в ученике труженика, если мы не научим его систематически учиться, если он будет безответственно относиться к главному своему труду в школе — учению?!

NB Вот задача задач, чтобы ученик воспринимал учение как свой главный труд, чтобы годы в школе были вкладом в учеников, как в тружеников, а не наоборот, как в прозябателей. А ведь, сегодняшняя школа в массе своей скорее про второе. Хожу в школу не по своей воле, делаю то, что скажут и ровно настолько, чтобы не иметь проблем, жду ее окончание. Похоже на "мотаем срок", как бы жестко это ни звучало. Чему может научить такая жизнь? И дело не в знаниях или не только в них. Дело в образе жизни, который закрепляется надолго, если не навсегда. Такой судьбы не мог допустить для своих воспитанников М.П. И построил школу, в которой состояние прозябания не случается, в которой каждый ученик включенно строит свою и общую жизнь.

Если мы говорим, что учёба — главный труд школьника, то нам следует прежде всего позаботиться о том, чтобы «ни одна минута не пропадала даром, чтобы все ребята были поголовно втянуты в работу» (Н.К. Крупская).

Короткие, заполненные делом уроки «речевого» и «образного» циклов, поставленные в расписании по принципу смены видов деятельности, должны создать объективные условия для формирования у школьников привычки напряжённо, с отдачей трудиться.

Расписание ставит новые вопросы. Мы понимали сложность перестройки учебного процесса во всех классах сразу. Такая «решительность» могла бы породить несметное количество ошибок, а то и вовсе дискредитировать идею. Поэтому вначале сосредоточили своё внимание на построении предметной структуры учебного процесса в I–IV классах. Эксперимент предполагалось начать в I классе. Из нескольких вариантов расписания занятий отобрали вначале два. Оба были составлены по принципу смены видов деятельности, то есть каждый новый урок являлся разрядкой, отдыхом от предыдущего и в тоже время стимулом, подзарядкой для последующего. Был соблюден и принцип ежедневности упражнений для развития чувственной сферы ребёнка. Однако эти варианты увеличивали общее учебное время на 30 минут при 30-минутных уроках и на 65 минут при 35-минутных.

В результате, если при четырёх 45-минутных уроках обязательные занятия заканчивались в 12:10, то при семи 30-минутных уроках эти занятия будут заканчиваться на 1 час, а при 35-минутных — на 1,5 часа позже. Оба варианта могут не устроить ребят, думали мы, необходимостью более долгого обязательного пребывания в школе. Резерв времени мы увидели... в дополнении к учебному плану ещё одного предмета — хореографии. Это позволяло «сократить» время на чистую музыку и чистую физкультуру.

Ручной труд будет выполнять роль предмета, синтетически развивающего зрительное восприятие и моторику. Известный английский психолог Дж. Брунер, подчёркивая самую тесную связь между интеллектом и повинующейся ему рукой, пишет, что овладение возможностями руки при формировании навыка и то, как она достигает полноты своих возможностей, могут многое сказать о мышлении человека. Уроки труда в начальной школе должны стать прежде всего уроками развития «думающей руки». Этим целям как нельзя лучше отвечает художественный ручной труд (лепка, выпиливание, вышивание, обработка различных материалов), в процессе которого, послушная воле, выполняет тончайшие трудовые операции и гармонично развивается рука.

С введением в расписание хореографии и художественного труда мы получили возможность сократить в сравнении с прежними вари-

антами общую продолжительность учебного дня на 40–45 минут. Так постепенно оформилась структура учебной недели в I–IV классах. Благодаря гигиенически оправданному сокращению времени урока, а также своевременной смене видов деятельности расписание стало более компактным, чем прежде, сохранив многообразие развивающих занятий и включённость внимания с первого до последнего урока.

СТРУКТУРА УЧЕБНОЙ НЕДЕЛИ В I–IV КЛАССАХ

Дни недели	Время	I класс	II класс	III класс	IV класс
Понедельник	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Хореография	Хореография	Хореография	Физкультура
	10.00 — 10.35	Чтение	Чтение	Чтение	Литература
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			
	10.55 — 11.30	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Изобр. иск.
	11.40 — 12.15	Русский язык	Русский язык	Русский язык	Русский язык
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность (худож. труд, худож. конструирование, конструирование, моделирование, растениеводство). Свободное время, занятия по интересам			
Вторник	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Физкультура	Физкультура	Физкультура	Физкультура
	10.00 — 10.35	Чтение	Чтение	Чтение	Русский язык
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			

Дни недели	Время	I класс	II класс	III класс	IV класс
Вторник	10.55 — 11.30	Музыка	Музыка	Музыка	Изобр. иск.
	11.40 — 12.15	Русский язык	Русский язык	Русский язык	История
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность. Обед Свободное время, занятия по интересам			
Среда	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Хореография	Хореография	Хореография	Физкультура
	10.00 — 10.35	Русский язык	Русский язык	Русский язык	Русский язык
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			
	10.55 — 11.30	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Музыка
	11.40 — 12.15	Чтение	Чтение	Чтение	Природоведение
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность. Обед Свободное время, занятия по интересам			
Четверг	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Физкультура	Физкультура	Физкультура	Хореография
	10.00 — 10.35	Чтение	Природоведение	Природоведение	Русский язык
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			
	10.55 — 11.30	Музыка	Музыка	Музыка	Изобр. иск.
	11.40 — 12.15	Русский язык	Русский язык	Русский язык	Литература
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность . Обед Свободное время, занятия по интересам			

Дни недели	Время	I класс	II класс	III класс	IV класс
<i>Пятница</i>	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Хореография	Хореография	Хореография	Физкультура
	10.00 — 10.35	Чтение	Чтение	Чтение	История
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			
	10.55 — 11.30	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Изобр. иск.	Музыка
	11.40 — 12.15	Русский язык	Природоведение	Природоведение	Литература
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность. Обед Свободное время, занятия по интересам			
<i>Суббота</i>	8.30 — 9.05	Математика	Математика	Математика	Математика
	9.15 — 9.50	Физкультура	Физкультура	Физкультура	Хореография
	10.00 — 10.35	Чтение	Чтение	Чтение	Русский язык
	10.35 — 10.55	Лёгкий завтрак			
	10.55 — 11.30	Русский язык	Русский язык	Музыка	Изобр. иск.
	11.40 — 12.15	Музыка	Музыка	Русский язык	Природоведение
	12.25 — 13.05	Предметно-практическая деятельность. Обед Свободное время, занятия по интересам			

Не изменить мечте

NB *Многое из того, что задевает нас в школе, но мимо чего мы проходим с привычными “так было всегда” и “такова жизнь”, воспринималось М.П. непоправимым педагогическим провалом. Школа без таких провалов, подробнейшее обустройство которой сложилось у М.П. достаточно рано, и стала его мечтой. В YouTube есть запись выступления М.П. Щетинина (1989 года) о педагогике, о школе, об ученике, о себе. Посмотрите эту запись, не откладывая. В записи и про мечту, которой изменить невозможно, и про силу духа М.П., который по натуре своей не из тех, кто сворачивает с пути, кто может изменить своей мечте. И не изменил до самого предела своей жизни, несмотря на порой тяжёлые обстоятельства, в которых было больше причин для остановки, чем возможностей для движения вперед. М.П. не остановился ни разу.*

В колхоз им. М.В. Фрунзе я приехал в самом конце мая 1974 года. Ещё в феврале мы договорились с руководством района и колхоза о том, что с 1 июня я буду участвовать в строительстве Бессоновской школы. В мои функции входило наблюдение за строительными работами в соответствии с уточнённым для школы-комплекса проектом, а также контроль от лица заказчика (колхоза) за качеством строительства в целом и отделочных работ в частности.

Работа на стройке помогла мне впоследствии верно оценить случившееся в Бессоновке...

Я часто рассказывал рабочим о том, какой видится мне школа, которую мы строим. Мы говорили о детях, спорили о возможностях человека. И как-то незаметно будущая школа стала нашей общей мечтой.

Особенно старались бригады отделочников Анны Виконовой и Валентины Коротких. Сколько раз оставались девчата на часок-другой после рабочего дня, советовались, как сделать работу лучше, переделывали готовое, чтобы получилось так, как задумали.

Была у нас, и не значащаяся в штате «железная дивизия» которую мы бросали на самые трудные участки. Её состав: Зина Воронцова, Лена Фаюстова, Лёша Возняк, Геннадий Гавердовский, Владимир Фёдорович Цехов, Надежда Андреевна Щетинина. Первые трое, бывшие учащиеся Кизлярской музыкальной школы, должны были

стать старшеклассниками Бессоновской. Они со временем хотели работать в этой школе. В.Ф. Цехов, наш выпускник из Кизляра, только что окончил Белгородское музучилище, в Бессоновке должен был возглавить одну из шести школ комплекса — музыкальную. Н.А. Щетинина готовилась преподавать биологию. Г.А. Гавердовский — директор будущей спортивной школы. «Железная дивизия», как мы в шутку называли эту бригаду, приходила к вечеру и, пока было светло, готовила фронт работ для строителей на завтрашний день. В этом маленьком коллективе все жили по законам совести.

NB Каждому из нас должен выпасть хотя бы раз за жизнь такой подарок — попасть в коллектив, в команду, в которой все живут по законам совести. А для педагога такой опыт — важнейшая не только жизненная, но и профессиональная необходимость. Детство тем и отличается от взрослости, что, когда не по совести, детство исчезает, — просто перестает быть. И тогда бессмысленно удивляться, что педагогика не работает.

Ни разу, чтобы ни приходилось делать, я не слышал от них жалоб, не видел даже тени, намёка на обиду. Никто из них за всё время не сказал: «Это не моё дело». Напротив, каждый старался взять на себя более трудное, более неприятное. Тогда, к своему стыду, я принимал это как должное: ведь у нас одна мечта. Только позже я смог понять, с кем мне выпала честь быть рядом в то трудное лето 1974-го....

Пока шла стройка, я одновременно занимался и комплектованием спецшкол. Здесь всплыла непредвиденная трудность: нежелание специалистов жить и работать в селе. «Если бы такую школу сделали в городе, я бы пошёл!» — нередко говорили «спецы». Колхоз давал квартиры со всеми удобствами, мы гарантировали хорошую зарплату, обещали каждую неделю возить в театры, но желающих не находилось. Многих смущала и неизвестность, неуверенность в самом деле: «А если эксперимент провалиться, опять срываться? Вы начинаете, если всё пойдёт хорошо, тогда и...» К счастью, вовремя была найдена причина неудач в подборе педагогического состава: погоня за авторитетами. Я стал искать молодых специалистов, готовых экспериментировать, испытать себя. Профессионализм — дело наживное, главное — вера в общее дело, в свои силы, в способности

детей. К началу учебного года штат специалистов в основном был укомплектован. Новая школа представлялась межпланетным кораблём, готовым к длительному полёту. И ничто, казалось, не могло остановить его: экипаж готов, есть самое мощное горючее — мечта. Корабль ждал только команды: первого звонка. Но прежде — знакомство экипажа с предстоящим маршрутом полёта...

Вышло так, что летом, с головой окунувшись в водоворот строительства, занимаясь подбором педагогов для специальных школ, я не успел познакомиться с учителями, которые уже работали в общеобразовательной школе села Бессоновки. Заранее вписав их в заинтересованный актив, был убеждён, что они станут самыми горячими сторонниками и соавторами школы-комплекса.

И вот первая встреча с педагогами общеобразовательной. Сразу же почувствовал неладное: учителя не были настроены на разговор о завтрашнем дне школы. Я всё же рассказал им о предстоящей работе, раскрыл суть эксперимента. Слушали без особого интереса, некоторые смотрели в мою сторону с нескрываемой враждебностью. После нескольких формальных вопросов «беседа» иссякла. Учителя вели себя так, словно речь шла о каком-то очередном, не касающемся их мероприятии...

Нежданно-негаданно навалилась беда, беда непонимания, недоверия тех, с кем предстояло воплощать мечту в реальность. Педагоги специальных школ увлечённо приступили к занятиям, однако слаженного ансамбля с учителями общеобразовательной не получалось. А я, к сожалению, мало что мог предпринять, чтобы изменить ситуацию. Дело в том, что для объединения усилий всех воспитательных учреждений, находящихся на территории колхоза, была введена (решением общего собрания) должность заместителя председателя колхоза по работе с молодёжью, культуре и эстетике; на эту должность назначили меня. Получив «широкие полномочия», я на самом деле почти лишился возможности руководить экспериментальной работой в школе, осуществлять непосредственный контакт с педагогами и учениками. Знакомился с производственными участками колхоза, с людьми, стремился проникнуться нуждами и заботами молодёжи, ездил по сёлам хозяйства, изучал работу детсадов, школ, клубов. Как член правления колхоза, считал своим долгом разбираться и в производственных вопросах. Поэтому стал усиленно расширять свои знания по сельскому хозяйству, штудировал специальную литературу.

А школа? Вместо того чтобы, видя назревающие нездоровые отношения в коллективах, бросить всё и заниматься только ею, я... бывал в ней. Мне казалось, что нельзя торопить события, нужно время, чтобы мы нашли общий язык. Но отчуждение росло, и я решил пойти на прямой, открытый разговор.

... В то ясное октябрьское утро я был, как никогда, бодр, полон оптимизма. У входа в школу небольшими группами стояли, о чём-то переговариваясь, педагоги и учащиеся. Всё как обычно в обычное школьное утро. Но когда стал подходить ближе, заметил на себе странные, по-особому пристальные взгляды учителей, откровенно любопытные — ребят. И тут меня словно ударили... У центрального входа в школу огромными белыми, в человеческий рост каждая, буквами чьей-то рукой на асфальте старательно выведено: «Щетинин — дармоед!»

NB Свои непонимание, неготовность двигаться вперед мы, люди, а иногда уже и не люди, обставляем по законам лженауки, лжепропаганды, переворачивая до противоположного смысла сильные стороны идущего вперед первооткрывателя. Чем большими были достижения педагогики М.П., тем более дикие формы принимали кампании по его дискредитации. Система сопротивляется изменениям всегда. Но особенно яростно, когда у нее нет аргументов против нового.

Вот и поговорили... выяснили... разобрались...

Видимо, у каждого человека бывают в жизни минуты отчаяния, когда он начинает думать, что все и всё против него, когда, кажется, рушится его вера в свою мечту, в человека... Выход мне виделся только один — уехать.

О том, как искал место, где бы можно было начать сначала, рассказывать ни к чему. И здесь я опять должен сказать слова благодарности замечательному человеку и настоящему коммунисту Н.А. Суркову за понимание, поддержку и доверие. Он вызвал меня в райком партии. После откровенного и нелёгкого разговора мы весь день ездили по колхозам и совхозам района. Николай Алексеевич увлечённо рассказывал о перспективах развития района, показывал поля, новые стройки, мощные животноводческие комплексы, говорил о трудностях, неудачах. Но вот Сурков остановил машину.

— Мы сегодня располагаем, как никогда, мощной техникой, огромными материальными средствами, — начал твёрдо Николай Алексеевич, — но сельское хозяйство далеко не решённая проблема. Вот посмотри на это поле. — Сурков показал на мощный тёмно-зелёный ковёр озимых слева от нас. — А теперь рядом, через дорогу, в четырёх метрах... Видишь, какое различие?!

И действительно, поля разительно отличались.

— Сорт зерна один, техника одна, погодные условия одинаковые... Так в чём же причина? Что у них разное?.. Разное — люди! Центральный вопрос для нас — человек! И воспитать его должна школа. Обществу нужны гарантии, что из каждого здорового ребёнка вырастет человек — творец, убеждённый строитель коммунизма.

— Николай Алексеевич! — воспользовавшись паузой, сказал я. — Да разве не об этом уже десятки раз было говорено с вами?

— Говорено было... А что делать будет?! — Сурков, не глядя в мою сторону, решительным шагом направился к машине.

— Да я что, от дела бегу? Ну, ошиблись в Бессоновке... Так что же, вы думаете, я складываю оружие?!

— Садись, оратор, всё равно от твоих речей урожая не прибавится, — примирительно сказал Николай Алексеевич.

«Волга» понесла нас по просёлочной дороге между двух полей озимой пшеницы в колхоз «Знамя» — туда, где когда-то работал председателем Сурков, где когда-то вместе с ним мы мечтали о создании школы-комплекса. Выехали на добротную бетонку и через несколько минут оказались на центральной усадьбе колхоза, в посёлке с поэтическим именем: Ясные Зори... Выходя из машины, увидели идущего навстречу худощавого, слегка сутулившегося мужчину. «Ну вот, знакомьтесь, — будто продолжил разговор Николай Алексеевич. «Босов», — протягивая крепкую руку, сказал мужчина и посмотрел мне в лицо тёмно-карими умными глазами. Так состоялось моё знакомство с председателем колхоза «Знамя» Николаем Егоровичем Босовым.

Это было 4 ноября 1974 года. Пятого ноября я стал директором Яснозоренской средней школы.

Путём проб и ошибок

Начало. Хорошо помню сцену моего представления педагогическому коллективу Яснозоренской школы. Словно это было вчера, вижу глаза учителей, в которых понятный мне вопрос: «Кто ты?»

«А в самом деле, кто? — мысленно вступая с ними в разговор, думал я. — Что принесу вам? Я не управлять хочу, а думать вместе с вами, вместе бороться за школу для детей».

И вот я в кабинете директора...у себя в кабинете. Все ушли домой. Завтра мой первый день, вторая четверть 1974/75 учебного года. С чего начать? В воображении проносились эпизоды из жизни в Бессоновке, строительство школы. «Помнишь, настоящее взаимопонимание ты встретил только тогда, когда, взяв мастерок, встал рядом с рабочими, когда они поверили, что ты не командовать пришёл, а вместе с ними дело делать. Ты обратил внимание на то, как по-разному отнеслись к идее школы-комплекса рабочие и учителя? Для первых она стала их собственной, а для вторых оказалась чужой, продиктованной «сверху». Новое должно обязательно созреть, родиться в коллективе. Нельзя распространять опыт директивно, кампанией. Навязанное новшество превращает людей из творцов в слепых исполнителей. Так с чего начать?..»

Внезапно я услышал чьи-то взволнованные крики. Что это? Быстро поднявшись, открыл окно. В кабинет ворвался холодный осенний ветер и вместе с ним ожесточённая, грубая брань, от которой стало жарко: крик был детский. Я увидел жуткую сцену: два рослых подростка били в овраге мальчишку лет одиннадцати. Не помню, как бежал по лестнице со второго этажа и дальше вниз. Через несколько мгновений, схватив за шиворот хулиганов, я тряс их с такой силой, будто навсегда хотел вытрясти эту звериную жестокость к человеку: «Что же вы делаете!» И вдруг один из них захныкал: «Прости-и-те... мы больше не бу-у-дем... прости-и-те... дядечка...» Я молча разжал руки, подростки стояли, потупив головы.

«Что это там за фраер нашелся?» — раздался неприятный скрипучий голос. Я обернулся и увидел троих лохматых парней, на вид около 18–20 лет. Они восседали на небольшом бугорке в метрах двадцати от меня, потягивая сигареты и смачно сплёвывая себе по ноги. Все трое, зло прищурив глаза, нагло смотрели в мою сторону.

Я понял, что это они стравили ребят, и если сейчас отступлю, если не дам решительного боя, то никогда в этой школе никаким приказом не утвердить меня директором.

«Так что же, драться? А если это акселераты-ученики? Ты же директор, учитель...» — говорил один внутренний голос, но другой твёрдо и настойчиво повторял: «Не отступать...»

«Но-но, уж и пошутить нельзя», — уже не так уверенно и нагло сказал один из парней. Все трое, словно нехотя, поднялись и неторопливо двинулись прочь. Я шагнул за ними: «Подождите! Куда же вы?» Один из них обернулся и вдруг помчался к растущему по склону оврага терновому кустарнику. Остальные за ним. Я остановился. Вот это дебют... Но на душе стало легче: хороший урок для тех, кто остался и, конечно, во все глаза наблюдал за нами. Подошел к мальчишкам.

— Вы же человека, понимаете, че-ло-ве-ка били! Запомните на всю жизнь: нет на земле ничего омерзительнее трусости и жестокости, — громко, чтобы слышали и те, в кустах, говорил я. — Вы в каких классах учитесь? — спросил уже другим тоном.

Но мальчишки упорно хранили молчание.

— А вот это уже не по-мужски... Неужто боитесь?..

— А что бояться? Я — в шестом, зовут меня Вовка.

— А мы в седьмом... Он — тоже Вовка, а я — Коля.

— А я ваш директор, Михаил Петрович...

На следующее утро отправился в школу... В здании было пусто, неудобно. Настроение моё и вовсе упало, когда в нескольких местах на стенах, ещё пахнувших свежей краской, увидел пошлые надписи.

Внизу послышались громкие голоса ребят и шумный топот ног. Я посмотрел на часы: было уже около восьми. Сердце взволнованно забило — начинался школьный день.

Мимо меня по лестнице стремительно пронеслись, не остановившись, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, два запыхавшихся парня примерно из VII или VIII класса.

«А-а-а!» — раздался наверху режущий уши крик...

«Это жертва... — мелькнуло в голове. — Надо выручать».

Быстро поднявшись, я увидел, как старшеклассник с лёгкой улыбочкой на круглом скуластом лице энергично «отпускал шалобаны» лежащему на полу и зажатому между его колен подростку, который не то от боли, не то дурачась вопил своё пронзительное «а-а-а».

— Встаньте! — властно и твёрдо сказал я.

— А что мы сделали? — бормотал парень, поднимаясь с пола и отпуская свою «жертву». — Мы же играем... Видите, он же не плачет.

— В чем смысл игры? Бить друг друга по очереди и по очереди изо всей силы вопить диким голосом?!

— Директор... — сказал кто-то сзади шепотом.

Я обернулся... В двух шагах от нас стояла группа ребят, человек восемь-десять, в пионерских галстуках. «Кто же это знает меня? — подумал я... — А-а, старые знакомые. Это те же, что вчера... Вовка и Коля... Нехорошо как-то начинается моя работа: сплошные замечания... Нехорошо...»

— Доброе утро, — уже громко сказал я.

— Доброе утро! Здра-сьте! — нестройно ответили мальчишки.

Вовка и Коля улыбались, будто говорили: «Ничего-ничего, не унывай, поможем». У остальных лица были серьёзные, из глаз буквально выпирало любопытство и недоверие: «Кто ты?»

Линейка. Условия работы в каждой школе гораздо более специфичны, нежели типичны: своя неповторимая среда, свои, только ей присущие особенности. Каждая школа, её жизнь уникальны, как уникален каждый учащийся в ней ребёнок!

NB Если вам ведома непохожесть каждой школы, каждого ребенка, то вы — педагог.

Подтверждением служат многочисленные примеры, когда учитель, успешно работающий в одной школе, едва справляется в другой. Прежний опыт мало когда спасает. Мне же вообще до Ясных Зорь не довелось работать в общеобразовательной школе, которая в отличие от специальной должна учить не отобранных по конкурсу, а всех учеников. Первый год в Ясных Зорях был для меня поэтому адаптационным. Очень многое было новым, необычным, нередко непонятным. Прочитанное в книгах по педагогике служило лишь основой для сравнения, но редко руководством к действию. Чаще приходилось опираться на жизненный опыт, на интуицию, на свои представления о том, как надо поступить в каждом конкретном случае...

В первые дни в Яснозороенской школе меня поразили нервозность, напряжённость отношений учащихся. Крики, вопли, сутолока, нескончаемая борьба в шутку и всерьёз на грязном, затоптанном полу, нередкие взрывы ожесточённых драк — всё это называлось «перемена». И происходило это в основном из-за того, что Яснозо-

ренская школа была словно слеплена из различных, недавно закрытых малых школ. В школе не было коллектива в истинном смысле слова. Она представляла собой разрозненные группы учащихся из десяти сёл. Школьники из одного села стремились сохранить обычаи своей бывшей школы, держались по отношению к другим заведениям враждебно.

Друг о друге ребята не говорили, к примеру, «это пятиклассники» или «это десятиклассники», но обязательно подчёркивали: «это ровенцы» (с. Ровенек) или «это яснозоренцы» (пос. Ясные Зори). Так и делилась школа на «ровенцев», «яснозоренцев», «черемошан» (с. Черемошное), «солтыковцев» (с. Солтыково), «устян» (с. Устьянка), «лозовчан» (с. Лозовое), «бочковцев» (с. Бочковка), «солнцевцев» (с. Солнцевка), «нечаевцев» (с. Нечаевка), «вергилевцев» (с. Вергилевка).

Однажды ко мне в кабинет прибежал взволнованный дежурный.

— Михаил Петрович! Там такое!.. Там такая драка!!! Мы ничего не можем сделать... Пойдёмте скорее на третий...

На третьем этаже, куда я спешно поднялся вместе с дежурным, был настоящий кулачный бой, в нём участвовало в общей сложности около 10–15 человек, яростно колотивших друг друга. Но вот кто-то увидел меня. «Директор, пацаны, директор!» — током ударило в толпе.

— Ребята! — едва скрывая волнение, начал я. — Убеждён, что у вас есть моральное право защищать своё человеческое достоинство. Но драка — это самое крайнее, слышите, самое крайнее средство защиты доброго, красивого в человеке. Каждый такой бой ради Красоты на Земле, слышите, ради Красоты на Земле, укрепляет в человеке мужество, стойкость, смелость. Мы говорим про такого с гордостью: настоящий мужчина! Но если парень бездумно и слепо размахивает своими кулаками ради потехи, бьёт, чтобы унизить, чтобы причинить боль, какова бы ни была мощь его костей и мышц, он не мужчина, он всего лишь особь мужского пола. С каждым таким, как этот, позорным «боем», так легко напоминающим петушиную возню, парень теряет в себе мужчину...

Когда я говорил это, видел, как становились серьёзными глаза парней, многие из которых, как мне казалось, принимали каждое сказанное слово. Но уже на другой день опять произошла драка.

Мои слова о мужском достоинстве если, и возымели действие, то ненадолго, и я решил, что необходимо «ударить» по драчунам более

мощно. Но как? «Надо провести общешкольную линейку, — подсказали мне опытные, «съевшие» на педагогической работе уже не один пуд соли педагоги. — И там выставить самых драчливых и резануть им так, чтобы другим неповадно было. Заодно и двоечников за неделю выставим. А ещё надо родителей вызвать, чтобы они со своей стороны повлияли...» «А что? — подумал я. — Ведь верные предложения. Вспомнились собрания А.С. Макаренко, когда выводили провинившегося в круг и выдавали ему “по первое число”».

...Долго буду помнить ту линейку — первую и последнюю линейку в моей жизни, которую провёл с целью «взгреть по первое число». Я написал «буду помнить», но это не значит, что вижу её во всех деталях, скорее совсем не вижу. Но помню чувство стыда и вины перед теми, кого «выставил» ... Помню очень ярко глаза Василия Смагина (он, как я узнал позже, после очередной потасовки собрал ребят на небольшое «совещание», где они все вместе решили кончать «джунгли»), удивлённые, в них вопрос ко мне: «Зачем так?» Перед притихшей школой, понурив голову, выходили парни. Я силенка понять, что испытывают они в эту минуту. И тут вспомнил себя, когда меня вывели вот так же перед строем, когда я почти ничего не слышал из речей обвинителей, только свой внутренний голос: «Зачем вам нужно все это? Унизить, причинить боль?!.. Ну, погодите...» И я мстил долго, как мог, нелепо, по-детски...

Стали читать список двоечников. Из общего строя выходят залитые краской стыда девушки десятого. Вот Вера Семернина. У неё же сестрёнка в третьем классе, которой она заменила умершую маму, и которая сейчас во все глаза...

— Хватит! Достаточно... Все свободны... — каким-то внезапно осевшим голосом проговорил я.

«Линейка» неожиданно для всех кончилась. Мимо меня проходили ученики. Но проходили как-то не так, как всегда. Не было обычных шума и толкотни. В школе я работал уже несколько месяцев, но именно в тот день впервые почувствовал, какая это ответственность — быть директором. Может, в тот день начало появляться во мне то необъяснимое словами чувство родства с ребятами, которое впоследствии поможет замечать малейшие изменения в их настроении, вооружит меня способностью смотреть на всё их глазами...

— Люда! — остановил я сестрёнку Веры Семерниной. — Ты, Люда, не думай плохо о Вере. Сейчас произошла ошибка. Она у тебя молодец... — К нам подошли одноклассники Люды. И я сказал гром-

че, чтобы слышали и они: — Мы гордимся твоей сестрой. Она настоящий человек. А сейчас произошла ошибка...

После этой линейки состоялся откровенный, трудный и очень важный разговор с учителями о человеке, его достоинстве, ответственности учителя, взаимопонимании педагогов и воспитанников, так необходимом для создания коллектива. Видеть в ученике личность и помочь ему осознать себя личностью — этот принцип стал одним из основных в нашей работе.

NB Миссия педагога — это камертон, по которому определяется выбор педагогического действия. “Видеть в ученике личность, помочь ему осознать себя личностью” — это значит “да” всему, что укрепляет личность, и “нет” всему, что унижает достоинство ребенка. А как понять, чем ответится наше действие в душе ребенка? Как не допустить ошибку?

Может, это покажется парадоксальным, но провал на первой линейке заметно укрепил мой авторитет в среде учеников. Ребята не были уже такими замкнутыми, настороженными, как в первые дни. Всё чаще я стал ловить на себе взгляды, в которых был доброжелательный интерес.

Окончательно я поверил, что наступили перемены, когда вскоре после линейки ко мне пришла группа десятиклассников, чтобы... посоветоваться. Они так и сказали: «Мы пришли посоветоваться с вами». С тех пор, когда, заходя в класс, говорил: «Ребята, очень нужен ваш совет», — я уже не встречал недоумённых взглядов, в которых недоверчивое: «Играете с нами». Мы начинали думать, решать, работать вместе. Мы учились быть коллективом.

Мужской разговор. Это было в конце января 1975 года... Мне стало известно, что старшеклассники приносят в школу спиртное и распивают его на переменах. Вначале я не поверил. «Не может быть, чтобы пили, да ещё и в школе... — думал я. — Не может быть». Но однажды наша «техничка» Нина Петровна Тимохина принесла мне в кабинет вещественное доказательство — две бутылки с наклейкой «Яблочное». «Вот, полюбуйтесь, нашла в туалете у мальчишек», — сказала она.

Что предпринять? Как поступить, чтобы остановить это самоубийство? А может быть, пьют единицы, каких-нибудь два человека? Ну и что же, что два? Это же две жизни, две судьбы, два, возможно,

уже необратимо искалеченных мозга. Но кто же они? Как их найти? Решил поговорить с ребятами VIII–X классов. После уроков все пары этих классов собрались в актовом зале школы.

— Ребята, поднимите руку, кто хотя бы раз уже пил вино или водку, — начал я напрямую.

В зале повисла тишина. Только где-то в углу слышен был шёпот. Вот поднялась одна рука... две... три...шесть...десять... пятнадцать... Я стоял как парализованный. Руки подняли почти все.

— Это правда? — почти прошептал я... — И... как часто пьёте?

— Да мы нечасто... по праздникам, ну там, когда день рождения у кого... — за всех ответил Толя Лунёв, ученик VIII класса.

— Ну ты-то почаще прикладываешься, — крикнул кто-то весело сзади, и крик его утонул в дружном взрыве смеха.

У меня похолодело внутри. Я внезапно почувствовал себя беспомощным, слабым, наивным и смешным. На меня смотрели не глаза провинившихся, совершивших ужасную ошибку людей. Глаза ребят были простодушно-весёлыми, как будто разговор шёл о чём-то невинном, пустячном...

«Вот что значит выход без подготовки. Ты опять поторопился. Но что делать, что делать?»

Чувствуя, что не могу сказать ни одного слово, я молчал, понимая, что глупо вот так стоять перед собравшимися и молчать... «О чём говорить? О том, что пить вредно? Вы это знаете. Какими словами всколыхнуть сознание случившейся беды, понимание неопишемого вреда, убийственного действия алкоголя на ваш мозг, ум, будущее? Как объяснить, что употребление спиртного, вообще уродливое, губительное явление и среди взрослых, в сотни тысяч раз пагубнее для растущего, развивающегося организма? Как выразить переполняющее меня чувство тревоги, протеста? Вы же таким отношением к выпивке превращаете в бессмыслицу учёбу в школе, в глупость своё детство, себя в калек...» И вдруг я понял, что в зале давно уже наступила тишина и на меня внимательно смотрят десятки пар глаз. Но это были уже не те весёлые, беззаботные глаза. Это были глаза, готовые слушать, готовые понять, вернее, понимающие глаза...

— Когда вы дрались на переменах друг с другом, — начал я твёрдо и медленно, — я осуждал вас, осуждал и буду осуждать всей силой своей души. Боролся и буду бороться против этого... Потому что недопустимо насилие человека над человеком... Когда вы, не выучив урока, идёте в школу, идёте, приготовив на всякий случай оправда-

ние, ложь, чтобы не получить двойку, я осуждал и буду осуждать вас за это, потому что ложь всегда была дочерью трусости, потому что нет для мужчины ничего омерзительнее трусости и лжи. Но я бесконечно в большей степени осуждаю тех из вас, кто уже пристрастился к вину или водке, кто считает выпитую рюмку-другую невинной забавой или, по дичайшей глупости, способом повзрослеть... Нет, я не осуждаю, я презираю в вас спокойствие, когда вы видите пьющего спиртное сверстника и не останавливаете его... Вы предаёте его, вы убиваете в нём жизнь, потому что каждой каплей алкоголя он отравляет свой мозг, разум. Вы, кто бравирует выпитой рюмкой, — убийцы своего будущего. И мне не жаль вас, я ненавижу в вас эту браваду, потому что вы обездоливаете себя, потому что вы лишаете себя силы — мужской, человеческой силы, потому что вы уходите, позорно уходите от борьбы. Ибо какой из слабака борец?! — Я замолчал... ещё раз обвёл взглядом зал. Никто не опустил глаза. По-прежнему тревожные, суровые и понимающие глаза мальчишек смотрели на меня, не мигая.

— Подумайте, — снова заговорил я. — И займите, каждый по своей совести, свою позицию...

Из зала подростки выходили молча, словно нехотя. Лица были задумчивы...

— О чём вы тут с ними говорили? — спросили меня в коридоре их одноклассницы. — Какие-то они пошли не такие. Мрачные, сердитые, не разговаривают...

— У нас был мужской разговор, — ответил я и вдруг подумал, что разговора ведь не было. «Но почему же у меня такое впечатление, что мы поговорили? — размышлял я, уже сидя у себя в кабинете. — Была ли двусторонняя связь?»

В кабинет зашла учительница математики Зоя Гавриловна Грайворонская: «Мои что-нибудь натворили?» И видя моё недоумение, пояснила: «Пришли в класс (мы договаривались позаниматься после уроков) хмурые, сели, достали тетради и молчат. Вижу: что-то произошло... Спрашиваю: «Вы что-нибудь натворили?» Молчат... «Заниматься будем сегодня?» Молчат. Потом Лунёв встал и говорит: «Давайте перенесём дополнительные на завтра, сегодня как-то не то... У нас разговор был серьёзный...» — «Были у директора?» — «Да нет, всех ребят собирали... Просто... мужской разговор был...»

— Так и сказал?

— Да-а... А что это вас так обрадовало?

— Так разговор, понимаете, разговор всё-таки был!!

— А что, вас там не было? — недоумённо спросила Зоя Гавриловна.

— Был... Но я не был уверен, состоялся ли разговор... Оставшись один, я вновь стал вспоминать всё, что было в зале. Вспомнил, как задал вопрос, как от души смеялись парни после чьей-то реплики Лунёву. Когда же наступил перелом? Перелом наступил до моих слов. Да-да, я ещё ничего не сказал, а глаза у ребят были уже сосредоточенны, серьёзны. Вспомнил их напряжённым вниманием наполненные лица, когда я, почувствовав вдруг наступившую тишину, посмотрел в зал...

Значит, разговор у нас начался ещё тогда, когда не было сказано ни одного слова. Ребята сначала увидели моё отношение к происходящему, почувствовали мои мысли, а уже затем услышали. Мои слова были лишь дополнением к уже состоявшемуся разговору...

Срыв. Не скрою: я долго думал, писать или не писать об этом случае. И всё же решил: писать надо. Надо для того, чтобы завтрашний день был лучше вчерашнего...

— Что с тобой? Кто тебя обидел? — спрашиваю дрожащую всем телом от громких рыданий ученицу X класса Татьяну Васильеву. Но Таня, закрывая одной рукой мокрое от слёз лицо, а другой разорванную на плече кофточку, отрицательно качает головой...

— Ты же сейчас должна быть на занятиях? Это случилось на уроке?

По-прежнему не говоря ни слова, девушка лишь ещё ниже опустила голову. В её вздрагивающих худеньких плечах, во всей её сгорбленной, будто придавленной невидимым тяжёлым грузом фигурке — кричащее отчаяние, обида и безысходность...

— Тебя били?!

Таня на мгновение открыла лицо, сияясь что-то сказать, но не смогла, вновь захлебнувшись рыданием.

— Это произошло только что?

Девушка кивнула головой...

— Значит, на уроке...

Теряясь в догадках, до конца не веря, что в нашей школе, да ещё и на уроке, кто-то мог ударить девушку, надеясь на то, что, может быть, что-то не так понял, преувеличиваю, я открыл дверь класса, где училась Васильева...

— Извините, что врываюсь на урок, — сказал я поднявшимся выпускникам, которые явно старались не смотреть мне в глаза, — но...

И тут увидел, что на задней парте сидит, развалившись, вытянув далеко в проход ноги, Олег Сеничкин. На красном лице расплылась презрительная ухмылка. В прищуренных глазах — вызов.

— Сеничкин! Ты что, притомился?

— А я плевал... на ваши речи... — растягивая слова, вызывающе нагло произнёс он...

Взглянув на его крепкие в татуировке руки, почему-то вспомнил первый свой день в школе, тех лохматых...

— Так что же всё-таки здесь произошло? — повернувшись к классу, мрачно спросил я.

— Да здесь была одна х-храбрая... — развязно и громко, победно оглядывая класс, процедил сквозь зубы Сеничкин. — Была, да схлопотала за изыток общественной активности.

— Так это... ты-ы-ы! — отказываясь понимать и верить цинизму десятиклассника, протянул я. Внутри у меня будто вскипел вихрь. Я быстро подошёл к Сеничкину, крепкого сжав его дёрнувшееся навстречу плечо, резко повернулся к классу... — И вы позволили... — Я с трудом подбирал от захлестывающего меня гнева слова... — И вы позволили, чтобы на ваших глазах здоровый детина бил девушку?! Как это понимать?! Парни! На ваших глазах бьют человека, девушку, а вы спокойны... вы не выбросили вот этого... вон из класса, не пресекали, не прекратили это бесчестие, этот позор?!

Сеничкин выскочил из-за парты. Глаза его налились кровью, в них было что-то чужое, злое, жестокое.

«Коротким — снизу», — как молния ударило в мозг. Всё остальное было сделано автоматически... Когда я подошёл к сидевшему на полу рядом с учительским столом Сеничкину, он негромко, но внятно произнёс: «Вот теперь понятно, батя...» На меня смотрели вдруг оказавшиеся светло-синими глаза. Мне даже захотелось оглянуться: может быть, это не Сеничкин?..

— В кабинет, — коротко бросил я, — там... Таня. Это очень важно для тебя, для неё, для всех...

— Я понимаю... Не надо лишнего. Я всё понял, спасибо... батя, — подчеркнув слово «батя», сказал Олег и вышел из класса...

Почувствовав внезапно наступившую усталость, я сел на свободное место за первой партой. На душе было тяжело.

— Через несколько месяцев вы получите документ о среднем образовании, его неслучайно называют аттестатом зрелости, — будто размышляя вслух, говорил я. — В нём отражены ваши успехи в из-

учении наук. К несчастью, нет в ряду дисциплин одной, самой главной — как стать человеком.

НВ «Стать человеком» — это и есть «объять необъятное».

Видимо, это от того, что по данному предмету мы ни на минуту не прекращаем сдавать экзамены в течение всей жизни. В течение всей жизни... Всё, что произошло в вашем классе, не должно повториться. Прошу вас, сделайте самый тщательный анализ случившегося. Строго спросите с каждого действующего лица. — Я надавил на слово «каждого». — Решение прошу сообщить мне...

Открыв дверь кабинета, увидел Олега и Таню.

— Ну что? Разговариваете? — рассеянно спросил я.

— Михаил Петрович! Я уже сказал Тане. Какие тут могут быть слова... Это теперь на всю жизнь... Тань! Михаил Петрович! Мне за себя стыдно... Я... если бы вы знали... — у Олега на глазах блеснули слёзы...

— Не надо, Олег... — Таня тронула его за руку. — Я же тебя простила...

— Идите, вас ждут в классе... — прервал я Таню. — Олег, придёшь ко мне... послезавтра, после уроков...

Они вышли. Как всё-таки интересно устроен человек! Она говорит ему: «Простила...» Это ведь от доброты, от неистребимого человеческого желания доброго другому. Она ему сказала: «Прощаю», но случившееся надолго войдёт в её жизнь и всякий раз отзовется болью, когда всплывёт вдруг в памяти пережитое... А у Олега разве не останется незаживающей раной на сердце его поступок?.. Чем его теперь искупить? Чем сгладить боль, причинённую другому? Если бы можно было человеку, как в кино, переснять неудачный кадр своей жизни, как неудачную пробу. Человек творит жизнь один раз.

НВ С одной стороны, право на ошибку, а с другой стороны, ошибки, на которые педагог не имеет права. Одна из главных ошибок педагога полагать, что у ученика нет права на ошибку. Более того, пока детство, пока взросление, пока не наступили законы большого мира, мы всё, происходящее с ребенком, воспринимаем не по прецедентному праву, не по критериям правильно-неправильно, эффективно-неэффективно, отлично-неотлично, а как его уникальную единственную не похожую на

других, собственным образом развивающуюся жизнь. Это наиболее важный аспект понимания, что “человек творит жизнь один раз”. Хорошо, если сравнения и шаблонные представления о человеке отторгаются ребенком. Хуже, если он отторгает себя в угоду принятому.

Ничего в ней нельзя повторить, исправить, изменить, как не изменишь, не исправишь, не вернёшь твой поступок, учитель... Вы, наверное, уже приготовили мне обвинение? Не надо... Я сам, сколько бы ни прошло времени, буду винить себя за эту непростительную ошибку. Я винил себя и тогда, когда десятиклассники, зная, как я оцениваю свои действия, пришли в кабинет, чтобы сказать: «Вы поступили правильно...», винил себя и тогда, когда читал спустя два года письмо старшины Сеничкина: «...Больше всего помню Ваш короткий, но на всю жизнь памятный урок... тогда я понял, что, если Вы пошли на то, чтобы подставить себя под увольнение, не отступить, не примириться, не пойти ни на какие с моей позицией соглашения, значит, Ваша позиция сильнее моей... Я тогда был готов провалиться сквозь землю от стыда, когда увидел себя со стороны Вашими глазами...»

Сколько буду работать в школе, буду винить себя за то, что не сумел вызвать чувство стыда у Сеничкина другим способом, не смог по-другому выразить своё отношение к его поступку. И не дай бог, если кто-то поймёт меня превратно и использует описанный из ряда вон выходящий случай как пример для оправдания своей жестокости... Но об этих нестандартных, нетипичных случаях я пишу потому, что они помогли верно увидеть отклоняющую точку силы педагогического воздействия, а это имело огромное значение для выбора в дальнейшем наиболее эффективных путей воспитания. Много размышляя над каждым из описанных случаев, я пришёл к выводу, что неожиданный положительный эффект моих педагогических провалов — в убеждённости и искренности реакции на то, что считаю отвратительным в людях и их поступках.

NB Педагог — это тот, кто различает добро и зло. При всех обстоятельствах педагог — носитель высших ценностей. В этом его внутренний стержень, который не позволяет подпадать под циничное «в зависимости от обстоятельств». Дети различают таких людей. Они становятся для них героями в непростой борьбе со всеобщим конформизмом.

Если ты не чувствуешь гнева, а изображаешь его, то гнева нет. Если ты сам не веришь своим словам, как же поверит в них ученик? Ученику можно передать только то, чем ты сам наполнен. Педагогика не существует вне личности учителя. Пути совершенствования личности учащегося идут через совершенствование самого учителя. Утверждение: скажи мне, кто твой учитель, и я скажу, кто ты, — справедливо и правомочно, как справедливо и правомочно утверждение: скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой учитель. И ещё я думал о том, что наше воспитание стало в основном словесным. Не отсюда ли многие наши беды? Нам сегодня крайне не хватает воспитывающей деятельности. Как известно, чтобы воспитать ответственность, есть одно средство: возложить её на человека.

NB Педагогика М.П. достигла своих вершин в Лицее-интернате комплексного развития личности, построенном, в том числе, и руками лицеистов в селе Текос Краснодарского края. Сейчас лицеем почти 30 лет. И попытаться одним словом обозначить цементирующее начало этого знаменитого образовательного явления, этим словом могло бы быть «доверие». Здесь доверяют всем и каждому и малые, и большие дела. Каждый в лицее и ученик, и учитель, и держатель очага, и держатель традиции, и проводник в будущее. Можно спросить, как это может быть? Как на практике реализуется такое взаимное ответственное вырастание в жизнь? Какими педагогическими и организационными подходами оно обеспечивается? Это-то и есть самое интересное в лицее, который не декларирует, а всем укладом ответственного проживания каждого формирует ответственное отношение к жизни. К жизни, в которой нет «дяди», в которой бесстрашие даже перед самыми сложными задачами. Каждый лицеист, выходя в большую жизнь, знает, как делать дела, как брать много на себя, как помогать другим, как собирать задачи в действие. Так выглядит самое современное воспитание — результат пониманий, открытий, усилий М.П. и его команды, в которую включены все лицеисты.

Единый образ завтра. Мне хотелось, чтобы мечта о будущей школе была общей, чтобы она выросла из повседневности, став основой всей нашей жизни. Будущее рождается сегодня. Оно прорастает в каждом добром поступке, в борьбе за лучшие, более гуманные, более красивые отношения.

Трудно сказать, когда мы подошли к единому ведению образа будущей школы. Да и вряд ли можно зафиксировать чётко день или час. И всё же особую роль в оформлении мечты сыграл спор девятиклассников во время очередной генеральной уборки школы ранней весной 1975 года. Борьба за чистоту стала шагом на пути к новой школе. Это было, пожалуй, первое общее для всего коллектива дело, в котором как равные, плечом к плечу участвовали учителя и ученики, в котором начало формироваться у ребят чувство ответственности не только за себя, но и за всех.

Ожесточённо драя пол, мы снова завели разговор о том, почему, несмотря, казалось бы, на все принятые меры, в школе по-прежнему приходится часто делать генеральные уборки.

— Надо сделать школу такой, чтобы в неё не посмели ступить грязной ногой, — прозвенел голос Зои Фроловой над потными головами сосредоточенно трущих уже выцветший от частого мытья пол девятиклассников...

— Да разве с нашими можно что-нибудь сделать... — скептически вздохнул Сергей Прокофьев, слегка растягивая слова.

— Можно, если всем взяться!

— Ну вот, я же говорил, — пробасил Прокофьев. — Одни только разговоры. Ещё ничего не сделали, а уже разногласия...

— Почему? — не выдержал я. — По-моему, все говорят об одном и том же: нужна новая школа. Такая школа, чтобы в неё хотелось идти, чтобы её любили. Хотите расскажу, какой вижу завтрашний день нашей школы?

— Хотим! Расскажите! — дружно, почти хором ответили ребята.

— Тогда давайте поднажмём, чтобы «вырвать» время на разговор. Но и вы за эти минуты подумайте о том, какой бы вы хотели видеть школу, чтобы каждому в ней было хорошо, чтобы из школы уходить не хотелось...

И вот мы расположились в классе.

— Можно вопрос? — поднял руку Алымов.

— Говори, Толик...

— Разговор этот всерьёз или так, путешествие в страну Фантазию? А то у нас времени нет, дома хозяйство ждёт.

— Разговор всерьёз. Поэтому давайте свои предложения.

Вначале робко, а затем всё смелей и смелей высказывались девятиклассники: так организовать учёбу, чтобы всё делать на уроках, чтобы не было домашних заданий, чтобы ученики и учителя с

уважением относились друг к другу, чтобы было побольше самых разнообразных кружков, чтобы каждому нашлось любимое дело; создать своё подсобное хозяйство, мастерские, чтобы ещё до окончания школы приобрести специальность; купить автобусы, катера и каждое лето путешествовать вместе по стране; организовать свой лагерь где-нибудь в лесу или на берегу моря, чтобы отдыхали в нём и октябрята, и пионеры, и комсомольцы...

НВ *Какая она — школа детской мечты? Интересная, разнообразная, без домашних заданий, без скидок на детство, решающая жизненно важные задачи, в которой по-взрослому уважительное отношение к детям... Ровно такую школу, без отступлений от мечты, без снижений и потаканий извечным «так не бывает» и «такова жизнь», и построил М.П. вместе со своей командой и лицеистами в Текосе.*

— Ребята! Пора подводить черту. Я рад, мне повезло быть вашим директором. Вы сегодня дали очень много ценных советов. И если школа, о которой вы говорили, есть в вашем сердце, она обязательно будет. Но хочу спросить у вас: готовы ли вы к борьбе за такую школу, не отступите ли перед первыми испытаниями?

— Не отступим! — разом выдохнул девятый.

Уроки «Отважного»

После этого разговора состоялось собрание учащихся VII–IX классов. Собрание приняло решение: создать производственную бригаду для участия летом 1975 года в реконструкции школьного здания с тем, чтобы разместить в нём не только общеобразовательную, но и спортивную, хореографическую, художественную, музыкальную школы, клубы юных техников и натуралистов.

И вот я у председателя колхоза Н.Е. Босова. Он взялся обеспечить стройку материалами, выделить специалистов-строителей для выполнения сложных работ. В мае завезли всё необходимое, купили палатки, чтобы жить в лагере. Но места для него ещё не выбрали. Хотелось, чтобы лагерь был в лесу, на берегу озера. И вот в один из солнечных майских дней выехали на разведку. Посмотрели все предложенные ребятами уголки и концу дня единогласно решили: лагерь

разбиваем в урочище Попово на берегу озера близ села Нечаевка. На общем собрании производственной бригады ещё раз до мелочей обсудили, как будет организована в лагере наша жизнь.

Сегодня трудно представить, как выглядел наш лагерь летом 1975-го. Там, где стояли ряды больших, выцветших на солнце десятиместных палаток, сейчас три «улицы» пятиместных коттеджей с разноцветными шиферными крышами, по форме напоминающих палатки. Вместо кухни-временки и длинного дощатого стола под открытым небом — добротная, с крытым обеденным залом столовая, окружённая с трёх сторон раскидистыми яблонями. Нет и танцевальной полянки, где весь лагерь, став в круг, разучивал с балетмейстером Ольгой Фёдоровной Коноваловой новые танцы. На том месте — просторная асфальтированная площадка и для спортивных игр, и для танцев. Нет и колких, из красного кирпича и оранжевого песка, извилистых дорожек, которые, контрастируя с яркой зеленью, так выделяли лагерь. Остались лишь озеро да огромные вековые дубы...

В июне 1975-го лагерь назывался «Орлёнок». В его палатках жили около ста ребят. Каждое утро, расплскивая весёлые песни на всю округу, возило одну за другой бригады из лагеря в школу наше «грузотакси», управляемое водителем М.В. Курицей. Работа была нелёгкая. Часами считали маленькими лопатками старую шпаклёвку с потолка до бетонных плит и выбивали болтающиеся между ними цементные швы. Эту работу мы шутя называли «пыльная, но не грязная». А «грязной, но не пыльной» считалась работа по смыванию со стен классных комнат и коридоров меловой побелки, кладка кирпичных стен-перегородок в будущей музыкальной школе. И то и другое требовало воли, бойцовского характера. Не каждый, например, сможет, стоя высоко под потолком, прогнувшись назад, по несколько часов в день снимать маленькой лопаточкой по сантиметровой ленте шпаклёвку, сыплющуюся за шиворот, растекающуюся едкой грязью вместе со струйками пота по всему разгорячённому телу. И так изо дня в день, в течение месяца. Глядя на парней и девочек, которые в облаках пыли неистово скоблили потолок, я удивлялся, откуда они берут силы. А они ещё и шутили, подзадоривали друг друга. Но зато какое блаженство мы испытывали, когда, приехав в лагерь, окунались в чистую и прохладную воду озера. Я нередко думал, что завтра никакими силами не заставить нас снова стоять под колючими струями песка и пыли. Но приходило утро, и с песнями,

весёлыми шутками мчались мы на своей чудо-машине навстречу нашим мукам, как на праздник. Сквозь грязь и пыль, сквозь пелену едкого пота мы видели нашу мечту, рвались к ней. Не было дня, чтобы не говорили о будущей школе...

Кончался июнь. Давно прошёл день, когда должны были прийти к нам на помощь отделочные бригады строителей. «Вы не волнуйтесь, — успокаивал начальник СМУ, — вот закончим объект, и все силы бросим к вам... Успеем!» Но шло время, а помощи не было. Когда я глядел на грязно-серые стены и потолки школы, прикидывая, сколько впереди нас ждёт работы, сердце сжималось от тоскливой мысли: «Не успеем...»

— С 4 июля две бригады отделочников будут работать в вашей школе... — сказал мне 2 июля инженер СМУ. — У вас материалы заготовлены полностью? — спросил он, когда я уже собирался уходить.

— Полностью. И подготовительные работы сделаны.

— Ну, тогда за июль всю вашу школу выкрасим...

Но 4 июля никто из строителей не приехал. Пятого утром я был в кабинете главного инженера. Он был хмур, как туча, и без всяких предисловий прочитал указание вышестоящей организации о срочной переброске строителей на другой объект. Текст распоряжения я воспринял как приговор. Мне что-то объясняли, высказывали сочувствие, я видел уставшие лица ребят и пустую, жалкую, обманутую школу...

«Вот это сюрприз! Вот это подарок к концу трудовой четверти, — извил внутренний голос. — Вот и съездили на море...». Да, «Орлёнок» через несколько дней должен был ехать на море в туристическую поездку. Мы договорились работать месяц. Месяц кончился...

Не успел я захлопнуть дверцу машины, как меня обступили весёлые, оживлённые ребята.

— Прошу обратить всех на линейку, — сказал я военруку.

И вот лагерь построен, умолкли голоса. Все приготовились слушать.

— Ребята! Ехал из Белгорода и подбирал нужные фразы. А когда увидел ваши радостные лица, все слова растерял. Да какие тут могут быть слова! Спасибо вам. Вы сделали всё, что можно было сделать. Но наша школа к 1 сентября... не будет готова, если мы уедем на море... — Я сделал паузу и оглядел ребят. На лицах — растерянность, непонимание, тревога. У некоторых — едва заметная грустная улыбка: «Вот и море обещанное...»

— Запомним этот день — 5 июля 1975года, — продолжал я. — Сегодня мы решаем судьбу нашей мечты. Если мы разойдёмся по домам, вместо новой красивой школы 1 сентября малыши увидят серое здание с облезлыми стенами и потолком. Тем, кто останется, придётся работать в две, а может быть, и в три смены... Но другого пути нет. Школа должна быть готова к 1 сентября. Должна... Прошу каждого взвесить свои возможности. Тех, кто не сможет по каким-то причинам работать, кто не уверен, что выдержит, ждёт машина. Мы не будем их осуждать, не будем думать о них плохо — они сделали всё, что могли. Даю две минуты на размышление. Советоваться только с собой, со всеми днями своей жизни, прожитой до сегодняшнего дня, поэтому в строю стоять молча...

NB Приходилось ли бывать в ситуации, когда общее дело — сумма решений каждого? Когда указания, приказы, увещевания и т.п. — все становится невозможным? Когда нет никакой другой цементирующей команду силы, кроме собственного решения каждого? Так в романах описываются ключевые драматические события. Но, правда, это и есть жизнь, которую не придумаете, которую не сложишь в учебную ситуацию, которую нужно прожить здесь и теперь. Когда по-настоящему, когда по гамбургскому счету, включается предельное самоопределение каждого. Это точка роста для каждого. И, если случилось попасть в такой коллектив, в такую команду, построить такую школу, в которой самоопределение каждого сильнее любой инструкции или любого приказа, которая берется за дела гораздо более серьезные и более масштабные, чем жизнь по ФГОС, то вы вырастаете неудержимо. Вы с этого момента знаете цену многому в жизни. Вы готовы быть сильным, решительным, быть человеком «да» в любой жизненной ситуации. О такой школе, о таком высоком воспитании понимал М.П. Жизнь никогда не бывает простой. И выбор рано или поздно встает перед каждым из нас. Какими мы окажемся в момент главного выбора своей жизни? Получится ли сохранить в себе человеческое? Готов ли буду я на поступок? Педагогика М.П. про это.

Не забыть этих долгих ста двадцати секунд. «А если останусь один? Если на том месте, где сейчас строй, увижу только следы на песке?»

Стрелка прошла последние пять секунд.

— Всё, ребята, время истекло.

Строй дрогнул и снова замер. Но вот в левом крыле вышли двое, затем ещё...ещё... ещё... Уходили молча. Я не мог смотреть, как буквально на глазах тает шеренга. Слышно, как шуршит под ногами уходящих песок. Тишина. Я поднял глаза. Стоят... стоят мои девчонки и парни! Редкий строй, большие паузы — просветы, между ними следы ушедших.

— Сомкнуть ряды! По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый! Второй! Третий!.. Сороковой! Расчёт окончен.

— Сорок из ста двадцати, значит, каждому работать за троих.

Мне хотелось кричать рвущееся из сердца: «Вы удивительные! Вы самые красивые, самые родные, самые настоящие люди!» Но вместо этого произнёс непростительно буднично: «Разойтись! Собраться всем через пять минут во второй палатке».

Не помню сейчас все подробности нашего с ребятами разговора. Помню только, что размышляли о трудном человеческом счастье — отвечать за всё происходящее вокруг, говорили о том, что жизнь — это борьба за красоту и для победы в этой борьбе нужны единство, крепкая дружба, твёрдая дисциплина...

NB Счастье — понять однажды, что ты отвечаешь за все происходящее вокруг. Твои мечты, твой труд, твои усилия больше не барахтаются в пустоте, а вдруг обретают почву и, зацепившись за нее, начинают «проворачивать Землю». Это трудное счастье, но большего счастья не бывает.

Когда вышли из палатки, уже спустился вечер, высоко над нами зажглись звезды. Густая тьма растворила нас в огромном мире, но не было ощущения беспомощности, напротив, на душе было удивительно спокойно. В тот вечер мы стали трудовым отрядом «Отважный». Именно с этого отряда началась ставшая впоследствии лауреатом премии Ленинского комсомола Яснозоренская школа-комплекс.

Пожелав друг другу спокойной ночи, ребята разошлись по палаткам. Я спустился вниз, к озеру. Окруженное с трёх сторон тёмным лесом, оно производило странное впечатление своей яркой и густой чернотой. Казалось, что под берегом не вода, а бездна. В озере отражались звезды...У каждого человека бывают в жизни минуты, когда он, разорвав пути маленьких мыслей с прицелом на час, день, вдруг

начинает видеть бесконечность грядущего и бесконечность прошедшего.

НВ *У каждого ли? Возможно, в этом-то и заключается главная задача школы — взрастить вместе с учениками чувство сопричастности с огромным миром вокруг. Если у школы есть такая составляющая — сопричастность миру, есть вот такая широкая рамка для самоопределения, то конкретные выборы, включая выбор профессии, буду частными случаями чего-то намного большего. И мы навсегда сможем уберечь наших воспитанников от чувства, что что-то пошло не так, что моя жизнь маленькая, что мне не дано, что если бы условия сложились по-другому, то... В достойной школе складываются достойные, масштабные личности. М.П. строил такую школу.*

В такие минуты жизнь уже не замыкается в нём одном, он чувствует себя частицей человечества. Сегодня ребята испытали эти минуты прозрения, почувствовали в себе жаркое пламя вечного огня красоты. Как важно, чтобы они не дали ему угаснуть, чтобы сегодняшний день для каждого стал началом большой, без остатка отданной людям, а потому счастливой жизни... А что, если написать песню? Раскрыть красоту их поступка, подарить на память о сегодняшнем вечере?..

На следующий день отважновцы, устроившись на высоком берегу озера, разучивали песню о себе.

*Грома войны мы с тобой не слышали.
Летние грозы только слышали гром.
Вражеских танков в бою не взрывали...
Сорок «Отважного» дружно сказали:
«Надо? — И мы шагнём...»*

*Лагерь «Отважный» в курчавой дубраве
Над кручею взмыл, словно конь на дыбы.
Здесь отдал бы каждый, не мысля о славе,
Покоя сто лет ради мига борьбы...*

*Героem ты станешь не вдруг, не однажды.
Будь вечно в движении, вечно в бою!*

*Отважным и смелым становится каждый,
Кто не сбежал, когда трудно и страшно...
Надо? — Остался в строю...*

Ребята пели тихо. Их негромкие голоса звучали над озёрной гладью, поднимаясь вверх к зеленовато-голубому вечернему небу, сливаясь с миром, с землёй Родины в единое целое. Серьёзные, вдумчивые лица, напряжённая суровость глаз говорили о том, что песня понята и принята.

...Главным содержанием нашей жизни стала напряжённая работа, но песни, шутки, задорный смех сопровождали ребят всюду, где бы они ни были. Каждый стремился сделать больше, взята на себя наиболее неприятное. И никакого хвастовства, позёрства. «Чем вы их приманиваете? — шутили родители. — Дома не удержишь... В субботу приедут из лагеря, только и разговору про «Отважный». А в воскресенье с самого утра — сборы в лагерь и опять рассказы, только уже про то, что будет...»

Нас, педагогов, тоже неудержимо тянуло в отряд. Хотелось просто быть с ребятами, видеть их глаза, лица. У нас не было каких-то особых педагогических приёмов, заранее продуманной стратегии и тактики. Но на наших глазах происходило изменение, а иногда и настоящее перерождение ребят в лучшую сторону. И когда наступил день завершения работы, мы почувствовали, как велика наша привязанность друг к другу. 21 августа мы последний раз мыли в бензине кисти и валики.

— Мы больше не будем вместе? — спросила у меня Лена Фаюстова срывающимся от волнения голосом.

— Почему? Мы же будем встречаться в школе.

— Встречаться, и всё? — это уже Надя Неронова. — Мы должны быть вместе, понимаете, не рядом — вместе.

— Но что ты предлагаешь?

Надя удивлённо посмотрела на меня и решительно ответила:

— Быть вместе. Отряд не расформировывать!

«А почему в самом деле нам не сохранить отряд? Он же трудовой! — весь день думал я о разговоре с Надей и Леной. — Разве трудовые дела не ждут нас в течение года? Есть же круглогодичные производственные бригады. Почему «Отважному» не взяться, например, за организацию производственной практики, трудовых операций в школе?»

И вот прощальный костер. Песни, частушки на тему жизни в «Отважном», шуточные и лирические рассказы, стихи. На душе удивительно — легко и грустно. Легко оттого, что очень трудное дело сделано: красавица школа ждёт первого звонка, ждёт своих учеников. Грустно оттого, что уходит ещё одно лето детства. Для большинства отважновцев 1 сентября станет началом последнего учебного года в школе. Сколько открытий, находок, зрелых мыслей уйдут вместе с этими девушками и юношами! А бесценный нравственный опыт ребят? Нет-нет — отряд должен жить.

— О чём задумались, Михаил Петрович? — вдруг громко спросил Толик Алымов.

— О чём? Думаю о том, как нам жить дальше.

— Я не понимаю, почему мы молчим? — поднялась Надя Неронова. — Все же хотят быть вместе, хотят, чтобы жил наш отряд. Разве дела кончились? Разве только летом есть работа? В общем, так: мы решали всё советом, значит, решать, быть нашему отряду или не быть, тоже давайте советом. Я предлагаю отряд не расформировывать.

— Что вы на меня смотрите? — сказал я. — Ставьте на голосование.

— Кто за то, чтобы отряд сохранить, чтобы «Отважный» действовал постоянно, прошу... поднять... руку, — каким-то стальным, видимо, от волнения голосом проговорила Надя. И увидев среди других поднятых рук и мою, неожиданно громко закричала: — Единогласно! Ура-а-а!..

Позже мы не раз возвращались к опыту работы в «Отважном», вновь и вновь пытаюсь осмыслить истоки, первоосновы, что ли, притягательной силы трудового отряда. Детство — время стремления человека ко всему прекрасному.

NB *Детство по большей части мыслится, как организованная взрослыми возможность для детей жить в мире, в котором нормальные законы человеческого общежития еще не исковерканы цинизмом, антиромантизмом, антигеройством, антиправом, присущими взрослой жизни. В идеале, детство — заповедная зона душевной чистоты, красоты, безопасности. В детстве должно быть не страшно быть бесстрашным.*

Но, как бы мы, взрослые, ни старались, в социуме не бывает отдельных страт с непроницаемыми между ними стенами. Се-

годня взрослая жизнь просачивается в детскую на очень ранних стадиях. И тогда что?

М.П. и на этой развилке в своих поисках делает выбор не в сторону обустройства специальной зоны чистой жизни для детей, а в сторону такого проживания взрослых, которое достойно всех самых смелых идеалов детства. Не детство, жителям которого постепенно объясняют, что такое взрослость, в котором детей постепенно с использованием методик готовят стать взрослыми, а единый мир, в котором мечта о достойной жизни общая для всех поколений. То есть не только для детей, но и для взрослых, неиспорченных, не исковерканных реальностью и неверием в прекрасное.

Таких из нас немного. Но мы стараемся. На то мы и педагоги. Но, кстати, в этом раскладе и объяснение, почему М.П. стал мыслить свою школу и как образовательное пространство для подготовки современных педагогических деятелей — учителей.

По М.П. детство — не временный идеал, не особенные законы до наступления взрослости, а навсегда. За этим важнейшее для педагога убеждение, что каждый из нас может прожить достойно всю жизнь. И тогда не отдельно детские, отдельно взрослые идеалы, а общечеловеческие вкупе с готовностью сохранять верность высшим ценностям при любых обстоятельствах сложной жизни. Так вырастают личности.

Никогда он не жаждет так красоты, как в эту пору. И как важно помочь юной душе увидеть истинно великое в жизни и человеке. В «Отважном» мы стремились создать такие условия, такие отношения, чтобы ребята могли возможно более полно удовлетворить жажду идеального. Мы учили и учились сами на образцах прекрасного, которые даёт нам история нашей страны.

Люди героической судьбы живут, действуют, став нашими мыслями, мечтой, делами. От поколения к поколению несёт их в настоящее, в грядущее благодарная память народа. Святая память. Человек силён памятью и верой! Величие человека — в величии его народа. Герои, память о них — та святыня, то бесценное достояние, которые питают нашу жизнь. Вот почему огромное значение мы придавали рассказам о героях, песням о них и обстановке, эмоциональному фону, рождающим внимание и доверие.

Костер, ночь, тишина. Каждое слово проникает к сердцу, воображение уносит в те времена, в ту среду, к тем событиям, о которых говорится в рассказе или поётся в песне...

«Нет у революции конца!» Пригласили мы к себе в гости ветеранов труда и Великой Отечественной войны. Они рассказывали ребятам о трудных годах борьбы за социализм, о днях своей юности, о друзьях, не доживших до Победы. Ребята слушали с большим вниманием. Ещё бы! Перед ними живые герои истории, времени, о котором столько снято фильмов, написано книг, песен...

В разговоре, несомненно, полезном и нужном, звучал один настояраживающий мотив: «Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы...» А один из гостей, видимо искренне желая оттенить важность памяти о прошлом, сказал:

— Хорошая у вас сейчас жизнь, ребята. Всё для вас! Живи и радуйся! Вот если бы пожили в наши дни, тогда бы почувствовали, что такое трудности, что такое борьба за жизнь...

Когда гости ушли, я попросил отважновцев не расходиться.

— Ну, как встреча, понравилась?

— Да, очень! — дружно ответили ребята.

— А вы согласны с тем, что все трудности в прошлом и нам только остаётся радоваться и наслаждаться? — вызывая на спор, спросил я.

— Ну, не совсем, может быть, так, — медленно начал Миша Козьмин. — Трудности какие-то есть, конечно. Но битв тех нет. Как говорится: «Битвы все отгремели...»

— Все также думают? Вопрос очень важный, хотелось бы, чтобы со своим мнением выступил каждый. Разговор продолжим завтра, на следующем костре...

Ребята расходились молча. А я вдруг подумал, что вот также молча и нерешительно они идут навстречу жизненным испытаниям. Они же не видят себя в завтрашнем дне, не представляют трудностей, которые ждут их за стенами школы. «Готовься к борьбе за счастье своего народа, за коммунизм», — говорим мы им. Но понимают ли всю глубину этих слов наши воспитанники? Бороться? С чем? С кем? Как?

Высказывая тревогу о том, что наше воспитание стало в основном словесным, я имел в виду слово формальное, казённое, не находящее отклика у детей. В противовес ему огромным воздействием обладает слово, согретое чувством, освещённое мыслью, рождающее, в свою очередь, ответное чувство, ответную мысль. И вот таким,

как будто обращённым лично к каждому, стало для нас слово замечательного человека и учителя В.А. Сухомлинского. Его афоризмами начали мы беседу у костра.

1. Почему человек *должен*? Весь смысл нашей жизни заключается в том, что мы должны. Может ли быть по-другому?
2. Что было бы, если бы человек делал только то, что ему захочется? Могли быть человек счастливым? Смогло ли вообще существовать человеческое общество?
3. Огромное зло — «жить в собственное брюхо» (Ф.М. Достоевский), быть эгоистом, не видеть ничего дальше своего носа, не болеть болями общества.
4. Бойся стремления обладать вещами! Подлинное богатство человека не в вещах, а в разуме, в духовных ценностях.
5. «Патриотизм — чувство самое стыдливое» (Л.Н. Толстой). Береги святые слова и дорожи ими. Не кричи о любви к Родине, а трудись во имя её блага, счастья, могущества.
6. Кричать о недостатках — для этого большого ума не надо. Презирай демагогов и пустозвонство. Думай и делай всё, чтобы торжествовали добро и справедливость.
7. Ты станешь настоящим человеком лишь тогда, когда узнаешь, что такое трудно. Если в детстве, отрочестве, ранней юности тебе всё легко, ты можешь вырасти безвольный тряпкой.
8. Не раздумывай, как поступить, увидев зло, — бороться против него или, закрыв глаза, пройти мимо.
9. Если человека заставляют трудиться другие, заставляют учиться другие, заставляют быть хорошим сыном своих родителей и хорошим отцом своих детей другие — такой человек опасен для общества.
10. Человек оставляет себя в человеке. В этом — человеческое бессмертие.

Как важно направить мысль ребят, создать настроение доверия, искренности, уважения и чуткого внимания к рождению мысли товарища. Только при этом условии получается не просто разговор, а духовное общение, так необходимое человеку вообще, и особенно юному. Минуты самовыражения, когда учителю открываются мысли и чувства учеников, — его счастье. И здесь главное — не спугнуть менторским поучением, неосторожной насмешкой, может быть, неумело, сбивчиво высказанную ещё незрелую мысль, поддержать первую попытку самопознания.

Мы говорили о том, что для каждого человека приходит пора, когда он должен определить свой жизненный путь, представить себя в будущем. А для этого нужно взыскательно и строго взглянуть в себя: кто я? Чем интересен людям? Что больше всего ценю и что ненавижу? Что мешает мне стать настоящим человеком? Что такое «достойная человека жизнь»? Передний край борьбы за коммунизм проходит сегодня через сердце каждого человека. Каким же должен быть настоящий человек, коммунист? Ты и общество? Мера ответственности каждого за всё хорошее и плохое вокруг? Что такое совесть? Нужны ли современному человеку сочувствие, сострадание? Можно ли быть настоящим коммунистом, подлинным патриотом, если не научишься быть добрым, отзывчивым на беду близкого человека? Революционер, гражданин начинаются не с повторения известных лозунгов, а с заботы обо всём окружающем, с чувства возмущения любой несправедливостью, с равнодушия к нуждам и несчастьям близких, с внутренне осознанной потребности делать добро, жить по законам совести, с непримиримости к неправде.

Об этом и ещё о многом говорили мы в тот удивительный вечер узнавания друг друга. Расходиться не хотелось. Как интересно раскрылись перед самими собой и друг другом ребята! Этот разговор помог им увидеть незаурядность личности каждого. И думаю, для многих он стал началом духовного становления.

А в конце была новая, написанная специально для этого костра, песня:

*Не верьте, ребята, что бури прошли,
Что жизнь наша лёгкою стала, —
На разных широтах планеты Земли
Нам дела осталось немало.*

*Творит конструктор новую машину
Иль покоряет лётчик высоту, —
Идёт борьба за красоту,
Идёт борьба за красоту,
За самую высокую вершину!*

*На хлебных просторах, настройках страны
Идёт каждый день бой за счастье.*

*Мы дети героев Великой войны,
Что мир нам спасли от ненастья.*

*Творит конструктор новую машину
Иль покоряет лётчик высоту, —
Идёт борьба за красоту,
Идёт борьба за красоту,
За самую высокую вершину!*

Нет у революции конца... Борьба за самую высокую вершину красоты человеческого духа — коммунизм — продолжается. Эта идея стала ведущей в нашей воспитательной работе с ребятами. И мы убедились, как важны, необходимы и ученикам, и учителям минуты искреннего общения. Каждый рос на том хорошем, ценном, что было в нём, а также на том лучшем, что открывал в других.

Страна Надо. «Откуда вы таких крепких ребят набрали?» — спросил меня заведующий первым отделением совхоза «Витязево» Анапского района Краснодарского края. У нас стало традицией, проработав месяц-полтора на своих полях, выезжать отдыхать на море. И нередко мы выручали хозяйства в трудную пору уборки урожая, когда особенно нужны лишние руки.

— А мы из страны Надо, — ответила за меня Лена Ковалёва, ученица VII класса.

— Что это за страна?

— Об этой стране одним словом не скажешь, — гордо, с достоинством ответила Лена.

Одним словом не скажешь...

НВ «Одним словом не скажешь...» — код настоящести! Нет слов, чтобы передать смысл происходящего. «Объять необъятное!» А в это время чиновники от образования настаивают, что педагогика — это свод «научных работ». Нет научных работ, нет педагогики. И главные магистры российской педагогики лишаются в их глазах звания академиков. В каких кабинетах мы растеряли представление о реальной жизни? Мы растеряли смелость для замысла, без которой — без смелости — не получится объять необъятное. Что это были за годы 70-е, 80-е прошлого века, когда педагогика отдельных учителей-исследователей-экспериментаторов качеством, глубиной, современ-

ностью поднималась до уровня самой передовой, под стать академической, науке лучшего образца? Она рождается в реальном сотрудничестве учителя и ученика при условии мощного стремления учителя ответить на запросы ученика. Услышать друг друга и вместе включиться в работу — так рождается педагогика. И в «услышать друг друга» и «вместе включиться в работу» так много всего, так много наиважнейших нюансов, что одним словом не скажешь...

В тот день, уставшие после двухсменной работы, мы возвращались на машине в «Отважный». Как всегда, весёлые, бодрые песни заглушали гудение двигателя. У всех было хорошее настроение. И от того, что стала двигаться быстрее работа, и от того, что каждый выдержал ещё одну проверку на прочность (день был трудный), и от того, что всех нас, чумазых, ждали купание в прохладной воде озера, а чуть позже интересный фильм в соседнем селе, куда мы собирались идти все, кроме, конечно, караула...

Вдруг машина, резко сбавив скорость, затормозила. На краю дороги, прижавшись к обочине, стоял приметный голубой мотоцикл агронома Владимира Александровича Лозебного.

— А я к вам ездил... — начал он без предисловий. — Очень нужна ваша помощь! О, да вы уже изрядно поработали. Извините, я думал, что вы только до обеда работаете...

— А что случилось? — спросил я.

— Погода стоит хорошая. Зерно идёт большое. Сейчас каждая минута дорога! Комбайны работают и ночью. А на току в эту ночь зерно принимать некому. Не могу найти людей. Вот я и подумал... об «Отважном». А теперь, вижу, вас хоть самих выручай...

Я понимал, что выручать надо. Но как? Мы уже столько дней работаем в две смены. А помощь нужна не на пару часов. Работать надо до утра.

— Владимир Александрович, — я подбирал слова, — устали ребята... Нет, не можем! — добавил уже твёрдо.

— Почему не можем, Михаил Петрович? — спросил кто-то сзади.

Я обернулся — Надя Неронова.

— Мы не все устали! — сказала Надя. — Пусть на ток поедут добровольцы. Надо помочь.

Надя надавила на слово «надо» и многозначительно посмотрела на меня.

— Добровольцы? — вздохнул я. — Ну что ж...

— Владимир Александрович! Подождите! — крикнули ребята савидшемуся уже на мотоцикл агроному.

— Есть добровольцы? — спросил я у ребят.

— Есть! — дружно, по-военному ответили отважновцы.

— Кто хочет работать на току в ночь, прошу поднять руку, — сказал я, предполагая, чем всё кончится.

Так и есть: руки подняли все. И странное дело, решение ехать на ток прибавило сил, смело с лиц усталость.

— Спасибо, ребята! — Лозебный помчался на своём мотоцикле туда, откуда доносился глухой рокот комбайнов.

Ночью на краю Черемошного, где был расположен ток, звенели песни отважновцев. И пели, и работали ребята так, как будто не они весь день провели в напряжённом труде. Зерно шло машина за машиной. Машину за машиной принимали ребята хлеб, выращенный руками отцов. Принимали как эстафету трудовой доблести.

Лето 1975 года (из дневника Гали Зинченко).

«Скоро конец нашей работе. Кончили побелку потолков, близится к концу покраска стен. Задерживают полы. Во многих местах краска отстала от пола. Образовались тысячи мелких и крупных прогалин. Если в таком виде оставим пол, покрасим его новой краской, то он всё равно будет кривым и уродливым. Прогалины останутся, только будут затушёванными...

Решено снять всю краску, целиком оголить пол, чтоб он был весь ровный. Попробовали эту работу сделать шпателями. Но дело почти не двигалось с места. Снялись только те слои краски, которые вздулись. А что делать со всей площадью пола? Кто-то предложил применить раствор каустической соды. Попробовали — получилось. Краска смывается легко. Старшие нас вначале к работе с содой не допустили — работать с нею опасно, но мы заявили протест: в «Отважном» все равны. Состоялся совет «Отважного», на котором решили: «на соде» работать всем по очереди...

Сода очень быстро «съедает» не только краску, но и обувь. Приходится надевать старые, уже ненужные сапоги, ботинки. Сегодня Галя Сыровотченко поранила содой ноги. Ей попалась обувь с тонкой подошвой. Вскоре раствор достал до кожи ног. Гали надо было немедленно бросить работу и пойти переобуться. Но раствор был уже вылит, его надо было срочно размазать по всей площади пола, иначе он просочится на потолок нижнего этажа. Потолки были побелены.

И если бы на нём выступили пятна соды, то всю работу пришлось бы начинать сначала.

Галя не ушла, пока не было сделано всё необходимое... Когда Михаил Петрович спросил Галю: «Почему ты не пошла переобуться?» — она ответила: «Так надо же было доделать работу...»

Да, она тогда сказала это очень просто, даже с удивлением, как само собой разумеющееся. «Так надо же...»

Надо... Сколько раз звучало это короткое слово, когда необходимо было перешагнуть через «не хочу», «не могу», когда надо было помочь людям. Во многих отважновских песнях можно встретить это слово...

Надо! — короткий, но ёмкий приказ самому себе, когда, кажется, нет сил, когда так хочется отдохнуть, прилечь, расслабиться.

Надо! — призыв к воле, решительным действиям.

Надо! — значит, хочу помочь людям, хочу человеку счастья.

Из этого «надо» выросла одна из ведущих линий нашей воспитательной работы в школе, нашей работы по самосовершенствованию.

«Надо зимой посадить ёлки. Ямки, заготовленные осенью, оказались слишком малы. Мороз свыше двадцати, земля, как железо. Лёша Болотов, Гена Босов, Валера Сенчишин, Гена Богатырёв, Юра Борцов, Лёша Макаев выдолбили ямы...»

«Надо помочь старушке, у дома которой лагерь остановился на ночлег. Муж её в возрасте 70 лет парализован. Ребята решают: выдать из заработанных 200 рублей...»

Эти строки из дневников «Отважного» можно продолжить. «Надо», равное «хочу жить для людей, хочу оставить на земле след Доброго». Именно такое «надо» воспитывалось в «Отважном» и через «Отважный» утверждалось в школе. «Отважный» был своеобразной кузницей нашего опыта воспитательной работы, эффективной школой повышения педагогического мастерства. Пионерский и комсомольский актив Яснозоренской школы-комплекса — ребята, прошедшие школу трудового отряда «Отважный», ребята из страны Надо.

Придавая особое значение единым критериям оценки, мы стремились максимально сблизить наши точки зрения, слить их в коллективное мнение. Этой задаче как нельзя лучше служили совместные анализы сделанного задень. На этих коллективных обсуждениях прошедшего дня мы давали возможность высказаться каждому. Говорили и о недостатках, и о том, что помогло прожить день инте-

ресно, с пользой. Главным в этом анализе был человек, конкретные люди, стоящие за «сделано» и «не сделано». Мы стремились к тому, чтобы каждый был видной фигурой, чтобы у каждого была уверенность: меня видят, мною интересуются, за меня переживают, мне хотят лучшего. В «Отважном» у нас родилось и окрепло убеждение: не может быть полноценного коллектива, если каждый человек в нём не виден крупным планом. Коллектив — это всегда созвездие, соцветие, гармония, единство индивидуальностей.

Радость сопереживания. Ещё задолго до начала отделочных работ я по рекомендациям архитекторов, художников и гигиенистов, а также с учётом опыта работы на строительстве Бессоновской школы составил своеобразную карту цветовой отделки классных комнат и рекреаций. Ознакомился с литературой, посвящённой этой проблеме, ездил в Москву, Харьков, Белгород, где встречался с художниками-дизайнерами... Короче говоря, карта стоила мне довольно солидных усилий. С гордостью показал её ребятам. Будучи уверенным в полной поддержке, всё же не жалел слов, защищая свой проект. Но аплодисментов не было. Лица стали почему-то пасмурными...

— Вы что? — не понимая такой реакции, спросил я. — Вам не нравится карта?

Отважновцы хранили молчание...

Наконец заговорила Таня Григорова:

— Михаил Петрович, мы же договорились решать вместе. Почему эту работу вы сделали без нас?

Таня явно волновалась, видно было, что ей нелегко даётся выступление, в голосе обида, упрёк...

— Вы думаете, нам неинтересно самим подобрать цвет? Мы мечтали, каким будет наш класс...

Я хотел было вновь приняться за «научное обоснование» предложенной мною цветовой карты, но почувствовал такую стену отчуждения, такой молчаливый протест, что забыл все доводы. Не скрою, в те минуты шевельнулась обида: ведь столько вложил труда! Но, заглушив её усилием воли, выдавил:

— Хорошо. Я виноват...не посоветовался с вами. Давайте эту работу сделаем вместе.

Сохраняя, насколько мог, спокойствие, пошёл в свою палатку. Было слышно, как ребята о чём-то спорили приглушёнными головами. Через несколько минут ко мне пришла делегация. Вперёд выступила Таня Бородаенко:

— Михаил Петрович, вы нас неправильно поняли. Мы только были не согласны с тем, что вы с кем-то советовались, куда-то ездили, а с нами ни разу даже не поговорили, не спросили наше мнение. И нам показалось, что насчёт совместных решений... Ну, в общем, мы подумали, что равенство всех членов отряда... это слова, игра...

— Как игра?

— Нет-нет, мы уже об этом говорили. Сейчас мы так не думаем. Потому что если бы вы нам не доверяли, то настояли бы на своём. Мы же понимаем, сколько краски можно испортить, если что не так. И ещё мы решили: когда будем подбирать цвет, советоваться... с вами...

Ребята ушли, но через несколько мгновений в палатку вновь заглянула Бородаенко:

— Михаил Петрович, вы только не обижайтесь... — Таня посмотрела мне прямо в глаза и замолчала, будто спрашивая разрешение на продолжение разговора.

— Говори, говори, что ты меня рассматриваешь...

— С собраний уходить вам не надо. Это невежливо...нехорошо как-то получается... — в глазах Татьяны было такое желание доброго, что я невольно улыбнулся ей.

— Хорошо, Таня. Не буду... Ты права. Спасибо тебе...

Когда мы раскрашивали школу, я по-настоящему почувствовал правоту ребят. В каждом вдруг проснулся художник. Поиск нужного цвета, а затем и покраска стен, пола, окон переживались как праздник.

— Ой, какой цвет у нас получился! Пойдёмте, посмотрите! — звучало то там, то здесь. И столько в этом «ой» было восторга, радости, что невольно хотелось скорее бежать туда, где родилось ещё одно чудо.

И чудо было. Школа с каждым днём преображалась, расцветала новыми и новыми красками. Не было в ней уголка, класса, которые не отличались бы чем-то особенным, неповторимым.

А если бы настоял на своём? Я отнял бы у ребят радость совместного творения красоты, радость самовыражения, радость соперничества.

«Школа — наш родной дом» — право говорить так сегодня заработано в те дни коллективного творчества. Не в этой ли вместе пережитой радости думать и решать сообща одна из причин сплочённости «Отважного», сила его притяжения?..

Всё по-настоящему. С наступлением ночи, с сигналом трубы «Отбой!» начинает нести службу караул.

Караулу мы придавали большое значение, во-первых, потому, что этого требовала обстановка жизни в лесу, во-вторых, потому, что ночные караулы были хорошей школой воспитания ответственности.

Не так-то просто нести ночную охрану лагеря. Непроглядная тень ночного леса. Затаив дыхание, вслушивается караул в ночь. И вдруг чьи-то осторожные, едва слышные шаги. Все ближе, ближе... Кто это? Человек? Зверь? Надо предупредить начальника караула. И вот спешит посыльный с тревожной вестью: «На посту №3 подозрительное движение». Начальник караула с резервной группой прочёсывает тревожный участок. Тревога ложная, это... ёжик.

Ритуал несения караульной службы был у нас тщательно разработан. Мы рассредоточивали посты-засады с таким расчётом, чтобы на территорию лагеря с любой его стороны не мог проникнуть посторонний. Инструктируя караул, дежурный по лагерю всякий раз говорил:

— Помните, от вашей бдительности зависит покой товарищей...

Игра? Не только. Ребята действительно охраняли лагерь. И их серьёзное отношение к караульной службе помогло нам прожить в лесу без ЧП.

Однажды заболел водитель нашего автобуса. Ещё задолго до отбоя повёз я его домой. Обрато к лагерю вернулся около 12 ночи. Не успел я выключить зажигание, как меня осветил яркий луч фонарика. Из темноты раздался тихий голос Гали Богатырёвой: «Пароль?» Пароль я не знал...

— Ты что, не узнаешь меня? Это я, Михаил Петрович, — попробовал отшутиться.

— Пароль! — тихо и также твёрдо повторила невидимая Богатырёва.

— Ну хватит шутки шутить, Галя, — уже сердясь, сказал я.

Но Галин голос спокойно и внятно проговорил: «С места не сходить до прихода начальника караула. Иначе... будет поднят по тревоге весь лагерь». Я понял, что это не шутка. Богатырёва выполнит приказ начальника караула: «Без пароля никого в лагерь не пропускать!» Так и стояли мы молча на расстоянии нескольких метров друг от друга, пока не пришёл начальник караула М.Г. Иванов.

Через несколько дней я вновь вернулся в лагерь после отбоя. На этот раз прошёл спокойно, без задержки первый пост. Только

второй пост меня остановил и вызвал начальника караула, им был Н.М. Кобяков. Я рассказал ему о случившемся. Мы вернулись на участок первого поста. Молчание. «Уж не случилось ли что с ребятами?» — мелькнула тревожная мысль. Но оказалось, что часовые спокойно спали. Вот это новость! Часовые заснули на посту! Пришлось срочно устранить их от несения караульной службы. Когда стали выяснять причины, обнаружили, что у начальника караула позывной «тех-тех», а у часовых «ку-ку». Всё стало понятным. Сам пароль настраивал на безответственность. И для ребят, впервые заступивших в караул, охранительная служба с «ку-ку» показалась пустой забавой.

Пароль даёт начальник караула. Следовательно, в легкомыслии паролера — легкомысленное отношение начальника караула к охране лагеря. Оно проявилось и в том, что первый пост был сформирован только из новичков. Пришлось пойти на исключительные меры: отстранить от несения караульной службы начальника караула и немедленно заменить пароль.

Каждый день жизни в лагере помогал нам, учителям, прийти к пониманию очень важной педагогической истины: чтобы ни делал с ребятами, делай по-настоящему, всерьёз!

NB Самое точное определение педагогики М.П. — педагогика высших ценностей. Педагогика предельных ценностей. Предельная педагогика. По объёму ценностного ряда, которому энергичная жизнь в Текосе каким-то невероятным образом соответствует в каждый момент времени, в каждой жизненной настройке, позиции, лицей можно сравнить с Храмом, в который попадаешь из своей квартиры. Здесь хочется выпрямляться. Выбравшие лицей парни и девушки и, правда, реально выпрямляются и внутренне, и внешне.

Ступени восхождения

Единая позиция. Первого сентября 1975 года красивая, словно заново созданная и будто ставшая более просторной, школа встречала ребят. Особенно поражала она тех, кто не заглядывал в неё целое лето. «Ух ты! Вот это переделали!» — удивлялись многие, доставляя тем самым неопишное удовольствие отважновцам. «А что, не зря

всё-таки старались, — сказал мне Толик Алымов и кивнул в сторону парней, не решающихся ступить на блестящий голубой пол. — Теперь наверняка «генералить» будем реже... Неужто кто посмеет опять тащить грязь... Смотрите, смотрите, как они оглядываются по сторонам».

Жёлтые, розовые, голубые, светло-зелёные, оранжевые полы, светлые, матовых тонов стены создавали радостное, праздничное настроение. Необычны были и объявления о наборе учащихся в музыкальную, хореографическую, спортивную школы, клубы юных техников и натуралистов.

Пройдёт время, и мы все привыкнем к этому соцветию различных школ, кружков, всегда готовых открыть двери навстречу желающим, но в тот год мы ещё не раз будем удивляться сонате Бетховена или, к примеру, концерту Кабалевского, звучащим рядом с кабинетом физики. Я сам иногда утрачивал ощущение реальности, когда заходил в зеркальный зал хореографии и видел, как наши сельские девчонки и мальчишки в настоящих балетных трико стоят у настоящего станка, учатся настоящей хореографии у настоящего балетмейстера. Помню, как билось радостно сердце, когда наблюдал первые тренировки борцов или рассматривал первые модели самолётов, созданные руками ребят.

Потом у нас появятся и отличные столярные, слесарные мастерские, и цеха художественной керамики, и кабинет мягкой игрушки, в котором будут разыгрываться многосерийные самодеятельные спектакли с только что сотворёнными «героями». У нас будет свой настоящий зал борьбы и отлично оборудованный зал общей физической подготовки. Будут чемпионы, лауреаты. Мы все станем лауреатами премии Ленинского комсомола. Но 1975/76 учебный год останется в памяти тех учеников и педагогов, кто своим умом, сердцем, руками создавал Яснозоренскую школу-комплекс, самым значительным и, пожалуй, самым ярким. В нём все было впервые. Он стал началом бесконечного педагогического поиска, началом поворота к Детству.

NB *Детство требует от взрослых постоянного решения педагогических задач — как поступить в данной ситуации, как перейти на следующий уровень развития, при этом укрепляя, а не ущемляя достоинство детей. Без наказаний. Без манипуляций. Без принуждения. Это чрезвычайно сложная задача. Для*

ее решения зачастую не хватает ни времени, ни ресурсов души. И профессионализм часто не большой помощник. Нужно больше. Нужна настройка всего своего существа, внутренняя готовность так понимать свою задачу педагога. Путь воспитания детей без принуждения, отталкиваясь от их собственной веры в себя, которую надобно всемерно укреплять специальной заботой, и есть «бесконечный педагогический поиск», и есть «поворот к Детству».

Сегодня о педагогах Яснозоренской можно говорить как о коллективе единомышленников. Но взаимопонимание, общность позиции и взглядов на воспитание и обучение детей рождалась постепенно, через споры, преодоление и отказ от того, что долгое время считалось общепризнанным. Это был сложный, порой мучительный процесс. Спорят, в споре рождается истина. Но для того, чтобы она родилась, спорящие должны открыто, честно высказать своё мнение. А последнее, в свою очередь, возможно при уважении и доверии друг к другу.

Доверие, взаимопонимание, пожалуй, одно из важнейших достояний педагогического коллектива сегодняшней Яснозоренской. И ещё право каждого на творчество, собственное мнение.

Как директор я старался советоваться со всеми учителями по всем важным вопросам школьной жизни. Предпочитал подчиняться воле большинства даже в том случае, если был убеждён, что принятое решение не принесёт ожидаемого результата, нежели настаивать на принятии другого, на мой взгляд, более правильного. Принятое таким образом «неэффективное» решение эффективно уже потому, что оно выражает волю коллектива, который завтра увидит свою ошибку и непременно исправит её. Есть, думаю, только один путь воспитания творческого коллектива — предоставление возможности высказывать и отстаивать свои мысли каждому, и ученику, и учителю. И мы стремились к тому, чтобы решение было действительно коллективным — принятым в результате обсуждения всех точек зрения, всех «за» и «против».

Мы учились строить взаимоотношения на основе уважения, бережного внимания друг к другу, боролись с грубостью, нервозностью. Пожалуй, самым трудным было становление единых педагогических требований. Не сразу утверждался взгляд на учителя, как на старшего товарища ученика, призванного помочь ему и в учении, и в формировании его личности.

Постепенно жизнь заставляла сторонников дисциплины страха и беспрекословного повиновения сдавать свои позиции. Сделать это помогла школа «Отважного», совместный, рука об руку, труд, по-новому раскрывший и воспитателей, и воспитуемых. Именно там был выработан единый педагогический стиль, в основе которого — уважение к человеку, учителю и ученику, признание ценности и неповторимости его личности.

В сентябре 1975 года наш комплекс начал работу в таком составе: общеобразовательная, спортивная, хореографическая, музыкальная школы; клубы юных техников и натуралистов. Правда, различные учебно-воспитательные учреждения «связывала» пока лишь общая крыша. Хотя их руководители работали в контакте друг с другом, но постоянных и прочных деловых отношений между ними ещё не было. Я написал «наш комплекс», но тогда мы не употребляли этого термина. Говорили, что теперь при общеобразовательной есть различные специальные школы и клубы, что у наших ребят, как и у городских, есть возможность в свободные часы, в зависимости от желания, заниматься во внешкольных учреждениях.

В специальные школы и клубы с первых дней хлынули потоки желающих, но, чем активнее работали эти учреждения, тем сильнее росла неразбериха: накладки в расписании, столкновения мероприятий, конфликтные ситуации. От этого страдали все школы, но больше всего общеобразовательная, привыкшая монопольно распорядиться второй половиной дня. В среде её педагогов возникла оппозиция. Ко мне приходили до предела возмущённые учителя и требовали «восстановить порядок»: «Они должны знать свое место. Пусть подстраиваются под нас! Главное — это общеобразовательная школа!» Исходя из опыта Бессоновки, я ждал подобных заявлений. Но теперь не «идея сверху» была причиной конфликтов. Я был, как и все, в положении «потерпевшего». Поэтому в ответ на возмущения педагогов общеобразовательной говорил: «Каждая из школ имеет суверенные права... Мне они не подчиняются. У них своё руководство. Для нас главное — общеобразовательная школа, а для них главное — то, чем занимаются они. Порядок мы можем установить только у себя, вмешиваться же в их работу, указывать им мы не имеем права».

— Но надо ведь как-то находить общий язык! — возражали мне.

— С этим я целиком согласен...

— Тогда почему же мы бездействуем?

— А что вы предлагаете? Давайте свои предложения, и будем решать...

Почему я занял пассивную позицию, зная с самого начала, что должен быть комплекс, единый союз школ, а не их набор? Нужно было, чтобы необходимость школы-комплекса осознали все педагоги.

Когда это стало очевидным для всех, мы собрали наш первый общий педсовет. Он принял решение об объединении всех школ и клубов в единый союз (его мы назвали с прицелом на будущее: школа-комплекс), о создании совета директоров, об объединении всех общественных организаций, о едином планировании учебно-воспитательной работы коллектива. Председателем совета директоров школы-комплекса назначили меня.

Постепенно был выработан годовой план совместной работы, отрегулировано расписание занятий школ, клубов, кружков, выделены специальные дни и часы для общих собраний педагогов и учащихся. Совет директоров вскоре после введения в его состав секретаря партийной организации, председателя местного комитета, секретарей учительского и ученического комитетов комсомола, старшей вожатой, председателя совета дружины, председателя совета командиров был преобразован в совет школы-комплекса. Он занимался вопросами планирования, осуществлял руководство текущей работой, регулярно заслушивал отчёты руководителей всех учебно-воспитательных подразделений, кружков, секций. Раз в неделю, в пятницу, в 7 часов утра в кабинете председателя совета, т.е. директора школы-комплекса, собирался совет для обсуждения плана работы на предстоящую неделю. Эти заседания помогали нам оперативно решать текущие проблемы, вносить коррективы в ранее намеченные планы. В центре внимания совета всегда стояло главное, узловое дело за прошедшую неделю, в котором принимали участие все учебно-воспитательные подразделения комплекса. Совет заседал один час. Времени этого вполне хватало и для анализа работы каждого звена, и в целом школы-комплекса, и для того, чтобы обсудить и утвердить план предстоящей недели. Чтобы заседания проходили чётко, с наибольшей пользой, мы разработали план-памятку отчёта:

1. Что сделано руководимым вами коллективом за прошедшую неделю?
2. Что не сделано и почему?

3. Трудности, проблемы, с которыми столкнулись в работе; пути их преодоления.
4. Ваши предложения, замечания, просьбы, пожелания всему совету или отдельным его членам.
5. Расскажите о своих планах на предстоящую неделю.
6. Что в целом о работе комплекса вы можете сказать (за прошедшую неделю, на будущую неделю)?

На все выступления, включая решение спорных вопросов, давалось не более трёх минут. На обсуждение плана предстоящей работы, включая и обсуждение главного дела недели, отводилось 20 минут. Таким делом могли быть трудовая операция, вечер отдыха, диспут, спортивный праздник, поход, собрание, сбор, открытый урок, концерт, олимпиада и т.д. Его организатор с группой ответственных ребят или педагогов заранее готовили сценарий. Особое внимание уделялось тому, чтобы в планируемом деле участвовала большая часть коллектива школы. Еженедельный анализ деятельности каждого звена школы-комплекса помогал нам держать в поле зрения всю систему учебно-воспитательной работы, глубже вникать в проблемы, оперативно и эффективно решать их. Совет школы стал полномочным органом коллективного руководства комплексом, помогал более разумно и эффективно использовать возможности нашего союза. Так, уже со второй четверти 1975/76 учебного года по решению совета был введён между вторым и третьим уроками для учащихся IV–VI классов и между третьим и четвёртым для VII–IX так называемый свободный час занятий по интересам. «Свободный час», несмотря на все трудности его организации, имел положительное значение для развития и становления нашего комплекса. В «свободный час» каждый ученик обязательно должен был, в зависимости от его склонностей и желания, заниматься в специальной школе, секции или кружке. Тем, кто ещё не определился, мы терпеливо помогали найти «свое дело». Но иногда ребята подсказывали его сами, предлагая создать новый кружок или новый класс в той или иной школе. Так, в клубе юных техников открылся кружок картингистов, в музыкальной школе — класс гитары и кружок эстрадного ансамбля, в хореографической — класс современного бального танца, в спортивной — секции баскетбола, волейбола и лёгкой атлетики.

Через совет школы мы смогли более рационально распределить обязанности директоров, избегать дублирования в руководстве комплексов. Специалисты, входящие в совет, отвечали за работу

не только в своей школе, но и в других. Так, директор спортивной школы отвечал за спортивно-массовую работу, за качество преподавания на уроках физкультуры, всю постановку физического воспитания в комплексе. Директор музыкальной школы руководил всей системой музыкального воспитания и в музыкальной, и в общеобразовательной, и в хореографической, включая музыкальное оформление перемен, утренников, сборов, вечеров, спортивных состязаний, концертов. Директор клуба юных техников нёс ответственность за исправное состояние технических средств в кабинетах, отвечал за работу радиоузла, техническое обеспечение всех мероприятий.

Коляя. Трудно привыкали учителя к новым условиям работы. Сказывалась привычка к обособленности. Нелегко было педагогам общеобразовательной школы отвыкнуть от монопольного владения временем своих учеников. Новые условия требовали большей гибкости, мобильности и слаженности. Школа-комплекс учила серьёзному, вдумчивому планированию, не прощала неорганизованности ни директору, ни учителю, ни ученику.

Не меньше затруднений испытывали и педагоги специальных школ. Ориентированные прежде на работу с особо одарёнными, с отобранными по конкурсу, они теперь вынуждены были работать со всеми желающими. Методика, рассчитанная на «готовый материал», нуждалась в решительном пересмотре. «Материал» надо было терпеливо и грамотно растить. Надо было становиться не просто преподавателем: можешь — учись, не можешь — до свидания, а учителем в истинном смысле этого слова.

NB *Поразительно, но это «можешь — учись, не можешь — до свидания» крепко сидит в нас до сих пор, хотя мы уже жители 21 века. Мы плотно живем в парадигме либо «заставить ребенка ради его же пользы», либо «давай договоримся». И то, и другое мыслится нами взрослыми с позиции старшего, сильного. Однако настоящие, паритетные договоренности возможны только между сильными, а не сильным и слабым. В педагогике сотрудничества ученик — субъект образования, а не объект. И сегодня страсть как нужны педагоги, для которых является невозможной установка: «мол, покажу дорогу к водою, а научить пить — не ко мне». Вынужденно, а в то же время счастливо М.П. приходит к пониманию, что учитель, а не просто преподаватель, появится, если сам вырастет в решитель-*

но пересмотренной педагогической экосистеме. Так лицей стал мыслиться М.П. как кузница современных педагогических кадров. Каждый ученик лицея — носитель педагогической практики. И в этом огромная ценность лицея, потому что в стремительно меняющемся и усложняющемся мире педагогическая компетентность — по нарастающей необходимейшая составляющая для каждого из нас.

А это требовало большего мастерства, глубоких знаний по педагогике, психологии, физиологии.

Один специалист-балетмейстер, опытный мастер, лауреат республиканского конкурса, привыкший работать с избранными, с теми, у которого природная грация, врождённое чувство ритма, выразительность и гибкость движений, с самого начала категорически заявил:

— Я буду работать только с танцевальным ансамблем, в который, может быть, удастся набрать человек двенадцать из всей школы. А если не наберём, придётся искать ребят по району, а может, и по области...

— А остальные? Как же быть с теми, которые тоже хотят и должны быть красивыми, стройными?..

Балетмейстер пожал плечами и пренебрежительно бросил: «Кто? Дети доярок и трактористов, которые по земле-то ходить не умеют?! Хореография — предмет особый. Это вам не математика, которой учить можно всех. Хореография — искусство для избранных, для тех, у кого талант, понимаете, талант к танцу...»

Мои доводы о том, что талант — дело наживное, если строить обучение, основываясь на объективных законах психофизиологического развития, не возымели действия. Балетмейстер вначале согласился поработать с нашими ребятами, но ровно через год ушёл. Прощаясь, он горячо доказывал: «Ваш комплекс — это ваше личное заблуждение, которым вы заразили некомпетентных. Впереди у вас провал, катастрофа! Слёзы разочарования тех, кого вы обнадёжили, кому внушили предательскую мысль о всесии его природы».

NB ***Различие педагогических подходов определяется разностью представлений об изначальных возможностях человека. Полагаем человека соразмерным его способностям, получаем ограниченительную педагогику способностей, разворачивающую***

ся согласно принципу «каждому по способностям». Как говорится, выше головы не прыгнешь.

И напротив, полагаем человека всесильным, получаем педагогику личности, в основе которой принцип «ты человек, значит ты можешь». Ты можешь всё!

Это две разные педагогические веры. В первом случае художественная гимнастика для стройных девочек, а бокс — для парней с прочным станом. Во втором — танцевать, чувствовать музыку, идти к вершинам эстетики, быть сильным духом, уметь стоять за истину — дано каждому духовно-развитому человеку.

Это как в геометрии с двумя разными базовыми аксиомами. Положишь, что две параллельные прямые не пересекаются, получишь одну геометрию. Положишь, что пересекаются, — другую.

Первая геометрия получает подтверждение в нашей земной жизни ограниченных пространств, и ее достаточно для повседневной жизни. Вторая оказывается верной на огромных пространствах, и без нее не обойтись для расчета межзвездных полетов.

Вера педагога в «человека со способностями» или в «человека — универсальную личность» приводит к различной педагогической практике, предопределяющей, как результат этого выбора, будущее вырастающего человека.

Всей своей педагогической практикой МП доказал, что вера педагога во всеилие природы человека поднимает и педагога, и его педагогику, и воспитанника на невероятные высоты. Более того, эта вера неизбежна — в том смысле, что связанные с ней дополнительные затраты и усилий, и времени, и любых других ресурсов с лихвой восполняются собственными усилиями детей, которые как раз через право быть субъектом этих усилий и становятся всесильными. Невозможное становится возможным. Прорастают новые, сильные педагогические практики, органично сонаправленные со всеми передовыми педагогическими открытиями, в которых ребенок — центр, субъект образовательных отношений.

Педагогика МП, казалось бы, механически составленная из находок педагогов-новаторов, оказалась в результате на удивление гармоничной. Никакой эклектики. Всё работает в педагогике Щетинина. Потому что горизонт «замаха» взрослых и,

соответственно, горизонт роста детей предельные. Потому что в основе — вера во всесилие природы человека.

М.П. — и это еще одна развилка в педагогической науке и еще одно принятое им решение — строит свою педагогику, исходя из аксиомы природного всесилия каждого ребенка, каждого из нас. Это иная педагогическая вера, это иная школа. Все школы М.П. задумываются и строятся им вместе с детьми как школы комплексного развития личности, как школы личности, школы педагогики личности не на бумаге, не декларативно, а в реальности.

Управленец современной школы, в которой равенство только декларируется, а на самом деле школа всей своей системой усугубляет неравенство, набрасывается на корневую идею школы будущего о всесилии каждого, как на несерьезную, как на непрактичную, как на ненаучную. И тем самым дезавуирует себя перед будущим.

М.П. тверд в своем намерении построить настоящую школу — школу всесилия каждого. Многие методы и большой объем дидактики традиционной школы послужили крепким основанием для новой школы, но многое пришлось передумать, переосмыслить, додумать. Так родился Лицей комплексного развития личности в селе Текос Краснодарского края.

Спор наш впоследствии разрешит хрупкая девушка, не имеющая специального хореографического образования, — Ольга Фёдоровна Коновалова. Под её руководством расцветёт народная хореография в Ясных Звездах. А ансамбль танца из «обычных» девчонок и парней, дочерей и сыновей «обычных» доярок и трактористов, станет одним из ведущих коллективов Белгородщины, завоевывая не раз на районных и областных смотрах и конкурсах высшее звание лауреата. Позже возникнут новые ансамбли — «Сударушка», «Капельки», а за ними ещё... ещё. В чём секрет? В таланте Коноваловой? Бесспорно. В огромном таланте этой молодой учительницы, не уставшей верить в силы своих учеников, в её способности видеть их малейший успех, каждое движение к совершенству, в её вдохновенном, добром сердце. А вернее всего, в том, что она — настоящий учитель.

Стереотип представлений о том, как «растить специалистов», оказался самым коварным врагом. Трудно было сдвинуть с накатан-

ной колеи даже только начинающих педагогическую работу. Помню наши долгие споры с молодыми педагогами — баянистами и пианистами, которые, только что закончив музыкальное училище, прибыли к нам на работу. Причина спора — отсев учеников из музыкальной школы. В чём дело? Ведь они с таким восторгом «записывались в музыкальную». Ориентируясь на свой опыт работы в Кизляре, я предполагал причину, но для полной уверенности попросил раздумавших учиться музыке ребят принести свои дневники. И вот что увидел:

- «17/IX. Полька — разобрать двумя руками, считать вслух. Играть верными пальцами. Этюд учить.
- 18/IX. Полька — две строчки соединить вместе, играть двумя руками, остальное учить отдельно каждой рукой. Этюд — две строчки наизусть.
- 21/IX. Полька — половину наизусть. 4 такта двумя руками вместе, остальное отдельно каждой рукой. Этюд — учить внимательно.
- 25/IX. Полька... Этюд...
- 2/X. Полька... Этюд...
- 9/X. Этюд... Полька... Сонатина — учить верными пальцами.
- 12/X. Полька — работать над трудными местами. Этюд — сдать. Сонатина — 8 тактов двумя руками, остальные отдельно каждой рукой».

И так до 23 октября. Откуда же у ученика будут успехи, если он долбит одно и то же изо дня в день до одурения? Товарищи родители! Если ваш ребёнок учится «музыке» подобным образом, и вы сознательно не преследуете цель воспитать у него беспредельное отвращение к этому величайшему искусству, немедленно переведите его к другому педагогу. А если и тот будет учить таким же образом, бросьте свою затею, пока не поздно. Лучше пусть он слушает соловья в лесу да кузнечика на лугу... Музыкальность растёт, прежде всего, на богатстве и разнообразии впечатлений, и работать над пьесой можно до тех пор, пока она вызывает удовольствие. Очень важно именно при первом знакомстве с произведением, в период наиболее яркого восприятия, а значит, и наиболее эффективного запоминания, играть его сразу верно, чтобы не превращать обучение музыке в вечное переучивание, в нудную работу над ошибками. Но самое главное — нельзя катиться по колее, надо смелее искать активные формы работы, действенную методику.

Думать и искать, искать и думать, как повысить эффективность педагогических усилий, — такой постепенно становилась позиция учителя независимо от его специальности. Единое руководство комплексом, единый педсовет, партийная, профсоюзная и комсомольская организации, единое планирование и режим работы помогли нам покончить с хаосом, неразберихой, путаницей в нашей деятельности. Образование союза школ открыло возможности для создания единой школы всестороннего гармоничного развития каждого ученика. И первым её ростком стал экспериментальный I класс Клавдии Петровны Никиташевой.

Никиташева. Клавдия Петровна Никиташева была первой учительницей нашего I экспериментального класса.

Клавдия Петровна не довела свой класс до четвёртого... Заболела...

— Я не хочу подводить школу. Мне надо подлечиться... отдохнуть, — говорила это мудрая, с огромным жизненным и педагогическим опытом, бесспорно талантливая, а потому и предельно скромная учительница во время нашей последней встречи.

К.П. Никиташева живёт сейчас в своём разбросанном по холмам старинном русском селе Черемошное, воспитывает внуков, управляется по мере сил с хозяйством. Идут, закручиваются всё глубже в старость года, постепенно слабеет память... Нет, неправда! Помнит Никиташеву школа. А вы, Клавдия Петровна, помните тот день?

— Ой, Михаил Петрович, что-то боюсь я... не справлюсь... Может быть, кто помоложе... — робко возражала Клавдия Петровна, когда ей предложили взять экспериментальный класс.

— Нам нужен ваш опыт, ваши знания. Кому, как не вам, начинать. И у вас, именно у вас, получится! — убеждал её я.

И получилось. Она, взвешивая каждый свой шаг, осторожно продвигалась вперёд, держа под неослабным вниманием уровень усвоения учебного материала. Тогда у нас не было апробированной методики проведения коротких уроков ни по одному из предметов. Методику создавали те, кто работал в экспериментальном классе вместе с Никиташевой: Ольга Фёдоровна Коновалова, Владимир Васильевич Милешин, Татьяна Георгиевна Шангереева, Мария Алексеевна Алпазиева, Александра Тихоновна Алипова, т.е. все педагоги других школ комплекса, ведущие по своему профилю уроки у ребят.

Предложение сократить длительность уроков в I классе, дать ребятам больше возможности быть детьми, дать им больше уро-

ков физкультуры и музыки, ввести уроки хореографии не вызвало со стороны подавляющего большинства педагогического коллектива противодействий. Но от Никиташевой зависело, будет ли предложение началом целостного подхода к делу воспитания и развития человека... Ей надо было всякий раз, сталкиваясь с тысячами «не получается», преодолевать себя, привычное мышление. Для такой работы нужен был человек творческого ума, сильной воли, страстно желающий помочь детям. Таким человеком и была Никиташева.

Класс ей достался не из лёгких, многие пришли без предварительной подготовки. Вначале контрольные замеры уровня знаний её учеников вызвали серьезное беспокойство за судьбу эксперимента. Около 10 % учащихся в конце октября с предложенными заданиями не справились, только треть выполнили работы на «4» и «5». Расстроенная учительница главную причину неудачи видела в себе. Она так и сказала: «Это моя вина, всё никак не научусь рационально использовать каждую минуту... Размазываю время...» А ведь могла бы сказать и так: «Вот видите, нельзя работать по-новому...»

В феврале с контрольными заданиями по всем трём предметам: математике, чтению и письму — её класс справился. Половина ребят выполнили задания на «4» и «5». В мае таких было уже 58%, остальные за выполненные контрольные задания по всему курсу Икласса получили отметки «4» и «3». Такой итог нельзя назвать триумфом. Но для нас он означал одно — можно. Можно изобрести лучшей от длинных и утомительных уроков, создать более естественные для детского организма условия развития. Этого было достаточно, чтобы с сентября 1976 года по новому учебному режиму смело начала работать Валентина Григорьевна Рынзина, затем Клавдия Александровна Литвякова, Евгения Михайловна Наумова, Зоя Филипповна Юракова, Нина Тихоновна Картамышева.

«Ну, а как будем работать во II классе?» — спросил я в конце мая Клавдию Петровну. Она улыбнулась и ответила: «Я сама об этом всё время думаю. Давайте продолжим... Обидно останавливаться на полдороге».

Общая забота

— Ты, что, не веришь, что Ясные Зори стоят на верном пути? — спросил меня Н.А. Сурков, когда я пытался доказать ему преждевременность обсуждения нашего начинания на районной научно-практической конференции в 1976 году.

— В то, что Ясные Зори на верном пути, сегодня верит бóльшая часть коллектива, но рано: у нас ещё нет школы-комплекса. У нас только союз школ, а не единая школа всестороннего развития каждого учащегося.

— А разве школа-комплекс как союз различных учебно-воспитательных учреждений, направленный на взаимодействие в вопросах воспитания, не заслуживает того, чтобы говорить о ней уже сегодня? А пути взаимодействия школы и колхоза в деле воспитания новой смены, благодаря чему и возможна школа-комплекс на селе, не требуют обсуждения? Школа-комплекс даже в том виде, в каком она уже есть, может сыграть решающую роль в повышении культуры села. А в повышении культуры — наши высокие урожаи хлеба, наше большое молоко в недалёком завтра... Кстати, в Бессоновке продолжает жить школа-комплекс, несмотря ни на что. Значит, идея жизненная...

В феврале 1976 года районная научно-практическая конференция состоялась. В её работе приняли участие директора школ, руководители колхозов и совхозов района. Вёл конференцию Н.А. Сурков. Она стала нашим первым серьёзным экзаменом. Участники конференции ознакомились с опытом совместной работы нашей и Бессоновской школ, колхозов «Знамя» и им. М.В. Фрунзе по созданию условий для всестороннего развития учащихся. Большинство директоров школ, руководителей хозяйств высказались в поддержку начинания. Многие из них говорили о школе-комплексе как о прообразе школы будущего, а также о горячем желании организовать такие школы в своих сёлах.

Вскоре состоялось бюро Белгородского РК КПСС, где было принято решение одобрить опыт совместной работы Бессоновской и Яснозоренской школ и колхозов «Знамя» и им. М.В. Фрунзе по созданию условий для всестороннего развития и гармоничного воспитания учащихся.

Событием огромной важности, оказавшим решающее влияние на весь ход дальнейшего становления школы-комплекса, стал для нас XXV съезд КПСС. На съезде была выдвинута и обоснована идея

комплексного подхода к воспитанию. Решения съезда помогли нам глубже осознать сущность решаемой нами проблемы. Школа-комплекс стала одним из реальных и практических шагов на пути реализации решений партии. Мы шли в ногу со временем. В конце учебного года состоялась на базе нашей и Бессоновской школ областная научно-практическая конференция. Тема её дискуссии была та же, что и на районной, но теперь уже наша деятельность рассматривалась в свете решений XXV съезда КПСС. Участниками этой конференции были секретари райкомов партии, заведующие районных отделов народного образования Белгородщины, руководители ведущих школ и хозяйств области. Выступающие говорили о необходимости целенаправленной совместной работы всех, кто связан с проблемами воспитания. Большинство обосновывали такой вывод тем, что уровень развития современного общества предъявляет более высокие требования ко всей системе воспитательной работы и что практическое осуществление задач всестороннего развития и гармоничного воспитания подрастающего поколения не по плечу одной общеобразовательной школе. В частности, Герой Социалистического Труда председатель колхоза им. М.В. Фрунзе В.Я. Горин сказал: «В современную эпоху бурного расцвета крупного сельскохозяйственного производства, когда практика наглядно убеждает нас в прямой зависимости уровня развития производства от уровня развития и воспитания работающих в нём людей, уже невозможно смотреть на школу как на обособленное учреждение. Колхоз, его будущее, его урожай, расцвет села начинаются в школе. Вот почему труженики нашего хозяйства видят в школе свой главный производственный участок...»

Слушая выступления, я невольно вспомнил августовский день 1975 года, когда мы с Н.Е. Босовым обходили готовую к учебному году школу. Николай Егорович по-хозяйски заглядывал во все уголки, похлопывал по свежевыкрашенным стенам, недоверчиво улыбаясь, смотрел на светло-розовые и голубые полы. А потом, почему-то вздохнув, сказал:

— Значит, хореографию на плечи колхоза? Ну что же, поговорю с правлением. Приходи послезавтра к шести вечера в контору. Я как раз собираю всё руководство хозяйства.

— Да! — словно вспомнил Н.Е. Босов, уже открывая дверцу своего «газика». — А выпускники той школы, о которой мы говорили, после хореографии пойдут пахать нашу землю? Мне бы таких, как твои от-

важновцы... — Николай Егорович улыбался, но глаза были серьезны. Видно, председатель коснулся давно мучившего его вопроса.

— А это будет зависеть от нас с тобой, Николай Егорович, от всех нас... Стремление к качеству, к совершенству, к работе по совести мы должны воспитывать в каждом нашем ученике с первого до последнего дня учёбы в школе.

И вот заседание правления...

— Шёл к вам на эту встречу и очень волновался, — начал я, — поймём ли друг друга. А сейчас, после того как услышал из ваших выступлений, что причина всех неурядиц, неполадок, срывов одна — человек, понял, что поймём. Все согласны, что кадры надо готовить с детства. Так в чём же дело? Давайте не будем проходить мимо детства, давайте вместе — и педагоги, и производственники — растить хлеборобов, доярок, агрономов и инженеров, чтобы не работать нам и вам на износ, не заниматься ни нам, ни вам бестолковыми авралами. Если мы объединим свои усилия, то на селе обязательно будут оставаться лучшие парни и девчата. Конечно, результат будет виден не сразу. Пройдут годы. Но он обязательно будет. А если бросить школу на произвол судьбы, то вечными будут на ваших правлениях и на наших педсоветах вопросы о дисциплине, о некачественной работе, о неорганизованности и беспорядках. У меня всё.

После некоторой паузы Николай Егорович сказал:

— Ну что, товарищи члены правления? Поддержим предложение нашего директора о том, чтобы вместе воспитывать наших детей? Наблюдал я, как работают отважновцы: дисциплинированно, слаженно. Но больше всего поражает их ответственное, заинтересованное отношение к любому делу, которым заняты. Вот таких бы работников нам в колхоз! Сегодня без дальней перспективы жить нельзя. Вот почему я призываю вас поддерживать предложения директора...

— Товарищи! — обратился я ко всем членам правления. — Школа хочет улучшить свою работу, чтобы способности каждого ученика развивались глубже, полнее. Но без вас нам с этой задачей не справиться. А вам без нас не покончить с авралами и беспорядками. Воспитание человека идёт в семье, детском саду, в школе, в Доме культуры и на производстве. Но мы действуем несогласованно, нужно объединять усилия. Я предлагаю создать совет по коммунистическому воспитанию. Думаю, что в его состав должны войти руководители производственных участков, председатель колхоза, председатель сельского Совета, директора школ, заведующие детским садом

и клубами, руководители общественных организаций, участковый милиционер, передовики производства.

— Не много ли народу соберётся? — спросил кто-то из присутствующих...

— Нет, немного! — ответил вместо меня Н.Е. Босов. — Если мы хотим по всему фронту вести воспитательную работу с нашей смелой, у нас должен быть такой координационный центр, с мнением которого будет считаться народ.

За организацию совета по коммунистическому воспитанию молодёжи колхоза «Знамя» проголосовали единогласно. Председателем совета стал Н.Е. Босов. Совет оказал большую помощь в создании учебно-производственного комбината, при его содействии колхоз взял на себя финансирование хореографической школы, строительство и оборудование лагеря труда и отдыха. Особой заботой совета стала работа с родителями, особенно с теми, кто пытался отстраниться от воспитания детей. Мы старались убедить родителей в том, что воспитание детей не личное дело, но государственная обязанность, а руководителей производства в том, что они отвечают перед народом не только за производственные показатели, но и за то, как их коллектив участвует в воспитании подрастающего поколения.

Эксперимент продолжается

В мае 1976 года, обсуждая на педсовете итоги работы К.П. Никиташевой, мы пришли к выводу о целесообразности продолжения экспериментальной работы во II классе. Кроме того, было решено опробовать новую структуру учебного дня ещё в одном I классе. С сентября 1976 года ожидалось открытие двух первых классов. Таким образом, появилась возможность сравнить результаты экспериментального обучения с обычным. Ещё один экспериментальный I класс взяла Валентина Григорьевна Рынзина, а «обычный» — Евгения Михайловна Наумова. Обе учительницы имели педагогический стаж свыше 20 лет. Классы комплектовались с учётом местожительства учеников и учителя, с тем чтобы облегчить контакт педагогов не только с учениками, но и с их родителями. В экспериментальный класс поступили в основном ребята из Черемошного и Ясных Зорь, так как большинство из них систематически посещали детский сад,

а новая структура учебного процесса и по видам развивающей деятельности и по времени каждого занятия была как бы продолжением работы, начатой в детском саду.

Анализируя опыт К.П. Никиташевой, которая за год «прощупывала» разные варианты структуры учебного дня, мы выбрали такой режим. Вместо шести 35-минутных уроков (по сравнению с исходным вариантом) — пять 30-минутных и один 35-минутный. Недостаёт одного дополнительного урока по труду и двух — по изобразительному искусству. Последнее «сокращение» было вынужденным. Дело в том, что для нас оказалась серьёзной проблемой в те годы найти педагогов, которые смогли бы от рисунка через художественный труд, художественное конструирование и моделирование вести ученика к техническому творчеству. И только в 1978 году нам удалось встретить тех, кого мы так долго искали. Это были выпускники Харьковского художественно-промышленного института Александр Золотарёв и Валентина Оксён. Молодые специалисты увлекались проблемой развития творческой активности человека и поэтому с большим энтузиазмом согласились принять участие в нашем поиске.

Время	Предмет	Чередуются в другие дни с предметом
8.30 — 9.00	Математика	Русский язык, чтение
9.10 — 9.40	Музыка	Изобразительное искусство и труд
9.50 — 10.20	Математика	Чтение, русский язык
10.20 — 10.40	Большая перемена (лёгкий завтрак)	
10.40 — 11.15	Чтение	Математика, русский язык
11.25 — 11.55	Спортигры	Хореография
12.05 — 12.35	Русский язык	Чтение, математика
12.35 — 12.55	Обед	
13.00 — 14.00	Прогулка	
С 14.00	Свободное время, занятия по интересам	

Нетрудно заметить ещё одно изменение в структуре учебного дня в сравнении с исходной: добавился урок «интеллектуального цикла», как резервный. Это было сделано по просьбе учителей, если

«вдруг не уложимся тридцатиминутку». Этот урок использовался и для математики, и для письма, и для чтения, в зависимости от того, как усваивался детьми учебный материал. Структура учебного дня с резервным уроком проверялась в течение двух лет. Первое время резервный был действительно своеобразным аварийным запасом, потому что нелегко всё же учителю, привыкшему в течение многих лет работать в 45-минутном режиме, перестраиваться на короткий урок. Но шло время, тридцатиминутка становилась привычным уроком, постепенно приходили к учителю уверенность, вера в свои силы, резервный урок всё больше выполнял функции повторения и закрепления пройденного материала. Обобщая в 1978 году опыт трёх лет нашей экспериментальной работы, В.Г. Рынзина в своём выступлении в областном институте усовершенствования учителей подчеркнёт: «Мы стараемся так организовать урок, чтобы каждый ученик каждую минуту занимался делом... Такая чёткая организация при 45-минутном режиме возможна на одном, от силы на двух уроках, потому что за высокую напряжённость работы на одном уроке приходится затем расплачиваться ослаблением внимания и, как следствие, снижением продуктивности учебного труда на последующих уроках. Тридцатиминутный урок, а также вся структура учебного дня, построенная по принципу смены видов деятельности, дают возможность сохранить высокий уровень организованности учащихся, высокую продуктивность учебного труда на всех уроках...»

Сокращенный урок обуславливал повышенные требования к его организации. Один из путей повышения эффективности урока мы видели в хорошем техническом оснащении кабинета, в обеспечении учителя необходимыми наглядными и учебными пособиями, дидактическим материалом.

Летом 1976 года В.Г. Рынзина реконструирует свой класс-кабинет. Раздвижные доски на всю ширину классной комнаты, выдвигаемые вертикальные кассеты для хранения наглядных пособий, касса букв и цифр, демонстрационный шкаф, магнитофон, проигрыватель, телевизор, киноаппарат с экраном ЛЭТИ — всё это аккуратно вмонтировано по её проекту в белую пластиковую стенку руками её мужа.

Учителя были постоянно нацелены на поиск новых приёмов и средств, позволяющих экономить время, активизировать мышление детей, сделать уроки разнообразными и интересными минутами общения. Педагогическое взаимодействие, взаимопонимание

стали отличительными чертами нашего коллектива. «Как вы объясните эту тему? Приходите ко мне на урок, может, подскажите... Я к вам за советом... Как бы вы поступили в такой ситуации? Вы знаете, что я придумала?...» — всё чаще звучало в учительской.

Вот, например, запись одного из уроков математики В.Г. Рынзиной в III классе. Быстрый темп, чёткость и продуманность каждой детали, непринуждённая, игровая манера, высокая активность всех ребят, разнообразие методических приёмов — характерные черты педагогического почерка этой учительницы.

В начале урока В.Г. Рынзина прочитала задачу: «Старушка купила 4 метра ткани, уплатить за них 24 руб. У неё было ещё 35 рублей, и она решила купить ещё 7 метров этой же ткани. Но старушка не могла сосчитать, хватит ли ей этих денег или придётся добавлять. Она попросила сосчитать своего внука Колю. Коля подумал немного и сказал: «Хватит! Ещё останется мне на мороженое...» А вдруг Коля ошибся? Давайте устно проверим Колины расчёты». Учительница открывает запись условия задачи на доске: 4 м — 24 руб., 7 м —?

После недолгой паузы все ребята поднимают руки.

— Олег! Какое у тебя мнение?

— Ошибся Коля! Чтобы купить 7 метров ткани, бабушке нужно 42 рубля.

— А как вы считаете, ребята? — обратилась к классу учительница.

Все дети, как по команде, подняли картонные пластинки прямоугольной формы, повернув их к учительнице зелёной стороной.

— А вот у Васи жёлтый сигнал, говори, пожалуйста.

— Мы же не до конца решили задачу! Бабушке надо сказать, что ей надо ещё 7 рублей.

— Правильно, Вася! Мы с вами, ребята, забыли про то, что у неё было уже 35 руб. Но как вы посчитали, что 7 метров стоят 42 рубля? Кто хочет доказать верность своего решения? Алла Мягих, пожалуйста...

— За 4 метра ткани бабушка заплатила 24 рубля. Значит, метр стоит 6 рублей: 24 делим на 4 — будет 6. Бабушке надо купить 7 метров, значит, денег взять ей надо не 35, а 42 рубля: 7 умножим на 6 — 42. Поэтому занять ей надо 7 рублей, $42 - 35 = 7$.

— Согласны, ребята, с таким расчётом? — спросила у класса Валентина Григорьевна. — Тебе, Алла, все дали зелёный свет! Очень хорошо! Молодцы, ребята! А теперь проверим верность нашего решения другим способом. Способом составления уравнения. Ответьте

мне на такой вопрос: значения каких величин входят в эту задачу? Вова!

— Два значения количества — 4 метра и 7 метров и одно значение стоимости — 24 рубля.

— Ваше мнение? — обратилась учительница к классу. — Володя получил зелёный свет. А что же нам неизвестно? Лариса!

— Неизвестна величина стоимости 7 метров.

И опять ребята зелёными пластинками подтверждают правильность ответа. Учительница открывает одну из досок стенки-шкафа. На её обратной стороне таблица:

Цена	Количество	Стоимость
Одинаковая	4 м	24 руб.
	7 м	x

— Составьте у себя в рабочих тетрадях уравнение. А Саша это делает на доске.

Саша быстро подходит к доске и пишет на скрытой от класса стороне решение.

— Готово, Саша? Открывай ребятам свой труд! — улыбаясь, говорит учительница. На доске написано:

$24:4$ (руб.) — цена ткани

$x : 7$ (руб.) — « »

$x : 7 = 24 : 4$

$x : 7 = 6, x = 6 \times 7, x = 42.$

Ответ: 42 (руб.)

Ребята поднимают зелёные прямоугольнички.

— Молодец, Саша! И вы, ребята, молодцы! Хорошо работаете. А сейчас, чтобы никому из нас никогда не быть в Колином положении, решим ещё задачи, подобные этой. Только решаем сразу способом составления уравнения. Задачи № 359, 360, 361. Первую решаем устно. Инна, читай вслух задачу.

Инна читает, ребята читают вместе с ней по учебнику про себя. Но вот чтение закончено. Инна уверенно объясняет ребятам ход решения новой задачи. Получив зелёный свет, радостно улыбнувшись, садится.

— Тристашестидесятую кто хочет решить у доски? — спрашивает Валентина Григорьевна.

Лес рук. Названные учительницей ребята записывают решение на скрытых от класса сторонах доски. Остальные решают в рабочих тетрадях. Время от времени кто-нибудь поднимает голубую картонку. Валентина Григорьевна подходит и даёт карточку с дополнительным заданием. Но вот закончили решать задачу ученики, вызванные к доске. Молча развернув к классу обе половины доски, они тоже направляются к столу за карточкой.

— Ребята! Смотрим на доску!

Через несколько мгновений загорается зелёный. Задача решена верно.

Класс решает ещё одну задачу, примеры. Ребята работают сосредоточенно, весело.

— А сейчас минута шутки: у семи братьев по одной сестрицы. Сколько всего детей в семье? Вова Румянцев...

— Четырнадцать!

— Вова, оглянись назад, тебе все ребята дали красный.

— Андрей! Какое твое мнение?

— Восемь, — ответил Андрей и стал деловито объяснять: — В задачке сказано, что у семи братьев по одной сестрице. Другими словами, у них одна сестра на всех...

— И правда, одна же сестра у них. Для всех братьев — одна сестра! — обрадовано и звонко закричал Володя. Ребята засмеялись.

— А теперь устный счёт, приготовьте «светофор», — Валентина Григорьевна открыла крайнюю доску, на которой в четыре столбика цветным мелком написано:

$$\begin{array}{cccc} 15+28 = & 46-27 = & 15 \times 3 = & 64 \div 4 = \\ 35+29 = & 52-26 = & 7 \times 2 = & 51 \div 17 = \end{array}$$

Учительница показывает указкой на тот или иной пример, ребята отвечают. Всякий раз после ответа они включают на своём светофоре тот или иной свет. Чаще всего — зелёный.

Но вот Валентина Григорьевна опустила указку и открыла маленькую дверку стенки — шкафа. Ребята, не дожидаясь команды, взяли рабочие тетради. Щелчок, и в классе раздался записанный на плёнку голос учительницы: «Внимание! Математический диктант. Пять повторить пять раз. Девять увеличить в четыре раза. Делимое — трид-

цать два, делитель — четыре. Найти частное чисел сорок два и семь. Найти произведение чисел девять и девять. Шестьдесят три уменьшить в семь раз. Слушайте внимательно: сумму чисел двадцать семь и три увеличить в три раза. Сумму чисел двадцать семь и три увеличить на три. Разность чисел двадцать семь и двадцать три увеличить в тринадцать раз». Пока ребята писали, Валентина Григорьевна уже что-то чертила на доске. В руках у неё был учебник русского языка — она готовилась к следующему уроку. И вот с магнитной ленты зазвучали слова: «Всё, ребята. Диктант окончен. Я верю, что все вы с ним справились. Сдайте свою тетрадь дежурному по классу и идите отдыхать. Желаю вам успехов и на следующем уроке!» А потом раздалась мелодии песни А. Пахмутовой «Орлята учатся летать!»

В классе остались только дежурные для выполнения обязанностей, непрременных для каждого урока: проветривания помещения и влажной уборки.

Пока ребята занимаются хореографией, изобразительным искусством, спортом, трудом, музыкой, педагоги экспериментальных классов успевают проверить рабочие тетради каждого ученика по каждому предмету. Отметки ребята узнают после всех уроков, во время ежедневного анализа итогов дня.

NB *Подведение итогов дня — совсем не частая история в наших школах. А ведь начать день с постановки задачи на день (на день, а не на неделю, месяц, год, жизнь...), и закончить подведением итогов позволяет входить в учебу и выходить из нее с чувством выполненного долга. Для роста нужны не только доступные по сложности (зона ближайшего развития), но и, что не менее важно, обозримые по срокам выполнения дела, формирующие утвердительно основание себя в этом мире. И несмотря на загруженность педагогов, в детстве как ни в каком другом возрасте важна оценка (отметка) здесь и сейчас — немедленная обратная связь, чтобы чувство связанности дел и результатов было зримым, и в этом смысле поддающимся управлению нашему внутреннему «Я».*

Но проведение такого итогового мероприятия дня — дело огромного педагогического искусства. Культура «огоньков», завершающих день общим разговором у костра на летних коммунарских сборах, пришла от автора коммунарской методики И.П. Иванова. Задача поддержать каждого, дать чувство сопри-

частности, утвердить в своих возможностях, завершить день уходящий, настроить день предстоящий. Рефлексия в детстве не равна рефлексии во взрослой жизни. Здесь запланированные и незапланированные результаты могут являться итогом дня в равной степени. В детстве итогом дня в равной степени могут утверждаться и учебные достижения, и пережитые чувства, истории.

М.П. искал и включал в свою педагогику все, что могло помочь детям обрести крепкую почву для становления внутренней силы.

Такой анализ дисциплинирует учеников, каждый из них чувствует к себе постоянное внимание, может сравнить свои успехи с достижениями товарищей.

А вот ещё один урок — урок хореографии во II экспериментальном классе Клавдии Петровны Никиташевой. У этого необычного урока есть название «Подснежник». Прежде чем пригласить вас в большой танцевальный зал хореографической школы, несколько слов о той обстановке, в которой родился «Подснежник».

«Подснежник» занесён в Красную книгу. «Пионерская правда» объявила о проведении всесоюзной операции «Подснежник». Общее собрание педагогов и учащихся нашей школы решило активно в неё включиться. Совет школы принял постановление «О мерах по защите от уничтожения подснежников в лесах колхоза «Знамя». Были созданы дополнительные отряды зелёного патруля. Ребята составили карты скопления подснежников, взяв их под усиленную охрану. Газета юннатов «Рябинушка» один из своих номеров полностью посвятила подснежнику. Комсомольцы и старшие пионеры провели во всех классах беседы на тему «Берегите цветы», где подчёркивалось не только воспитательное значение цветов как родника человеческой души, но и их огромное значение вообще для жизни на земле. Педагоги на уроках биологии и природоведения объясняли важность для жизнеспособности луковичных растений, к которым принадлежит и подснежник, процессов, происходящих в их зелёном стебле.

И как результат этой работы родился урок «Подснежник». Главными творцами его стали балетмейстер О.Ф. Коновалова, концертмейстер, преподаватель музыкальной школы И.В. Корпенко и учитель литературы С. Борыщук.

Звучит музыка П.И. Чайковского из цикла «Времена года» — «Подснежник».

Света Никиташева с голубым бантом в светлых пушистых волосах, сама похожая на подснежник, читает:

*Сперва понемножку
Зелёную выставил ножку,
Потом потянулся
Из всех своих маленьких сил
И тихо спросил:
«Я вижу, погода тепла и ясна.
Скажите, ведь правда, что это весна?»*

— Вы, наверное, догадались, — говорит О.Ф. Коновалова, — что это стихи о первом цветке весны, о маленьком голубом подснежнике. Вот он выглядывает из-под белых островков снега, качает головой на лёгком весеннем ветерке, радуется первым лучам солнца. Вы пришли в лес и, взглянув на подснежник, застыли в изумлении...

Ребята, слушая слова учительницы, проникаясь настроением музыки, в свободной импровизации движениями рук, всего тела изображают подснежник, тянущийся к ласковому теплу весенних лучей солнца.

Ольга Фёдоровна внимательно следит за выражением лиц, за каждым движением детей. Она старается понять, что чувствуют, что переживают артисты.

— Саша! Освободи корпус. Ты ведь сейчас подснежник, лёгкий и изящный. Ты растёшь, тянешься к солнцу. Весёлый упругий ветерок колышет твой стебель...

Ольга Фёдоровна ходит между «подснежниками», стараясь помочь им импровизировать.

— Очень хорошо, Ира! Только руки — твои лепесточки — не зажимай, не прячь. Они тоже полны жизни, жажды жить...

— Подснежники! А какой воздух! Сколько в нём света, лесной свежести! Как хорошо жить! Каждая клеточка ваша, — продолжает балетмейстер, — каждая веточка деревьев, птицы, маленький только что проснувшийся муравей, сама земля — поют великую песню жизни!

Умолкает мелодия.

— Вы были великолепными подснежниками! — говорит Ольга Фёдоровна. — А теперь представьте: вы в лесу.

И снова музыка П.И. Чайковского наполняет зал.

— Делайте все что хотите! Вы в лесу. Вы частица этого леса, маленькая часть природы. Над вами те же небо и солнце. Вокруг вас подснежники. Много подснежников! Вот один у ваших ног, маленький, смотрит на вас с удивлением. А лепестки его тянутся, тянутся к вам. Какой красивый цветок! Смотрите, как трепещут лепестки, как блестят на них и брызжут солнечными искорками росинки! Вы зачарованы. Рука тянется к тонкому стеблю...

Вдруг лёгкий полёт музыки резко обрывается жёстким аккордом. Я посмотрел на концертмейстера И.В. Корпенко. Она не сопровождает урок музыкой, она творит его вместе со всеми.

— Остановитесь! — тревожно говорит О.Ф. Коновалова. — Подумайте, разве только вам подарила природа радость встречи с подснежниками? Вы сорвёте цветок, он погибнет, его удивительная жизнь больше никогда не повторится. Сберегите его, — продолжает учительница, — защитите от злых рук! Пусть всегда живёт он и восхищает землю, всех нас своей неповторимой красотой...

Пройдут годы, унесёт жизнь в невозвратное прошлое школьные дни наших учеников. Но всякий раз, когда придут в лес, они будут слышать музыку Чайковского и вспоминать свою импровизацию. И никогда уже не поднимется у тех, кто был на этом уроке, рука, чтобы сорвать подснежник, сломать ветку, разрушить муравейник. Верю, что так будет...

Коллективный поиск

Закончился год нашей экспериментальной работы. Подошёл второй. Результаты многократных проверок, наблюдения на уроках убеждали нас в том, что знания ученики получают прочные, усвоение учебного материала идёт успешно на всех уроках. Но впереди ещё третий год обучения. Всё сложнее от класса к классу становится программа, всё обширнее учебный материал. Вот почему мы попросили учёных Института гигиены школьников и подростков Минздрава СССР тщательно проверить наш режим, хотя, разрабатывая его, мы опирались на рекомендации гигиенистов, врачей. Мы с волнением ждали, что скажут учёные несмотря на то, что своими глаза-

ми видели очень высокую работоспособность ребят, их, без преувеличения, стопроцентную активность на протяжении учебного дня. В конце сентября 1976 года учёные приехали.

Проверка целесообразности режима проходила ежедневно в течение недели в двух экспериментальных классах после первого, третьего и последнего, шестого, уроков. Исследование велось методом корректурных проб.

После первого, третьего и шестого уроков ребятам раздавали листы, заполненные плотными рядами хаотично расположенных букв. Каждому, кто получил такой листок, необходимо было одну из указанных экспериментатором букв вычеркнуть, другую, также согласно его указанию, подчеркнуть. Учитывалось время — 2 минуты. Количество просмотренных букв и сделанное при этом количество ошибок и было показателем внимательности ребят, а следовательно, уровня их работоспособности те часы, когда проводилось исследование. Собранные данные учёные увезли на обработку в Москву. Нам же оставили стопку корректурных таблиц для того, чтобы мы сами могли проводить наблюдения в течение года.

Спустя месяц мы получили письменное заключение учёных о результатах проверки нашего режима: «Уровень работоспособности учащихся экспериментальных классов после последнего, шестого, урока в 2 раза выше по сравнению с уровнем работоспособности ребят того же возраста после последнего, четвёртого, сорокапятиминутного урока».

Невозможно передать чувство радости, которое мы испытали, читая это небольшое, уместившееся на одном фирменном бланке заключение, подписанное замдиректора института С.М. Громбахом. Оно сыграло огромную роль в укреплении нашей веры в победу.

В том же учебном году мы по совету учёных провели ещё два среза уровня работоспособности наших ребят в течение всего учебного дня и всей учебной недели. Один срез был сделан в ноябре 1976 года, другой — в феврале 1977-го. Результаты показали, что наивысшей точки уровень работоспособности учащихся достигает во все дни недели перед четвёртым уроком, после шестого урока понижается, но остаётся выше исходного, наблюдаемого после первого урока. Интересно отметить, что и в ноябре, и в феврале учащиеся показывали в субботу более высокую работоспособность, нежели в понедельник. Наивысший недельный уровень в различных классах был разный,

но отмечалась тенденция роста к середине недели (среда, четверг) и к концу (пятница). Таким образом, напрашивался вывод: а) учебная структура, построенная по принципу смены видов деятельности, состоящая из 30–35-минутных уроков, не только предотвращает падение уровня работоспособности учащихся в течение всего учебного дня, но даже способствует его повышению от первого урока к последнему; б) если при 45-минутных уроках наблюдается резкое понижение уровня работоспособности уже к четвёртому уроку, то при новом режиме четвёртые-шестые уроки оказываются даже более эффективными, нежели первые-третьи.

Однако мы обратили внимание на то, что уровень работоспособности в различные дни неодинаков. Что это? Недельные биоритмы? Но кривая прыгала то вверх, то вниз совершенно произвольно. Могла, например, в одном классе с понедельника к среде идти на взлёт, а в другом, наоборот, вниз. Кривая могла себе «позволить» в субботу быть значительно выше, чем во вторник, в одном классе, а в другом быть выше во вторник, нежели в субботу. Ещё до проведения корректурных проб учителя обратили внимание на то, что учащиеся могут после одного урока быть на самом высоком уровне активности и сосредоточенности, а после другого, напротив, показывают заметное снижение в продуктивности учебного труда. Причём это могло быть после любого урока. Предположения, догадки у нас, конечно, были, но все они требовали экспериментальной проверки. Так, преподаватель музыки Татьяна Георгиевна Шангереева давно уже подметила, что II экспериментальный класс чаще всего менее активен в пятницу. Но другие педагоги, работающие с этими ребятами, напротив, отмечали в пятницу на своих уроках высокую работоспособность. Виновата методика преподавания? Но во все другие дни у Татьяны Георгиевны было, как она говорила, «всё нормально». Тогда мы решили искать причину не в самом уроке, а в том, что ему предшествовало. Предшествовали ему в пятницу перемена и урок чтения. Перемена не может быть постоянной причиной, а вот чтение... И тут возникла мысль: а не в том ли причина, что на уроках чтения слух ребят нагружается больше, чем на уроках письма, математики? Если это так, то музыка в данном случае не может быть контрастным видом деятельности для чтения. Мне вспомнился опыт работы в Кизлярской музыкальной школе. Мы тогда как один из способов развития музыкального слуха использовали выразительное чтение стихотворений, отрывков из произведений художественной литера-

туры, стараясь глубже раскрыть интонационное богатство текста. Привычно воспринимаем мы, например, такие слова: «Вслушайтесь, как звучат стихи

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...»*

Ну что гадать? Я попросил К.П. Никиташеву, учительницу II класса, место чтения перед музыкой поставить в расписание на пятницу математику или письмо. Татьяне Георгиевне мы ничего не сказали.

— Ну, как сегодня прошёл урок? — спросил я её в пятницу после урока музыки во II классе.

— Сегодня вроде бы нормально, — ответила она.

До следующий пятницы было далеко, а до следующего урока музыки близко — два дня. И мы с Клавдией Петровной решили ещё раз проверить нашу догадку. Только теперь уже вместо математики, которая обычно стояла перед музыкой в понедельник, мы поставили в расписание чтение. Причём я попросил учительницу почитать с ребятами побольше стихов.

— Ну, как у вас дела сегодня? — после урока музыки во II классе спросил я Татьяну Георгиевну в понедельник.

— Вы знаете, они сегодня какие-то несобранные. Наверное, понедельник виноват.

В среду мы с Клавдией Петровной сделали ту же перестановку, что и в понедельник, но при этом решили усложнить эксперимент — поставили урок чтения до музыки и после неё. В среду Татьяна Георгиевна была опять недовольна уроком: «Что-то расстроились мои ребята», — сказала она, отвечая на моё: «Ну как?»

С таким же вопросом я собирался подойти после урока и к Клавдии Петровне. Но она сама пришла ко мне в кабинет.

— Вы знаете, невозможно! Я их такими никогда не видела. Вертятся, отвлекаются. Ну, прямо другие дети! Я не стала доводить урок до конца, отпустила их погулять.

Так мы убедились, что нельзя нам вести совершенствование учебного процесса лишь по горизонтали, то есть заниматься повышением эффективности самого урока. Надо было совершенствовать учебный процесс и по вертикали, то есть искать наилучшее

для познавательной деятельности ребят соседство предметов. Педагоги все больше учились рассматривать свой урок как звено взаимосвязанной и неразрывной цепи.

Приведу запись разговора учителей на одном из совещаний, посвящённых экспериментальной работе.

— Михаил Петрович! Давайте физкультуру поставим последним уроком в расписании. Я иной раз вынуждена заниматься тем, чем уже отвыкла: дисциплиной, — говорила, волнуясь, В.Г. Рынзина.

— Физкультуру ставить последним уроком нельзя, Валентина Григорьевна, — старался убедить её я. — Мы, наоборот, должны этот предмет ставить в начале или в середине, не в конце. Иначе будет вред и для здоровья физического, и для здоровья умственного.

— Но поймите, мне же трудно работать после урока физкультуры, — не унималась учительница.

— А это уже другое дело. Надо разобраться в причинах этого «трудно». Как у вас, Клавдия Петровна, идут занятия после физкультуры? — спросил я Никиташеву.

— У меня, наоборот, очень хорошо идут уроки после физкультуры. Мне даже странно слышать, что физкультура мешает.

— Я догадываюсь, в чём причина, — неожиданно поднялась А.Т. Алипова, которая вела уроки физкультуры в классе В.Г. Рынзиной. — Это моя вина. Знаете, всё-таки 30 минут непривычно. Для физкультуры этого времени мало. Приходится заканчивать урок очень близко к его кульминации. Поэтому ребята на следующий урок идут возбуждёнными.

— Можно мне пару слов? — спросил директор спортивной школы М.Г. Иванов.

— Да-да, конечно, говорите, Михаил Григорьевич. Ваше мнение, не только как директора спортивной школы, но и как преподавателя физкультуры в классе Клавдии Петровны, для нас очень важно.

— Александра Тихоновна права, — начал Михаил Григорьевич. — Мы не укладываемся в тридцатиминутки, если ведём урок, как мы вели его раньше, при сорокапятиминутном режиме. Я сам, когда начал работать в экспериментальном классе Клавдии Петровны, думал, что для физкультуры 30 минут недостаточно. Но решил своё мнение приберечь до тех пор, пока в этом не буду уверен окончательно. И всё больше убеждался в слабости своей позиции. Если 45 минут утомительны для умственной деятельности на уроке математики, то почему это время не может быть утомительным для

умственной деятельности на уроке физкультуры? Разве мышечно-двигательная деятельность — это не работа мозга? Значит, и для физкультуры продолжительность урока не должна превышать 30 минут. Помню, как я себя чувствовал, возвращаясь с тренировки. Приходил домой — и спать. После тренировки было не до занятий с книгой. Мой мозг находился в вялом, полусонном состоянии. В общем, вышло так, что стал я думать не над тем, как доказать, что нельзя провести хороший урок физкультуры за 30 минут, а над тем, как провести хороший урок за 30 минут. У меня сейчас не всё ещё получается, как хотелось бы, но всё же укладываюсь в короткий урок. Я вчера был на уроке Валентины Григорьевны. Видел оборудование её кабинета, видел, как это оборудование позволяет ей не тратить ни одной минуты впустую. У неё все работают весь урок. А что получается на уроке физкультуры? Я решил проверить, сколько один ученик на уроке физкультуры занимается «чистым» движением. Был на уроках не только в нашей школе. Знал, что много времени у нас расходуется нерационально, но получить такой результат, какой я получил! На каждого ученика старших классов в среднем вышло всего лишь по 12–18 минут. Это из 45! Остальное время у ребят уходит на ожидание своей очереди у того или иного снаряда. Представляете, какой пласт времени не используется? Физкультура — урок движения. А мы его превратили в урок зсмотра: два-три ученика выполняют упражнения, а остальные сидят или стоят и наблюдают. Болельщиков растим! Поэтому мы свои залы должны так оборудовать, чтобы весь урок каждый ученик двигался, а не «болел» на лавке. И этим мы займёмся летом. В общем, хватит 30 минут, если все минуты отдать движению, если перестроить по-новому саму организацию урока, методику его проведения.

Михаил Григорьевич сказал больше, чем «пару слов», но его никто не прерывал, потому что говорил он для всех важное, о том, сколько у нас ещё скрыто возможностей для совершенствования. Мы начинали понимать, что первые годы эксперимента — это ещё не та школа, о которой мечтаем, а её предварительная репетиция.

Скоро М.Г. Иванов стал активно пропагандировать использование музыки на уроках физкультуры как одно из отличных средств «настройки» организма на мышечно-двигательную деятельность и не менее эффективное средство «вывода» учеников из эмоционального возбуждения. Музыка — это тренер, который уже в раздевалке начинает работать с ребятами, подготавливая их к первой минуте

урока. Движение — это жизнь, это радость! Об этом и «говорит» музыка. Урок ребята начинают с «включенной» в двигательную активность нервной системой. После урока они некоторое время ещё продолжают пребывать в состоянии нервного возбуждения. И опять здесь незаменима музыка — спокойная, тихая.

Так постоянно шёл непрекращающийся коллективный поиск путей совершенствования учительского труда, а значит, и труда учеников. Многие давно известные истины как бы заново открывались, становясь личным убеждением. Разве мы не знали, например, что эффективность умственного труда зависит от бодрого, оптимистического настроения?

НВ «Разве мы не знали...» — знаковая фраза. Про многое мы знаем, про многое мы догадываемся в школах, но ничего с этим не делаем. Радикальные решения не в чести. Каждый учитель в школе сам за себя, за свой предмет. Да и нет какого-то идейного стержня, который бы позволил выстраивать разный опыт в ряд сопряженных действий, который открыл бы нам путь к правильным педагогическим решениям. В основе такого идейного стержня педагогики М.П. — педагогическая вера в возможности детей и переходящая в действие мечта построить такую школу, которая бы раскрывала, развивала возможности каждого ученика.

Знали. Но это известное по-настоящему открыли только тогда, когда убедились, как нервозность, взвинченность учителя на своём уроке мешала работать другим учителям. Взаимоотношения между учителем и учителем, учителем и учеником, учеником и учеником стали для нас предметом особого внимания. Директор спортивной школы говорил о том, что урок физкультуры начинается до урока. Это верно не только для физкультуры. По дороге в школу подружки повздорили, кто-то сказал кому-то обидное слово, всего лишь одно слово, а на уроке неточность в ответе, невнимательность, ошибки. На перемене сутолока, суматоха, вопли — на уроке разболтанность, «пустые» глаза, непонятное объяснение, а значит, завтра беда незнания...

Совершенствование учебного процесса в экспериментальных классах не только по горизонтали, но и по вертикали давало нам возможность умом и сердцем понять: в сложнейшем организме школы нет мелочей, слаженность работы коллектива зависит от каждого из нас.

Кто вы, IV «Б»?

Стою в просторном спортзале. Волнуюсь. Гулко стучит сердце: проиграют, про-и-гра-ют. Дробные удары мяча, беспокойный топот быстрых ног, частое дыхание, короткие пронзительные свистки судьи: идёт матч по баскетболу. Играют девчонки из IV «Б» нашей школы. Соперник серьёзный: их ровесницы из областной ДЮСШ олимпийского резерва.

Первый тайм близится к концу. IV «Б» проигрывает со счётом 8:0. Команда соперниц — рослые, специально для баскетбола отобранные из различных школ Белгорода девочки. А у нас даже не сборная школы, у нас — все желающие из одного IV «Б».

— Не волнуйтесь! Мы приехали сюда поучиться, и не беда, если проиграем. Проиграть такому сопернику почётно, — нарочито бодро говорит наш тренер Михаил Григорьевич Иванов, неизвестно кого больше успокаивая: толи команду, толи себя.

Да, уйти бы только от разгромного поражения... Но что это? Наши девочки явно прибавили в скорости. Их стремительные проходы по площадке между рослыми соперницами, неожиданные, кажется, нелогичные передачи мяча обескуражили хозяек зала. Все чаще и чаще броски по кольцу белгородок. И наконец — мяч в кольце противника!

— Ура-а! — не помня себя от радости, кричу вместе со всеми болельщиками из Ясных Зорь.

Счёт становится 8:2. Разрыв, конечно, большой. Конечно, нашим теперь уже не догнать соперниц. Сейчас не это главное. Здорово уже то, что сухого счёта не будет! Наши тоже могут забрасывать мячи! Но, видно, девочки IV «Б» думали иначе. Всё сильнее возрастает темп игры. Наши явно быстрее на площадке. Мяч почти всё время в руках яснозоренской команды. Белгородки теперь только защищаются, стараясь любой ценой не пропустить наших к своему кольцу. Но и это не помогает. Счёт становится 4:8, затем 6:8... 8:8. Матч закончился. Со счётом 12:10 победил IV «Б».

А через две недели — новая встреча с той же командой (основательно подготовившейся, с обновлённым составом: обидно ведь проигрывать какой-то сельской школе). И опять — победа. 12:9 в нашу пользу!

Какая была радость! Какие счастливые лица у победителей! Подходит тренер команды областной спортивной школы, поздравляет с победой. Вижу его глаза, очень знакомые. Где я их видел? Вспомнил!

Это не глаза знакомые — знакомое недоумение: «Не может быть...» Тоже «не может быть», что и у завотделом Кизлярской музыкальной школы, с которым он воспринял победу «бездарных» на конкурсе «Белая акация».

— Так получилось, — развёл руками наш тренер, будто оправдываясь за победу в этом матче.

И вдруг я поймал себя на том, что у меня самого точно такое же состояние, как и у Иванова: радость и... недоумение. Да-да, мы тоже недоумевали. И в наших глазах притаилось где-то на донышке: «Не может быть...»

Обе эти игры я смотрел на девочек IV «Б» больше с изумлением, нежели с восторгом.

«Откуда это у вас?» — думал я.

...Четыре года назад пошли вы в I класс. Первый раз вместе с вами шагнула в новую школу и ваша Клавдия Петровна. У вас не было звонков, потому что ваши уроки не совпадали по времени с уроками в других классах. Шесть тридцати-тридцатипятиминуток: математика, музыка, чтение, спортигры, письмо, труд — или: математика, хореография, чтение, изобразительное искусство, письмо, труд. Каждый урок — отдых от предыдущего и «подзарядка» на последующий, каждую минуту, на каждом уроке в активной работе. Каждый день навстречу гармонии духа и тела, чувства и мысли. Каждый день навстречу природе, навстречу себе, навстречу детству...

Кто вы, IV «Б»?

Нет-нет, я не собираюсь делать выводы о вас. Я только размышляю... Да и какой может быть вывод о тех, у кого всё ещё впереди?

В III классе в последний день учёбы, перед летом, я спросил у вас: «Когда вы хотите начать новый учебный год: скоро или попозже?» Вы хором, будто сговорившись, без всяких раздумий выдохнули громкое «Скоро!», а кто-то тут же уточнил: «Завтра!»

В этом не было ничего неожиданного, потому что редкое воскресенье я не видел вас в школе. Вы приходили «просто так».

— Можно мы поиграем немного? — спрашивали вы, зная, что будет «можно».

Вам хорошо в школе. В ней все ваше: и крупные белые ромашки на светло-зелёном полу, и оранжевые рябины на голубом, старательно выписанные руками ваших старших товарищей, вами, и цеха мягкой игрушки, художественной керамики, чеканки, резьбы по дереву,

и клубы юных натуралистов и техников, и спортивная, музыкальная, хореографическая школы...

А уроки? Сколько раз спрашивал у вас: «Какой был сегодня самый интересный урок?» Вы отвечали: «Математика... спорт, а ещё литература... а ещё хореография...» Вы перечисляли обычно почти все уроки...

А знания? Этот вопрос волновал нас на протяжении всех лет вашей учёбы. От этого зависела ваша судьба и наша судьба. Зачем я сказал «и» — просто наша судьба. Можно ли разрывать неразрывное?..

А знания у вас хорошие. Об этом говорят ваши учителя, об этом говорят многочисленные наши «местные» контрольные, об этом говорят контрольные облоно, контрольные пединститута и института усовершенствования учителей. Особенно заметны ваши успехи по математике. Так, февральские 1978 года проверочные работы, проведённые учёными Белгородского пединститута, 95 % из вас выполнили на «4» и «5» ...

Кто вы, IV «Б»?

— Это класс математиков, — говорит ваша учительница математики В.Г. Казанкова.

«По скорости вычислительных операций и качеству их выполнения экспериментальная группа учащихся Яснозоренской школы значительно превосходит учащихся того же класса двух других контрольных школ...» — к такому заключению пришли учёные кафедры педагогики и психологии Белгородского пединститута, наблюдавшие за вами в течение полутора лет.

Значит, вы математики?

— Этот класс — самый спортивный. Ребята IV «Б» быстрее других усваивают движения, у них очень быстрое игровое мышление, — утверждает тренер, директор спортивной школы М.Г. Иванов.

«Анализ антропометрических показателей убедительно свидетельствует о превосходстве яснозоренских учащихся, как мальчиков, так и девочек, почти по всем показателям физического развития», — подтверждают учёные Белгородского пединститута, только теперь уже кафедра физвоспитания.

Вы спортсмены?

— IV «Б» — музыкальный класс. Неоднократный лауреат районных смотров художественной самодеятельности, хор «Капельки» главным образом ребята из IV «Б», — доказывает директор музыкальной школы В.В. Милешин.

— Почти весь IV «Б» — артисты танцевального ансамбля. Это ребята с хорошими хореографическими данными, — говорит балетмейстер Г.В. Зинченко.

— Трудолюбивые, хваткие. У большинства хорошие, умелые руки, — это уже преподаватель труда А.С. Болотов.

У кого бы из учителей я не спрашивал о вас, все отмечали ваши успехи именно по своему предмету. И ваш классный руководитель преподаватель литературы В.И. Тверитинова не составила исключения. Подчёркивая вашу «явную склонность к литературе», она принесла вещественные доказательства — сочинения.

«В тихий воскресный день шёл изящный прозрачный дождик. Я играла на пианино. Музыка была весёлая, яркая... На улице появились лужи. Лужи были тёмные, они важничали и говорили друг с другом... После дождя была радуга... Лужи сверкали на солнце, травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...»

«...Ко мне подбежала собака Пальма, мы её взяли ещё неуклюжим, словно колобок, щенком, а теперь она большая, пушистая. На дворе шёл мелкий дождик, он падал, словно парашютисты с самолёта... На ветке яблони чирикали воробушки, словно играл барабан, это у них хорошо получалось. Я посидела на лавочке и пошла домой, но вдруг выскочила Пальма, разгоняя всех кур в стороны. Как будто снаряды, летели куры в стороны!»

«... Я пошла наблюдать за дождём. Мелкие капельки плясали у меня на ладони. Я покормила воробушков. Воробьи с радостью клевали крошки хлеба. Они так чётко стучали клювиками по кормушкам, у них даже в ритм получалось. Скоро стало темнеть. Я принялась читать книгу «Три толстяка» Юрия Олеши. Она перенесла меня в сказочный мир. Как там было красиво! Почему-то тёмных красок не было. Но тут ко мне подошла младшая сестра Наташа и спросила:

— Что ты делаешь?

— Я была в сказочном мире! — ответила я.

Она ничего не поняла и ушла».

Авторы сочинений Галя, Ира, Алла — те же девчонки, которые с таким блеском выиграли встречу с командой спортшколы. Всего три сочинения из стопки тетрадей IV «Б». Листаю страницы и вижу, слышу, как в простой рассказ ребят о воскресном дне вплетаются уроки музыки, живописи, хореографии, рождая неожиданные, но такие ёмкие и точные ассоциации, образы.

Танец мелких капель на ладони... Чёткий барабанный стук воробьиных клювов по кормушке (и мимоходом — похвала, как на уроке: «У них даже в ритм получалось»). Музыка весёлая, яркая. И озорная, упруго-динамичная фраза: «Как будто снаряды, летели куры в стороны!»

Три рассказа — удивления жизни трёх философов, трёх поэтов.

В каждом пристальное внимание к миру, стремление разобраться в его явлениях, дать им оценку. Сочинения дышат радостным мироощущением: «... травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...», «Я покормила воробушков. Воробьи с радостью клевали крошки хлеба».

Читая эти маленькие, короткие зарисовки, чувствуешь, как тесно авторам в словах, как мало им одних только слов, чтобы выразить всю многомерность, многоплановость мировосприятия, чтобы реализовать способность охватить эту многомерность сразу и целиком.

Разве не отсюда торопливость рассказа-наброска, словно рассказчик не успевает за своим неуёмным воображением:

«... шёл изящный прозрачный дождик... появились лужи. Лужи... тёмные, они важничали и говорили друг с другом... была радуга. Лужи сверкали на солнце, травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...»

Таже динамика, тот же рассказ взахлёб ощущается и в других сочинениях.

Не в этой ли способности схватывать, сразу, целиком десятки действий быстрота математического мышления IV «Б»? Не в этой ли многоплановости, многомерности видения мира секрет вообще всех успехов ребят?

Не будем спешить с выводами. Впереди — продолжение поиска.

Кто вы, IV «Б»?

На этот вопрос нам ещё предстоит ответить. Сейчас, пожалуй, можно сказать лишь то, что вы, IV «Б», просто более обычные дети, чем многие из ваших сверстников.

В этом и есть ваша сила.

Если бы у меня спросили: «Есть ли первокирпичик, причина причин, энергоисточник развития личности?», я бы ответил: «Есть! Это чувство собственного достоинства, своей значимости среди людей». Оно не позволяет человеку думать: «Я слабый», а заставляет искать

себя, те отличительные качества в себе, реализация которых даст ему право сказать: «Я сильный!» Этот поиск становится или источником расцвета личности, или причиной её деградации. С первых дней появления на свет человек хочет, чтобы его понимали, ценили, радовались успехам и огорчались неудачам. Он стремится к самоутверждению. Это естественное свойство.

Чувство собственного достоинства — энергоисточник развития личности, а двигателем развития можно было бы назвать успех в той или иной деятельности.

NB Медленно снова и снова перечитайте эту главку. Вам откроется, насколько гармонично с полным погружением в реальность держит свою мысль М.П. Он не обходит возникающие в ходе поисков препятствия, не ломится через них, оставляя безответные вопросы на потом, а воспринимает их как указание «ищи здесь», находит в них опору для дальнейшего движения мысли. Мысль и опыт, опыт и мысль, помноженные на высокие ценности дают результат, со стороны кажущийся чудом, но объяснимый изнутри руками добытого опыта, изнутри пониманий М.П. и его команды. Поэтому на вопрос — кто же эти дети, которые могут всё? — М.П. отвечает: Обычные дети! «Просто более обычные, чем многие из сверстников». Имеется в виду «более нормальные», более реализованные — такие, каким стал бы каждый воспитанник в полноценных педагогических обстоятельствах. Чувство собственного достоинства — энергоисточник развития личности для каждого — для любого ребенка. Нужна соответствующая школа. Такую школу и строил всю жизнь М.П.

Человека ценят по делам. Успех, пусть самый малый, в конкретном деле и есть шаг к самоутверждению. Если успех пришёл в деле, нужном людям, в свершении доброго для них, начало утверждения «я» есть начало расцвета личности. Но если по каким-то причинам человек не добился успехов в социально полезном деле, он, внутренне протестуя против своей слабости, а заодно и против тех, кто явился свидетелем его неудачи, нередко ищет способ утвердить себя в антисоциальных поступках. Иными словами, характер, воля, талант — все физические и духовные силы человека развёртываются, укрепляются и растут в процессе деятельности. Определяющее зна-

чение при этом имеет любимое дело, к которому «лежит душа», в котором «я» раскрывается и утверждается наиболее успешно. Поэтому первоочередная задача школы наряду с обучением основам наук — предоставить каждому ученику возможность иметь любимое дело. От её решения зависит способность школы воспитывать. Именно об этом говорится и в документах о школьной реформе.

Следовательно, совершенствование школы — на путях значительного расширения условий для самоутверждения каждого учащегося, реализации его возможностей.

Мы начинали свою работу в нелёгких условиях. В первый год мне пришлось завести объёмистую чёрную тетрадь с мрачным, как её цвет, названием: «Наши трудные...» В неё я заносил фамилии тех, кто успел «отличиться» в воровстве, хулиганстве, склонности к употреблению спиртного. Восемнадцать наиболее «выдающихся» из них сохранили на учёте в детской комнате милиции... Это было в 1975 году. А в 1977 необходимость в чёрной тетради отпала, поредел, а вскоре и вовсе исчез за ненадобностью список ребят в детской комнате милиции. Ушли в прошлое «петушиные бои», игры в «джунгли». Заметно потеплели отношения в школе. Не случайно возникло предложение, одобренное всеми, — вместо обычного «здравствуйте» говорить: «Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!»

— «Здравствуйте» сказал один раз при встрече, и все, — объяснила Света Григорова, ученица X класса, — а потом проходишь мимо человека молча. Не по себе как-то становится. А так можно три раза в день пожелать ему доброе...

Желание добра, доброжелательность всё больше становились стилем отношений в коллективе.

Школа-комплекс открыла для ребят множество путей к самоутверждению в добрых делах, направив их энергию поиска себя в русло подлинного расцвета личности. Даже там, где идея нашла своё частичное воплощение и слово «комплекс» пока означает лишь союз общеобразовательной школы с другими учебно-воспитательными учреждениями, отмечается повышение эффективности воспитательного процесса в целом. Так, директор Бессоновской школы писала: «Школа-комплекс является школой, способной формировать человека более развитого... человека, живущего богатой, содержательной духовной жизнью...»

Меня иногда спрашивают: «Не приведёт ли стремление школы создать условия для укрепления «я» в каждом учащемся к выращи-

ванию себялюбцев, индивидуалистов? А как же с воспитанием коллективизма?»

Такая опасность скорее возможна там, где сужено поле деятельности для расцвета дарований и способностей. Это приводит к тому, что кто-то добился на данном узком поле успеха, а кто-то нет. Чьё-то «я», следовательно, крепнет, а чьё-то, напротив, слабеет, чахнет... У одного сумма достижений в школе складывается из слагаемых: неудачи + неудачи плюс + неудачи... У другого: успех + успех + успех...

Какой контраст! Будет ли удивительным, если у первого опустятся руки, уйдёт вера «я могу» возникнет отчуждение? Не трудно представить его отношение к миру и людям.

А второй? Будет ли удивительным, если от постоянных успехов, тем более на фоне неудач другого, у него сформируется чувство своей исключительности?

Кстати, себялюбие и индивидуализм могут вырасти и на той, и на другой почве. У первого как инстинкт самосохранения, как самозащита от постоянных разоблачений в слабости. У второго как следствие ощущения своей элитарности: «Я один такой! Я — в центре! Всё для меня!» Не это ли ведёт к разобщению коллектива, к нагнетанию противоречий в нём?

Настоящий коллектив даёт возможность каждому ребёнку состояться, почувствовать себя сильным, неущемлённым, неприниженным. Если ученик на математике не добился успеха, он добьётся его на занятиях техническим творчеством, или на уроке хореографии, или в цехе мягкой игрушки, или на борцовском ковре, или в клубе юных натуралистов и т.д. Где-то его обязательно встретит победа, и он скажет себе: «Я могу. Я не хуже. Я не должен быть и не буду отстающим». Успех в одном даёт силы идти к победе в любом деле.

Ученик, включённый в разностороннюю деятельность, проходит через цепь поражений и удач, а не только через одни победы или поражения. Жизнь его в школе — сумма, состоящая из побед и поражений. Она воспитывает в ребёнке бойцовский характер, волю, оптимизм, стремление преодолевать трудности. Познавая успехи и поражения, он становится чутким к успехам и неудачам товарищей. В нём крепнет основа доброго, ценнейшее качество коллективиста — сопереживание, способность прийти на помощь.

Школьный возраст, пожалуй, решающий период становления личности, самосознания. Всегда ли школа может помочь своему уче-

нику найти себя, ответить на мучающий его вопрос: «Кто я, каков я?». Нередко, «воспитывая» ученика десять лет, она имеет о нём скудные, поверхностные представления. Отсюда печально известная шаблонность школьных характеристик. В них отмечаются уровень успеваемости, дисциплина на уроках и переменах, участие в общественной жизни. А в чём сильные и слабые стороны характера выпускника, каковы его интересы, отношение к людям, нравственное кредо — всё то, что входит в понятие «человек», опускается.

В многогранной школе неизмеримо более полно раскроется «я» каждого ученика, со всей суммой специфических, присущих только ему особенностей. Наш опыт показал, что даже первые шаги к такой школе расширили и углубили педагогическое видение. У нас больше возможностей узнать ребят и, следовательно, влиять на их воспитание и развитие.

Учение не должно быть насилием над природой, не должен быть горьким корнем учения.

Учение — это развитие, раскрытие, совершенствование природы.

— Ты хочешь быть сильным?

— Да...

— Ты хочешь быть красивым?

— Да. Я хочу быть человеком...

— У тебя есть все возможности осуществить себя. Ты и я — мы соавторы в работе над тобой и надо мной, над нашим совершенствованием.

Таким слышится мне диалог между школой и её учеником...

Глаза моей совести

Машина, взвизгнув тормозами, остановилась у переезда. Шлагбаум преградил нам дорогу.

Через минуту, другую, тупо отбивая «та-та-та», потянулся поезд. Мелькали лица пассажиров, окна вагонов, стёртые движением несущей их силы.

Я улыбнулся.

— Ты это о чем? — спросил сидевший за рулём отец, видимо наблюдавший за мной в зеркало.

— О поезде.

— Что поезд? Не понял.

— Я подумал о пассажирах. На конечной станции они скажут: «Мы приехали». Хотя точнее было бы сказать: «Нас привезли». В поезде, рельсах есть что-то от авторитарности. А в пассажирах...

— Ты бы лучше о книге думал, — вздохнул отец.

В его взгляде непостижимо сложное: из тоски и надежды, из тревоги и нежности.

И я невольно подумал, что он и мама — главные соавторы этой книги. За каждой моей мыслью — их мысли, их вера, их седины и тысячи недоспанных ночей. Не всегда согласные со мной, на свой лад понимая «что есть правда», они имели мужество уступать...

Поднялся шлагбаум. Машина, легко набрав скорость, понесла нас дальше. За окнами, стремительно обтекаемая с двух сторон ленту асфальта, надвигались зелёные шеренги деревьев. Кое-где в их верхушках и в густом кустарнике проступали оранжевые блики осени, будто солнечный Сарьян небрежной рукой разбрызгал свой любимый цвет в сочной зелени лета.

Скоро вспыхнет разноцветьем прощального костра осень. И не раз ещё, поражённое щедростью красок, займётся в тоске об уходящей жизни сердце. И заново осмыслишь наставление древних: жизнь — река, в неё не войдёшь дважды. Нырнёшь в одну часть её потока, а вынырнешь из другой. Удивительно красивая по лаконизму и глубине мысль. Её с особой силой осознаёшь в школе...

Сегодня уезжаю в Москву. Впервые покидаю школу надолго. Покидаю ради работы над книгой. Пришла пора остаться наедине с листом бумаги, доверить ему сомнения преодолённые и непреодоленные — чтобы нам самим и идущим за нами не повторять тех же ошибок...

Вчера и позавчера проводил последние встречи, беседы, давал необходимые, по моему мнению, советы, выслушивал напутствия. Чувствуя мою тревогу, и учителя, и ребята ободрающе смотрели в глаза и говорили: «Да не беспокойтесь! Что мы в ползунках что ли? Управимся». И я подавлял в себе грусть от сознания того, что уезжаю из одной школы, а приеду в другую. Нет, не хуже, чем эта, но в другую. Поток событий школьной жизни пройдёт мимо меня. Не почувствую его — и отстану. Человек, как и всё живое, — в неустанном изменении. Скажешь «до свидания» одному, а «здравствуйте» — уже другому. Ничто не стоит на месте. А встреча предстоит через год! Что изменится за это время в школе? Какими станут учителя, а главное — ребята? Поймём ли мы друг друга?

Утро было торжественным и чистым, будто кто-то большой и аккуратный тщательно умыл небо и землю перед началом дня. Трава на стадионе, где мы делали зарядку, была густо забрызгана прозрачными капельками росы, стреляющими в нас тоненькими лучиками света. Прохлада обжигала босые ноги. Тело радовалось этим бодрящим ожогам, движению, жадно впитывало лучистость зари.

Впереди всех бежали наши старшекласники: Федя Кораблёв, Саша Беляев, Олег Сапельняк, Вася Дубенко, Ира и Наташа Гончаровы, Таня Семернина, Света Шептун, Оксана Матченко, Олег Малов, Света Никиташева, Кучеренко Валя, Щетинина Галя — наша педагогическая смена. За ними в одной цепочке, которая, подчиняясь воле все время меняющегося ведущего, делала замысловатые зигзаги, — учителя. Когда мы развернулись навстречу заре и стройные тела впереди бегущих погрузились в клубящееся золото восхода, я подумал: «Вот так бы всегда вместе, мы и ученики, ученики и мы, — навстречу заре. Вот оно — завершение книги!» И тут же — другая мысль: «Это не конец, а начало. Конец должен быть фразой, оборванной на полуслове. Точка многозначнее самоуверенного восклицательного. За ней всегда продолжение...»

Утром, пока отец готовил машину, чтобы везти меня на вокзал, я пришёл в школу. Стараясь запомнить мельчайшие подробности, жадно всматриваюсь в лица, вслушиваюсь в интонации, слова. Душа кричит: «Не уезжай!» А я убеждаю её: «Надо. Ради того, чтобы в вёселом и счастливом калейдоскопе улыбок, доброго свечения глаз дышало школьное детство. Надо ради того, чтобы долго жила наша Зыбковская школа...»

Вот идёт высокий, слегка сутулящийся девятиклассник Акулов Олег. Вчера у нас с ним был трудный день. Сорвался парень, крепко сорвался. Что услышав его в коротком «здравствуйте» — начало восхождения, преодоления или?..

— Здравствуйте! — В хрипловатом голосе доброжелательность, вроде бы — начало. И смотрит открыто. «Да, я хочу начать. Но кому это надо?» — вспомнилась с горечью оброненная им фраза...

— Здравствуйте! — отвечаю ему и мысленно: «Вы очень нужны нам, Олег!»

И тут же получаю колющее: «Воспитуете?»

— Нет, неверно. Ну зачем вы так?

— Не обижайтесь. Вы же понимаете, трудно сразу.

— Понимаю...

Эти мгновения общения ему необходимы не меньше, чем мне. Тон делает музыку, первая встреча — день.

А вот ещё одно «Здравствуйте» ... Это шестиклассница Валя Бойко. В её интонации ясно звучит: «Я рада видеть вас, готова к событиям нового дня, не подведу, не волнуйтесь».

В ответное «здравствуйте» вкладываю тоже чувство доверия и оптимизма: «Всё будет хорошо. Успеха вам, Валя!»

Идут в школу ребята, и я вглядываюсь в их глаза, глаза нашей совести. Вот снова мой ученик смотрит на меня требовательно и строго...

«Ты спрашиваешь, что я узнал о тебе? Немного больше, чем знал прежде. Прости, что так медленно и так трудно познаю тебя. Прости. Когда я говорю: «Ты Вселенная», это не игра в слова и не тяга к броским сравнениям. Постигание вселенной и есть постижение тебя. Изречение древних: «Познай себя — и ты познаешь всё» — справедливо, как справедливо обратное: «Познай всё — и ты познаешь себя». Познать тебя — значит объять необъятное.

NB «Познать тебя — значит объять необъятное» — говорит учитель ученику. Сколько же педагогического бесстрашия, сколько учительской смелости в том, что мы вычитываем годы спустя в книге М.П.! Невероятная история XXI века, написанная в XX-м.

Мы с тобой часть природы, и в нас, как в капле — море, отражается вся её сложность. В космическую эру мы уже не можем строить педагогику только на изучении отношений: человек — человеку. В среду обитания решительно вошла Вселенная. Педагогика стоит у истоков грандиозных изменений в осмыслении её сущности, её роли в продвижении человечества на пути к Великому прогрессу, в обеспечении самой возможности Быть... Ещё робки наши шаги к тебе, но не смотри с укором, смотри с надеждой. Ты — Человек, и звучание твоё во Вселенной будет всё мощнее, торжественнее и радостнее. Ты — Человек...»

Единодушие

Прошло пять лет...

Пять лет я не писал... Не писал ни статей, ни очерков, а мысли о книге отложил в сторону, как мне казалось, надолго. Отчёты в академию, сухие справки, доклады на коллегию министерства, короткие наброски-наблюдения — вот круг моих письменных забот в эти годы. Книгу не писал потому, что мне казалось: писать её ещё рано. По той же причине отложил диссертацию на «потом». Утром я спешил в школу. Торопил думать и себя, и всех, кто учил, и кто учился. Мы искали и пробовали. А проблемы росли и росли. И вернулась мысль о книге. О книге, в которой расскажу о нашем участии в общенародном поиске оптимальной системы воспитания и обучения человека-труженика, человека талантливого, красивого духовно и физически, верного своему долгу перед Родиной.

Все, что написано, дорого пережитым, и каждая строчка как маленький кусочек сердца... Думаю, что для читателя небезынтересно проследить процесс развития идеи, пройти вместе с её автором трудный путь реализации мечты о школе, где бы легко и свободно расцветало Великое Детство, где ученик и учитель были бы сотоварищами, единомышленниками и в каждом ребёнке закономерно из класса в класс росла здоровая, яркая, самобытная и непременно талантливая личность...

— Вы Щетинин?

— Да...

— Михаил Петрович?

— Да.

— Моя фамилия Лебедин, зовут меня Николай Петрович. Я из Кировограда. У меня к вам очень важное дело... Когда вы свободны? — с этого телефонного разговора по-деловому и немного загадочно вошла в мою жизнь Кировоградчина.

Приехал туда в мае 1980 года. Первым районом, с которым меня познакомили хозяева, оказался Онуфриевский, где долгие годы в селе Павлыш работал Василий Александрович Сухомлинский. Район небольшой, сельский, вряд ли кто знал о нём, если бы не всемирная слава Павлыша. Чтобы почувствовать неброскую природную красоту здешних мест, надо уйти от шумных лент асфальта. И тогда откроются одна за другой жемчужины этого края: то луговина с прелестной небрежностью рассыпанных цветов, то таинственность лесного

озера, где так и хочется послушать невероятную историю, то вдруг взметнувшаяся в синь круча с золотой короной хлеба.

Земля эта обильно полита людской кровью. Могилы, обелиски, монументы...

Село, куда поехали в очередной раз, было Зыбково. Школа в окружении стройных, зелёных тополей, двухэтажным оранжевым прямоугольником впечаталась в ровную, под линейку улицу её имени, от которой к крыльцу своеобразным заливом отходила крохотная площадь.

Зашли в вестибюль. Дохнуло прохладой только что вымытого пола. Тишина. Но вот звонкий пунктир каблучков уверенно раздробил её на дольки. Навстречу шла небольшого роста черноволосая женщина.

— Тюрина Надежда Суреновна, директор школы, — представилась она. — Мы вас ждём. Можете побеседовать с учителями.

— И дети в школе? — спросил я

— Да, — ответила директор и добавила: — Восьмиклассники...

— Вы не могли бы их собрать?

— А сколько времени займёт беседа?

— Думаю, минут сорок...

— Значит, минут сорок — час, — повторила она, словно колеблясь, — ну что ж, хорошо. Подождёте в кабинете, пока я соберу ребят?

— Нет-нет, не беспокойтесь, мы пока посмотрим школу.

— Михаил Петрович! Ребята ждут, — вскоре позвала Надежда Суреновна.

— Вы знаете, о чём буду говорить? — спросил я её.

— Да. Читали ваши статьи «Колокола детства» в «Комсомольской правде» ... «Школа будущего рождается сегодня» в «Новом мире». Даже на педсовете их обсуждали. Только не для массовой школы то, о чём вы пишете. В жизни всё сложнее. С детьми, у которых всё нормально в семье, у кого есть определённые задатки, что же не экспериментировать...

— А если у вас провести эксперимент?..

— У нас?! Здесь?! Это невозможно! — вырвалось у Тюриной.

— Ну вот вы и пасуете...

— Я?! — Надежда Суреновна взметнула свои тяжёлые чёрные брови. — Рискуете вы. У меня подруга работает в экспериментальной школе. Она рассказывала, каких туда учителей подбирают. У нас не город, в соседнюю школу учителя не переведёшь.

— А если со всеми теми, кто здесь?

— Чтобы дискредитировать вашу идею?

— Есть такое желание?

— Ну зачем вы так, — Надежда Суменовна вздохнула: — Силёнок у нас нет. Да и контингент детей... Нет-нет, дети у нас как дети, даже послушнее, чем в городе. Но общее развитие их значительно слабее. Вот поговорите с ними, и сами убедитесь. Я их предупредила. Мне зайти или вы сами?

— Сам, — и я открыл дверь с надписью: «8-й класс».

Вот оно, тревожное мгновение, предшествующее первым словам. Молчаливая перестрелка вопросов-мыслей, длящая доли секунды.

— Кто вы? С чем пришли? Что там у вас в душе?

— А вы о чём только что думали? Как с вами говорить? Поймём ли мы друг друга?

Наконец говорю:

— Здравствуйте! Прошу всех сесть. Простите, что отниму у вас время. Мы сможем побеседовать минут сорок?

Наступило неловкое молчание. Где-то скрипнул стул, и опять тишина. Все смотрят в парты. Нет-нет да и стрельнёт молнией чей-нибудь взгляд в мою сторону и спрячется под ресницами.

А мне так необходим откровенный разговор. Я настроен на работу, верю в успех. Но что моя вера?! Я ничего не смогу сделать, если мы не станем единомышленниками. Просто предложить свой вариант будущей школы, как бы он ни был хорош, бесполезно. В этом случае вам достанется роль статистов. Но она ни у кого энтузиазма не вызовет. А без энтузиазма нет инициативы.

Нужно сделать так, чтобы мы вместе стали борцами за новую школу, представили, какой она может быть, и поверили в возможность осуществить мечту. Тогда...О, что будет тогда, я уже хорошо знал по Ясном Зорям. И те же Ясные Зори подсказали, что сначала надо идти к детям.

Я лихорадочно искал выход. «Ну, думай же, думай! — подстёгивал себя. — Ты для них незнакомый человек. Незнакомый. Опыт общения с их сверстниками, для которых был учителем, не в счёт. Там ты заходил в класс не для начала, для продолжения разговора, давно перешагнувшего берега урока, в каждом твоём слове были миры совместно прожитого, им понятные. А здесь на шкале отношений ноль. Единственное спасение — подчеркнуть, что ты гость, а они хозяева. Им и решать, принять меня или нет. Может быть, придётся извиниться и уйти».

— Да вы говорите! Мы слушаем! — выручила меня сидевшая за первым столом от окна светловолосая девушка. — Просто мы... стесняемся, — улыбнулась она.

Я с благодарностью посмотрел на неё и спросил:

— Как вас зовут?

— Лена... Лена Брежатова.

— А вас?

— Ой, ребята извините! Я ведь даже не назвал себя. Михаил Петрович Щетинин, старший научный сотрудник НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, — сказал излишне длинно и как-то уж очень официально.

— Вы из Москвы? — спросил художавый парень, и, не дожидаясь ответа, представился: — А я Кораблёв... Васька, — добавил он, затем быстро привстал и как-то по-птичьему поклонился.

Класс дружно засмеялся.

— Да, Вася, из Москвы, — радуясь потеплевшей обстановке, ответил я и уже для всего класса сказал:

— Сейчас многие учёные разрабатывают модель школы будущего. Какой она должна быть? Хотелось бы знать и ваше мнение. Очень, ребята, важно посоветоваться с вами.

— Прямо с нами?! — хмыкнул кто-то недоверчиво.

— А с кем же ещё?

— Мы вам насосуем... записывать устанете, — протянул резковатым басом коротко остриженный парень с последней парты.

— А знаете, ребята, у меня есть предложение! — будто не слыша этой реплики, продолжал я. — Давайте представим себя в двух ролях. Пусть каждый, оставаясь в роли ученика, станет ещё и волшебником. Какую бы жизнь в школе он сделал для себя — ученика?

— Лучше вы нам расскажите, а мы послушаем, — сказала соседка Брежатовой, черноволосая, чернобровая, с большими тёмно-коричневыми глазами миловидная девушка.

— Как вас зовут?

— А нужно ли вас затруднять? Все равно вы завтра нас забудете, небось, мы не одни, с кем вы советуетсяь.

— Галка! Что ты ставишь из себя княжну Мери? — крикнул Кораблёв.

— Не Галка, а Галя... — зарделась девушка. И видя, что я хочу ей что-то сказать, добавила: — Странно как-то. Приехать за тысячу ки-

лометров советоваться с нами. — И немного привстав, мягко произнесла: — Ратушная Галя.

— А чё! Прямо чё хочешь, то и предлагать? — снова пробасил короткостриженный.

— Конечно, что хотите.

— Тогда закрыть школу совсем, и без мороки... — махнул он рукой.

— А вас как зовут?

— Меня? Ну, Сашка...

— Саша, вы же сами понимаете, что предложение ваше неприемлемо для настоящего, а тем более для будущего. Вам, видимо, не очень сладко в школе?

— Чё в ней хорошего?! — убеждённо произнёс парень.

— Может быть, лучше уберём из неё, что причиняет вам боль?

— Мене не больно... Что это мене больно? — уже почти со злостью, будто не желая со мной говорить, бросил он и отвернулся.

— Хорошо! Не будем нарушать наших условий. Итак, учитывая предложение Саши, мы закрываем школу. Но как волшебники будем строить на месте разрушенной новую, с нуля...

— Зачем же с нуля? Не все же в ней плохо? И вообще, — решительно встала Брежатова, — у нас, как у людей, спрашивают мнение, а мы...

И обернувшись в мою сторону, волнуясь, начала:

— Вы знаете, трудно так, без подготовки сказать что-то путное. Но самое главное, что больше всего мучает нас, — это крик. Надо, чтобы учителя не видели в нас мумий. Надо, чтобы мы хотели сюда идти.

Лена говорила, поминутно останавливаясь, часто обращалась то к одному, то к другому: «А помнишь?..»

Её выступление стало тем камушком, который вызывает лавину: ребята разговорились. Сумбурная, беспокойно-смятенная мысль постепенно крепла, набирала силу. Сколько раз я удивлялся неординарности, смелости её поворотов, спрашивая вновь и вновь: «Откуда это?» Словно только что впервые в жизни явилось мне это чудо: мысль ребёнка. И всегда она рождается, если сердце её творца открыто тебе навстречу.

Жаль, что такие минуты редки! Раскрепостить ученика, дать ему свободу самовыражения, снять заслоны страха, боязни быть осмеянным, — значит, пробудить в нём гения.

NB Это правда. Это не натяжка. Для учителя гений — не особенный генотип, не особенное стечение обстоятельств, а готовность ребенка идти и изучать реальность без шор, без мифов, как она есть, не теряя, а наоборот, укрепляя страсть к познанию, завораживаясь и обретая силу в связях вещей и явлений, невидимых для нелюбознательного взгляда.

В комнате с табличкой на дверях «8-й класс» торжествовала мысль. Мы перебивали друг друга, кричали, спорили...

Дважды заглядывала к нам директор и понимающе закрывала дверь. Но вот она не выдержала и вошла.

— Михаил Петрович! Педсовет кончился, мы вас ждём.

— Да-да, сейчас... — тру я зачем-то переносицу, будто хочу вспомнить что-то очень важное, и, вспомнив это важное, говорю:

— Надежда Суреновна! Ещё немного...

— Ещё немного! Надежда Суреновна! Хоть пять минут! — дружно поддерживая меня, просит восьмой класс.

— А вы знаете, — не сдавалась директор, — сколько вы уже здесь сидите? Два часа! Учителя тоже ждут вас, Михаил Петрович. Сколько вам ещё надо времени?

— Хотя бы минут... восемь.

— Хорошо, ещё пятнадцать минут, — улыбнулась директор, а мы пока объедем перерыв.

Она вышла. Я повернулся к классу и вздрогнул. Класс притих. Но глаза! Какие глаза смотрели на меня! Нет, не на меня, прямо в душу. Господи! Как я люблю эту отважную пытливость и доверчивость детских глаз!

Глаза... глаза... Сомнение — вопрос.

Перед вашей вечной повестью

Хочу ответить совестью...

Выйдут из души и лягут на бумагу слова песни, а я буду видеть глаза Шептун Светы и Кораблёва Феди, Матченко Оксаны и Дубенко Васи, Брежатовой Лены и Кораблёва Васи... — школьником-зыбковчан 1980 года. И вместе с ними в моей памяти встанут глаза ребят из Ясных Зорь. Пройдут годы, и, когда будут у меня спрашивать, почему я выбрал именно Зыбково, я назову причины, логически увяжу их одну с другой, но главную не смогу объяснить словом...

В классе была тишина, только не такая, как в начале. Это была тишина взаимопонимания. Я уже знал их всех по именам. Вон тот

рядом с Кораблёвым — Сергей, динамичный, взрывной, сейчас смотрит как-то настороженно. Чуть впереди две подруги: Люда и Таня — мягкие, спокойные...

— Михаил Петрович! Всё, что мы здесь нафантазировали, правда сбудется? Что надо, чтобы начать эксперимент?

— В первую очередь желание учителей и учащихся.

— А учащиеся тут причём? От нас что зависит?

— Что зависит от вас? Почти всё! Может быть, девяносто процентов успеха. Вы, как самые заинтересованные в подобной школе люди, должны стать первыми борцами за неё. И учителям потребуются ваша помощь, понимание. Школа будущего — это школа взаимного доверия, равного уважения друг к другу учителей и учеников.

NB Много позже появляется книга друга, коллеги, соратника, создателя авторской Школы самоопределения Александра Наумовича Тубельского «Школа будущего, построенная вместе с детьми». По-другому настоящая педагогика не случается.

Я не подбирал слова с поправкой на возраст собеседников. Говорил от имени своего и их детства. И кто знает, кого во мне в те минуты было больше: Михаила Петровича или Мишки, веснушчатого пацана, только что поднявшегося с задней парты. Мы как бы проросли друг в друга. Надолго ли, это зависит от многих случайностей и закономерностей, нашей способности верить друг другу. Я уже понимал, что с этими ребятами мы будем работать вместе.

— Скажите, пожалуйста, — встала Брежатова Лена, — а долго будет идти эксперимент? — Долго... Да-да, бесконечно долго, ему нет и не может быть конца. Не мы его начинаем, и не нам его завершать. Поиск совершенного бесконечен. То, что докажет свою жизненность, станет достоянием других. Когда? Когда докажет...

— А я не пойму вас. Вот то, что мы здесь предлагали, когда начнёт жить? — спросила Ратушная Галя.

— Да, когда? Не в эксперименте, а в любой школе, когда? — подержали её все.

— Когда? Может быть, очень скоро. А может, лет через пятнадцать-двадцать...

— А нельзя как-нибудь поскорее? «Жаль только жить в эту пору прекрасную...» — подал голос Глинкин.

— Вы трудные вопросы задаёте, ребята. Желания мало — надо найти путь. Иногда между тем, кто начал искать, и тем, кто крикнул: «Нашёл!», лежат столетия.

— Михаил Петрович! А нельзя ли в нашей школе, которую мы здесь нарисовали, поучиться хотя бы годочек? Или приехать, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как это в жизни бывает? Понимаете, — голос Лены Брежатовой от волнения дрогнул, — вы только не смейтесь, мне снилась такая школа. Я когда говорила здесь, когда предлагала... это всё из того сна. Школа та была в цветах, стены прозрачные, а за ними речка, лес, берёзки. Лужайки цветов начинаются прямо в классе и уходят к озеру...

Я уже не помню, кто что говорил, помню только, как все подошли к столу. В классе поднялся тот знакомый учителю гомон, когда каждому надо, непременно надо что-то сказать, спросить, просто ахать или охать, делиться радостью, выплескивая энергию мыслей и чувств. Разум подсказывал, что единство наше не раз рухнет и снова родится заново, а впереди у нас не только победы. Но не хотелось тогда об этом думать. Хотелось удержать это мгновение счастья, когда мы сами распахнули двери в будущее, в прекрасный мир родом из снов и сказок.

С чего начинается учитель?

Не раз задумывался над тем, почему грамотный, знающий предмет учитель иной раз не может хорошо учить детей. Сидят на уроке коллеги, находят недочёты, исправляют, помогают. А завтра всё та же проблема. Учитель нервничает, срывается, переходит на крик. Снова советы, помощь, и...та же картина. Ходит в школу такой педагог, мучает и мучается.

Как-то в одном из номеров «Комсомольской правды» начинающий учитель, защищая своё право быть естественным, писал: «Возможно, иногда я хватаю через край и в моём лексиконе проскальзывают явно не учительские словечки, но ведь в детской аудитории порой и впрямь приходится быть почти клоуном... На уроке, как и в жизни, нужно быть искренним, живым...» Верно! Но прежде всего надо позаботиться о том, чтобы было что выражать искренне, естественно и живо. Если бы у моего коллеги духовный стержень был покрепче, он меньше «хватал через край» и не допускал в своём лексиконе «неучительских» словечек.

Кинематограф последних десятилетий, видимо исходя из необходимости сближения учителя и ученика, справедливо критикует амбициозность учителя, стремится противопоставить педагогике «масок и штампов» педагогику сотрудничества старшего и младшего. Направление это, безусловно, заслуживает похвалы. Но, к сожалению, на экранах кино и телевидения иной раз можно увидеть некоего «демократичного» простачка, который в своей «невинной естественности» теряет педагогическую позицию. Стремясь показать такого героя, авторы раскрывают перед нами его сложный противоречивый мир, где «всякого добра хватает и всё брэнное присутствует», но это не главное, утверждают они, главное — любовь к детям.

Нет! Тысячу раз — нет! Учитель начинается не с любви к детям, а с любви к Родине. Учитель — полпред своего народа, ответственный полпред будущего, бескомпромиссный и верный боец за коммунистические идеалы. Когда любовь к детям вырастает на основе гражданственности, когда суть любви к ребёнку — забота о будущем Родины, духовное возвышение человеческой сущности ученика, только тогда мы можем сказать: перед нами педагог.

NB Без твердой почвы главного послания, которое мы передаем детям, диалогу учителя с учеником не на чем крепиться.

Это не красные слова. Это ключ к нашему делу, исток таланта учителя. Мы говорим: жизнь — борьба. Педагог вводит ребёнка в жизнь, т.е. в борьбу. В борьбу с чем и против кого? Если нет у него ясного об этом представления, его не спасут ни живость, не естественность. Антон Семёнович Макаренко не уставал повторять: учителя вне политики нет. Сегодня, как никогда, важно понять, что главное дело учителя — учиться и учить коммунизму.

Дать интересный урок, когда «лес рук», — всего лишь минимум. Глубоко, даже блестяще знать свой предмет ещё не значит быть педагогом. Это тоже минимум. Без знаний и мастерства в школу не ходить. Учитель — неуч (а такое случается) вообще вне рассмотрения. Но хорошо вести уроки и быть в стороне от жизни, от борьбы за переустройство мира и человека, — значит, плохо делать своё главное учительское дело — ваяние личности учеников. Ты мой ученик. Я твой учитель. Давай подумаем, зачем мы с тобой родились, зачем живём на этой земле. Зачем встретились: ты и я?

Не просто убедительно и ярко ответить самому себе и детям на это «зачем?».

Не общие слова требуются для ответа! А выношенные, выстрадаанные, идущие от сердца, чтобы прояснилась картина жизни и наше место в ней. Мы ищем эти слова. Ищем ответ, осмысляя окружающее, тревожа память, вглядываясь в судьбы тех, кого уже нет. У деревьев и цветов, у моря, звёзд, птиц ищем ответа. В поэзии. Да! В поэзии жизни. Постигая её основу, её истину, мы начинаем понимать себя, других, открываем глубину строк: «Ничто на земле не проходит бесследно...» И приходит обжигающее ощущение своей неразрывной связи со всем сущим на земле. Наступишь на цветок, сломаешь ветку — и что-то утратишь в душе. Сделаешь больно другому — ударишь по самому себе. Всё в жизни связано: тронешь одно — отражается на другом. Будем же чутки к природе и друг другу как частице вечности. Учитель, помни напутствие Гёте:

*Вы должны при изучении природы
Всегда воспринимать единичное как всеобщее.
Ничего нет внутри, ничего нет снаружи,
Ибо то, что внутри, то и снаружи.
Так схватывайте же без промедления
Святую открытую тайну...*

Как сочетать своё «я» с другими, с общим природы? Как сделать это «я» боепособным, жизненным, органичным? Где он, самый правильный путь к гармонии? Поиску, открытию и утверждению истины посвящена вся предшествующая история человечества. Сколько оборвалось жизней на этом пути! Сколько пролито слёз и крови, пока главными словами на земле стали: свобода, равенство, труд, братство, коммунизм. И сколько ещё неисчислимых испытаний пройдёт человечество в борьбе за их торжество. Имеем ли мы право, учитель и ученик, стоять у обочины жизни?

Отвечая на главный вопрос «зачем я?», мы найдём ответы на тысячи других, поймём, что человек — звено в цепи поколений, соединяющее прошлое, настоящее и будущее.

С осознания смысла жизни начинается воспитание личности, чувства сопричастности с делами и мечтой своего народа, убеждённости в том, что «моё» и «наше» неразрывны.

NB Смелая и для наших дней позиция была чрезвычайной в год издания книги — в 1986 году. М.П. видит свою миссию в воспитании ответственных деятелей и настоящего, и будущего. В его картине мира нет дел больших или малых. Если нужно, ты берешься за дело, не взирая на масштаб возможного результата. Результат каждой, ответственно выполненной работы, велик!

Постижение сущности бытия рано или поздно приводит к раздумьям о сущности человека. Открытие К. Маркса: «Сущность человека в совокупности всех общественных отношений» — компас педагоги целостного формирования личности.

В юности, отрочестве остро ощущается стремление к самоутверждению. Осознание своей сущности открывает путь к реализации своего «я». Марксистское мировоззрение должно стать основой духовного возвышения человека. Надо, чтобы каждый ребёнок усвоил сердцем и умом, увидел в конкретных делах, существом своим почувствовал, что его рост, признание, расцвет сил, ума, таланта — в масштабах его труда на общую пользу, в преобразовании общественной жизни. Быть человеком — значит не потреблять, а творить жизнь, созидать для других.

Марксову формулу человеческой сущности не раскроешь в одной беседе или лекции. Двадцатилетний опыт педагогической работы убеждает, что к её постижению приближают вся школьная жизнь, учение, труд, основанные на принципах коммунистической нравственности, коллективизма, справедливости, общности духовных интересов учителей и учеников.

Кто задумывается над смыслом жизни, кто не устаёт задавать себе вопросы «зачем я?», «для чего я?», тот рано или поздно начинает понимать: эгоист, живущий для себя, убивает своё «я». Его психику поражают страх, озлобленность, что необратимо губит физическое, умственное, душевное здоровье. Только тот, кто живёт для людей, кто отдаёт им лучшее в себе, кто стремится утверждать в жизни добро и красоту, познаёт истинное человеческое счастье. В этом мудрая диалектика отношений нашего и моего.

Довелось мне однажды участвовать в дискуссии на тему «Каким сегодня должен быть учитель?». Меня взволновала позиция известного критика, который, возможно в пылу полемики, горячо доказывал, что в школе должен быть определённый процент педагогов-но-

ваторов и определённый процент просто «крепких специалистов», способных дать «необходимый минимум».

«Спуститесь с неба на землю, — призывал он, — поставьте учителями в школах три миллиона гениальных новаторов — они вам, пожалуй, так всю школу перевернут, что концов не соберёте... Нет, вы сначала подумайте, какому проценту учеников по природе нужен в классе учитель-новатор, а какому — просто крепкий специалист...»

Дискуссия эта была вынесена на страницы печати и стала достоянием широкого круга читателей. Особенно остро прореагировали на неё педагоги. И что удивительно, многие были искренне убеждены, что школе вполне достаточно крепкого специалиста, обеспечивающего минимум знаний, и что талантливый учитель «на массе работает вхолостую» и поэтому, конечно же, «под него надо подбирать и соответствующий ему контингент». А проработавшая сорок лет учительница одной из московских школ, куда я был приглашён, сказала: «Если мы будем требовать таланта от учителя, школа останется без кадров, педвуз без студентов. Реальнее было бы ставить вопрос так: каждой школе только хороших учителей!» Полемика приобрела такую остроту, позиции были столь непримиримыми, что мне вновь захотелось вернуться к этой теме.

Многие сходятся в мнение: в школе должен работать «просто хороший учитель». Хороший учитель. Что мы вкладываем в это понятие? Прежде всего, видимо, профессиональное исполнение своих обязанностей. Показателем качества педагогического труда должен быть уровень сформированности, развитости и воспитанности личности, который достигнут в результате педагогического воздействия на учеников. Ориентиром в работе учителя является главная цель школы — воспитание идейно убеждённой, всесторонне развитой личности, способной к самоотверженному труду во имя процветания Родины, утверждающей в повседневной жизни нормы коммунистической нравственности и морали.

Время говорит «нет» узкому, пусть даже «крепкому» специалисту. Наш идеал — многогранная личность. Не должен, не имеет права выпускник школы мямлить: «Не могу». Вот почему сегодня мы вправе предъявлять самые высокие требования к уровню воспитания, ратовать за постановку предельно высокой цели и за создание соответствующих условий для её достижения. Чтобы человек не только мог проявить себя в определённое время, в свой «звёздный

час», но и был готов к постоянному, деятельному самосовершенствованию и самообновлению, чтобы «звёздный час» перерос в «звёздный век».

Вслушиваемся в непрерывный диалог человека и общества:

— Кто ты?

— Я человек!

— Докажи это. Подтверди делом, достойным тебя и времени.

— Подтвердил.

— Подтверждай вновь и иди к новым рубежам, ещё более трудным, ещё более высоким...

Работать и жить на высоком накале напряжения естественно для многогранной природы человека. Вместо слов «Я не могу!» он должен руководствоваться другими, прямо противоположными: «Я смогу, потому что я человек! Я не имею права жить иначе, ибо я часть своего народа, и эта часть должна быть здоровой, надёжной». Вот оптимистическая формула человеческой жизни.

Может ли при таких требованиях к школе быть хорошим учителем тот, кто «звёзд с неба не хватает», делает только «отсель и досель»? Не может. Ибо не в состоянии вести за собой топчущийся на месте и не видящий дороги.

В самом тезисе «такому-то проценту подавай педагога-новатора» кроется признание, что талантливый педагог необходим только для избранных, одарённых детей. Но все здоровые дети изначально талантливы, следовательно, думающий, творческий учитель необходим каждому. И спорить нам не о чем. Но мы спорим. Значит, причина спора не в боязни, «что таланты развалят школу», а в отношении к природе ребёнка. Вместе с тем, если исходить из веры в его потенциальные силы, пришлось бы не тратить время на дискуссии, а искать систему воспитания, адекватную возможностям детства, а это, по-видимому, не всех устраивает.

NB Вера в детей — начало педагогики. Без этой веры педагогу случиться невозможно. Девиз газеты «Первое сентября»: «Вы блестящий учитель, у вас прекрасные ученики!» — звучит в унисон с верой М.П. во всесилие каждого ребенка.

Давно заметил, что любят делить детей на «сильных» и «слабых» люди, как правило, случайные в школе. Их идеал — школа без детей с их живостью, неугомонностью, непохожестью. Однажды я слышал,

как учительница после выпада в адрес «неслухов» расхваливала ученика: «Он хороший мальчик, редко когда слово поперёк скажет, сидит себе на уроках и помалкивает...» Учительница эта — крепкий специалист, знающая свой предмет. У неё на уроках тишина... groboвая. Большинство ребят «отсель досель» учебник знают. Педагог любит, как она сама призналась, «брать на страх». У неё годами отработанный арсенал психологического давления, вернее — подавления. Она слышит только себя, наслаждается властью, не переносит возражений, не утруждает себя тем, чтобы настроиться на другого. «Важно, чтобы меня понимали. Это главное!» Проверяющие ставят её в пример: «Трудяга... Звёзд с неба не хватает, но дело своё знает, потому и дети у неё успевают». А ученикам предмет давался трудно, потому что не любили они того, кто его преподаёт. Чувство антипатии к наставнику неминуемо отражается и на отношении к его предмету. А если этот предмет они учат не один день, а годы? А если чувство симпатии не вызывает не один учитель? Нетрудно представить последствия такого учения. Познание — это прежде всего общение учителя и учащихся и самих учеников друг с другом. «Стремление к общению... занимает значительное и порой ведущее место среди мотивов, побуждающих людей к совместной практической деятельности... Удовлетворение этой потребности связано с возникновением чувства радости».

О каком продуктивном общении может идти речь, если для учителя хороший ученик тот, кто «помалкивает»? Насильственно вбитые знания — мёртвый груз, они никогда не станут живительным источником мудрости.

«Для внешнего порядка, внешне хороших манер, дрессировки напоказ нужны лишь твёрдая рука и многочисленные запреты, — писал Януш Корчак. — Чем скуднее духовный уровень, чем бесцветнее нравственный облик, тем больше забота о собственном покое и удобствах, тем больше запретов и приказаний, продиктованных мнимой заботой о ребёнке».

Вряд ли мы захотим навязать такого «специалиста» нашим детям. А он всё ещё не редкость в школе. Не редкость, потому что до сих пор ещё её деятельность оценивается только по уровню знаний учеников. В учительской среде иногда неверно, по моему убеждению, понимается сама сущность учения. Признавая, что главный труд школьника — учёба, мы не учим их этому труду, а заботимся только о том, чтобы дать определённую сумму знаний по основам

наук. Приобретение знаний не самоцель, а средство, точнее, одно из важных средств образования и развития личности наряду с трудовым, физическим и эстетическим воспитанием. Партия учит нас комплексному подходу к решению педагогических задач, призывая не терять из виду ведущую цель школы: воспитание всесторонней и гармонично развитой личности, активных строителей коммунистического общества. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» красной нитью проходит завет В.И. Ленина: «Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодёжи было воспитанием в ней коммунистической морали». Этот партийный документ определяет смысл деятельности школы: на уроках, в производительном, общественно полезном труде, в залах физкультуры, хореографии и рисования готовить, выражаясь языком К. Маркса, «наилучших граждан». *Наилучших.*

Специалист-предметник, не умеющий или, того хуже, не желающий быть организатором активности ученика, не помогающий школьникам строить свою жизнь на основах ученического самоуправления, для нынешнего этапа развития народного образования не годится. Учитель, чтобы он ни преподавал, должен учить главному предмету — постижению смысла жизни и подлинного человеческого счастья.

В Рамка наивысших ценностей даёт учителю наитвердеющую опору.

Педагогику вызубрить нельзя, сотворить раз и навсегда тоже. Суть деятельности педагога — творчество, исследование. Успешная работа сегодня не даёт никакой гарантии, что завтра она будет такой же. Ибо завтра — новое испытание.

Какими же качествами необходимо обладать учителю? Одним из основных можно назвать честность. «Жить честно, — говорил Л.Н. Толстой, — это рваться, путаться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и метаться». Да, «вечно бороться и метаться» — наша учительская судьба. Нам противопоказаны благодушие и самодовольство.

Если в основание пирамиды из всех наших педагогических построений мы положим заботу о ребёнке, развитии его духовных и физических задатков; если, веря в ученика, при любых, пусть даже

самых «безнадёжных» обстоятельствах, будем вести его к успеху; если будем честны перед своим народом; если каждый шаг, слово, действие, взгляд, улыбку будем соотносить с целью воспитания и руководствоваться ею в нашей совместной с учеником деятельности, — наш педагогический талант не иссякнет, а будет крепнуть и совершенствоваться. И однажды нас осенит удивительно простая, но очень важная мысль: чтобы вести за собой, надо и себя вести, не останавливаясь в этом движении к себе лучшему ни на один день.

В Зыбково я приехал с пониманием моей главной позиции: «дети — наши соратники в работе над каждым человеческим «я», включая и самого педагога. Они не воспитанники, они наши сподвижники». С тех пор решительно выступаю за диалог с ребятами на равных, за авторитет доброты и чести, независимо от должности и формального образования. Вся моя педагогическая жизнь много раз убеждала в том, что только при демократическом стиле отношений возможен быстрый, стремительный рост коллектива. А трудности, если идёт совместный поиск путей их преодоления, — благотворный стимулятор роста. Коллектив начинается с мечты, со значимой для всех цели, где каждый видит своё личное, ему необходимое. Вместе с тем к «моему» можно прийти наиболее коротким путём только через осознание «мы», уважение «я» других.

NB Кredo М. П.

Зыбковские учителя, как мне казалось, приняли мою позицию, и мы приступили к созданию ядра будущего коллектива, отряда добровольцев-учеников, готовых своими руками преобразовывать школу. Путь подсказывал яснозоренский опыт: нужно создать разновозрастный трудовой отряд. Однако принять идею — значит целеустремлённо и последовательно бороться за её претворение в жизнь, изменяя и самого себя. А это не каждому под силу.

Испытание

Ночь. Мрак разливается по земле, наваливаясь тяжелой чернотой, поглощая всякую подробность красок, линий, форм. В пору света прятавшийся в норах, пресмыкавшийся тенью ко всему, что стояло и двигалось под солнцем, теперь он властно давил собой малое и большое...

Ох, как ненавистен мраку свет! Как раздражает его прямота лучей! С каким наслаждением чернил бы он круглые сутки всё, что хоть малой толикой способно светить!

НВ и мрак проявил себя в полную силу на последнем этапе жизни М.П. Борьба случилась гремучая. М.П. вышел на смертный бой один с мраком. Былинная история! Что тут скажешь...

— Михаил Петрович! Ну, наконец-то! А я пол-леса обошёл! И чего это вы сюда забрались? — неожиданно прервал мои раздумья Вася Кораблёв. — Мы уже поужинали. Скоро костёр, а вас нет и нет. — В его голосе с прерывающимся от быстрой ходьбы дыханием заметны ноты укора и радости. — Хотелось побыть одному?

— Да. Тут хорошо думается. Да вы садитесь, — спохватываюсь, — сейчас пойдём.

Вася кладёт мне на плечо шершавую от сухих мозолей ладонь, привычную с раннего детства к работе, ободряюще повторяет, как заученный урок:

— А я вас ишу, пол-леса облазил...

Включили фонарик, пучок света резанул чёрное пространство, качнулся влево, вправо, решительно вырывая плотное кружево деревьев, обступивших нас.

— А здесь уютно. — Вася вздохнул, лёг рядом на спину, и вновь плеснуло свежестью летней травы. Мы лежали, положив головы на горячие ладони, и смотрели на яркую россыпь звёзд в бесконечности космоса. Глаза Вселенной будто тоже разглядывали нас. Казалось, спрашивали о чём-то, ожидали чего-то большого, важного. Когда, освободившись от суетности будней, смотришь на звёзды, смятенная душа успокаивается, наполняется верой в доброе, чистое, и неторопливо растёт жажда действий.

— Ну что, Вась, пошли?

— Я готов, — по-военному стремительно вскочил Василий.

Узенькая тропка невесомо и легко ложится меж деревьев, а затем быстрым ручейком бежит под ногами вниз, вливаясь в темноту густого кустарника. Включили фонарик. И вовремя. Прибраться меж цепкого терна ночью небезопасно.

Кустарник кончился. Сквозь тёмные силуэты деревьев просачивался навстречу нам беспокойный свет. И вот, миновав строгие в отблесках огня пирамиды палаток, мы вышли на небольшую площадь. У самой её кромки, в том месте, где она одним концом опрокидывается в озеро, горел костёр. Вокруг него сидели наши товарищи.

— Михаил Петрович, давайте сюда! Здесь удобнее. Вася, иди к нам!

Я сел на ближайшее место. Все вновь замолчали, казалось, только костёр и занимал внимание. Но это на первый взгляд. Предстоял очень серьёзный разговор. И разговор этот мог стать для нашего маленького коллектива последним...

«Последним? Нет! Никак нельзя, чтобы последним, — отчаянно рванулась в голове мысль. — Но что делать?.. Что делать? Вопрос, мучивший меня в Москве, откуда я только что приехал, здесь, в лагере, когда узнал, что... из сорока семи человек осталось... пятнадцать, звучал как крик утопающего. Кто теперь будет готовить в школу?»

Судьба, не утруждая себя в изобретательности, чуть ли не копировала прежние приёмы, вновь испытывая на прочность. Может быть, я повторяю свои ошибки? Память выставляла передо мной один за другим драматические эпизоды прошедших девятнадцати дней, сравнивая их с более далёким прошлым...

Неделю назад в школе была приостановлена работа нашего добровольческого строительного отряда, состоящего в основном из старшекласников. Причиной послужил визит представителя облсполкома, видимо, по чьему-то сигналу от творящемуся в Зыбкове «безобразии».

— Вы что за свой счёт собираетесь это восстанавливать? — показывал он на убранные кирпичные перегородки, на отмытые от мела, приличные уже квадраты стен. — Прекратите немедленно! — представитель буквально прошивал колючим взглядом.

— Но, «дорогой товарищ», если не начнём сейчас, не начнём никогда... Детей я учу умению связывать слово с делом...

NB Одна из главных, часто неосознаваемых особенностей педагогической деятельности в том, что наше отношение

к делу, наш стиль ведения дел переходит к детям напрямую. В этом смысле, кирпичики внутреннего обустройства детей обретают форму и обжиг скорее не от того, что мы делаем, а от того, как мы делаем то, что делаем. И именно поэтому, настоящему педагогу приходится выходить за рамки системы. Не от того, что он бунтарь. А от того, что взаимодействие с системой зачастую учит детей плохому.

— Меня, между прочим, Владимиром Антоновичем зовут.

— А меня — Михаилом Петровичем.

— Вы, Михаил Петрович, поймите, — Владимир Антонович заговорил спокойнее, — в этом году, пока идут переговоры на «верхах», пока готовится документация, вы не начнёте свой эксперимент. Поверьте, я кое-что понимаю. И разве дело только в здании? А люди? Где они у вас — готовые к работе в новых условиях — люди? Решения коллегии министерства об эксперименте в Зыбкове ещё нет.

«Логика у него безукоризненная, — думал невесело я. — Он отчитывает меня, как мать несмышленное дитя». А Владимир Антонович «вынул» припасённый на финал самый веский аргумент и прибил им, как гвоздем:

— Давайте поразмыслим без эмоций. Кто вы здесь такой? Прораб несуществующей стройки? Директор? На каком основании мы будем выделять вам народные рубли?

— Да, вы правы, — пытался я сопротивляться, — существует только устная договорённость. Но она существует! А если бумаги придут 31 августа? Что мы будем делать целый год? А ребята? Им что скажем? Пусть ждут? Да, юридических оснований готовить сейчас школу к реконструкции нет. Но, имея твёрдую договорённость с руководством области о проведении эксперимента, мы не можем сидеть, сложа руки. Все горят желанием действовать немедленно, сейчас. Посмотрите, как работают ребята. Какая силища проснулась в них! Они уже видят свою обновлённую школу. И вы хотите остановить их?!

Я уловил сомнение в глазах представителя облисполкома, внутренне он был на моей стороне. Появилась надежда. Но Владимир Антонович твёрдо сказал:

— Мы не можем поступить иначе: необходимо прекратить работы. Требуется официальное разрешение. Поезжайте в Москву к своему начальству. — Владимир Антонович почти с жалостью посмотрел

на мою залитую мелом одежду, с которой капала вода, но мои далеко не интеллигентного вида руки и как-то виновато добавил: — Нельзя без документов. Вот вы сломали четыре стены, ободрали, считай, четверть школы, а где проект? Какова сметная стоимость этих работ? Вы же педагог... Разве это ваше дело?

И уже явно по-доброму взял меня за руку:

— Не огорчайтесь. Поймите, будет экспериментальная или не будет, а эта — обычная — школа первого сентября должна работать непременно.

Сочувственно улыбнулся и пошёл к ожидающей его «Волге»...

— Вы что молчите, Михаил Петрович? — слышу чей-то шёпот.

— Сейчас, сейчас... — киваю я головой.

Костер по-прежнему вдохновенно рвался вверх, с гудением взлетали языки пламени в тёмное пространство.

— Сидим, как на похоронах. Давайте споем что-нибудь такое, наше... — предложила комиссар отряда Лена Брежатова.

Мы много не знаем о прахе земном,

И много для нас пятен белых...

Сотни загадок в дожде грибном

И тысячи в яблоках спелых...

В борьбе мы узнали в «Отважном» родном

Великую силу отряда.

Из тысячи слов светит счастьем одно:

Отважное слово — «Надо!»

«Отважный» ... Сердце всколыхнулось болью... Родные мои люди, товарищи мои, где вы сейчас? Я посмотрел туда, где, прижавшись друг к другу, будто птицы, отдыхающие после очередного трудного перелёта, сидели Лена Ковалёва, Вера и Лена Гончаровы, Люда Байдикова... — девушки из Яснозоренской школы. Через несколько недель им идти в десятый. В какую школу придут они первого сентября? Что я им скажу?..

И наплывает другое, полное драматизма, лето 1975 года.

Линейка в «Отважном». Я помню всё так, будто это было вчера. Отважновцы! Я ничего не забыл. Ваше мужество, ваша вера никогда не позволят мне сдать, изменить нашей общей мечте...

Я срочно выехал в Москву, к тогдашнему президенту АПН СССР Всеволоду Николаевичу Столетову. Столетов... С этим удивительным

человеком свела меня судьба в один из труднейших периодов моей жизни...

Нелегко вспоминать о самых прекрасных и трудных днях в Ясных Зорях. Нелегко ворошить в памяти то время... О красавице школе, сельских детях восторженно писали многие газеты. Но вслед статьям появились в Ясных Зорях проверяющие комиссии, увы, не всегда объективные. И после одной из них меня поставили перед фактом: либо я остаюсь директором, но возвращаюсь к общепринятому учебному расписанию, либо меня вынуждены будут от работы отстранить. И я ушёл.

Не принадлежит к числу невезучих, и, когда слышу сочувственное, мол, тяжело бремя того, кто пытается утверждать новую мысль, во мне откуда-то изнутри поднимается волна протеста. Согласен: трудно. Нестерпимо тяжело. Но, пожалуй, нет большего счастья, чем опережать время, приближая школу будущего.

NB М.П. и правда везучий. Несмотря на то, что все его проекты постоянно пытались закрыть и так или иначе закрывали, включая попытку закрыть его самый главный проект — Лицей в Текосе, каждая из создаваемых им школ делала шаг в будущее, выростала до значимых результатов. Значимых в том смысле, что каждый результат давал возможность еще смелее двигаться в сторону будущего при создании следующей школы. Каждый следующий проект, каждая следующая школа строилась на идейном, научном, кадровом фундаменте предыдущих проектов. Да, история везучести М.П. в полной мере детективная, полная взлетов и падений, невероятных сюжетных поворотов, но, главное, это история развития педагогической мысли в ее смелых воплощениях. С этой точки зрения М.П. очень везучий. Все получилось! Причем на каждом этапе, свидетельством чего является эта книга «Объять необъятное». И точно — тысячи выпускников школ М.П. сделали нашу страну сильнее, красивее, умнее, креативнее. М.П. автор истории, в которой успех — результат созидательной смелости, которую он мечтал передать каждому своему ученику.

Да, бывают нередко споры, в которых, увы, не рождается истина. К сожалению, некоторые больше озабочены не делом, а тем, чтобы

формально соблюдать инструкции, набивая руку в составлении отчётов и справок. Когда-то с одним из таких чиновников я пытался говорить о нашем долге перед детством. Он недоумённо смотрел на меня и твердил: «Это — лирика... Переходи к делу». Из-за таких в нашей среде родилась горькая шутка: «Не можешь быть учителем — не огорчайся: пойдёшь учить учителя, если и это не умеешь — радуйся: пойдёшь учить, как учить учителя...» Холоден ум дельцов от педагогики, расчётлив, им ведомо, когда и кому сделать звонок, о чём умолчать, к чему присоединиться... В этом их сила. Но неумолимо человеческое стремление к истине. При нынешнем всенародном внимании к школе им будет всё тяжелее.

Если бы вступающий на трудную педагогическую стезю спросил у меня совета, я бы ответил так: «Не обольщайтесь успехами! Не делайте ставку на личности, поддерживающие вас. Выработывайте свою педагогическую позицию и, создав коллектив единомышленников, боритесь за её утверждение. Слушайте оппонентов, по-доброму анализируйте их возражения. Оппонент оттачивает вашу мысль. Вы нужны друг другу, если оба искренни и честны. Чаще анализируйте своё поведение. Вы доброжелательны в споре? Очень хорошо! Вы раздражены? Это плохо, в вас проснулся себялюбиец. У такого главное не идеи, а он сам. Умейте сдаваться перед истиной. Побитым в споре быть не страшно, страшно изменить себе».

NB *Сильные не сдаются. Сильные умеют противостоять власти сомнений, обесценивающей и собственные усилия, и усилия тех, кто рядом. Сколько раз за свою жизнь М.П. стоял на своем, как бы ни складывались обстоятельства! Сколько раз выходил из поражений с еще большей уверенностью в необходимости воплотить свои понимания в жизнь!*

Тем более странно услышать от М.П. фразу, начинающуюся с «умейте сдаваться...» Ту же мысль можно написать по-другому: «истина дороже», «быть на уровне истины», «умей признать истину» и т.д. Специально загуллил «умей сдаваться перед истиной» в сети и нигде, кроме «Объять необъятное», не нашел подобно го выражения.

Но перечитываю снова и снова слова «побитым в споре быть не страшно, страшно изменить себе», вычитываю в них «не пойти за истиной значит изменить себе» и каким-то внутрен-

ним чутьем понимаю, что в самой конструкции сказанного проявилась глубинная вера М.П. в детей: понимание особенной природы детства, которое несет в себе информацию не «для», а «из» будущей жизни. Помимо всех наук и теорий, из опыта своего бытия педагог натурально знает, что нужно расслышать и дать жизнь той информации, которая есть в ребенке, а не наоборот, вложить в него нашу информацию.

Сама конструкция фразы «умейте сдаваться перед истиной» выдает нам истинного педагога, для которого истина и дети едино. Дети и есть истина. С детьми не воюют. С детьми не вступают в договорные отношения. Детей принимают. Детей слушают. Детей не сдают. Детям не изменяют.

Мы не педагоги в той степени, в которой нам трудно принять эту истину. Да, мы готовы на все ради детей, но мы не готовы сдаваться перед ними. Нам это и в голову не приходит. Хотя рано или поздно приходится уступить детям дорогу. И как же важно, чтобы к этому времени они не потеряли врожденную самость.

«Умейте уступать перед детьми. Побитым в споре быть не страшно, страшно изменить своей вере в детей» — говорит внутренний голос М.П., когда он рассуждает об истине.

Так я думаю сейчас, ибо, как сказал великий Пушкин, опыт — сын ошибок трудных. А тогда... С каждым днём гасла вера в себя, в справедливость. Противникам моим «пять» по поведению не поставишь. Но и я был нередко не лучше: срывался, вёл себя дерзко, отягощая и без того тяжёлое положение. Как спешил я тогда к детям! Успеть ещё чуть-чуть.

И вот 23 марта 1979 года пришёл в школу в последний раз. Ещё никто не знал, что это последнее моё утро в Яснозоренской школе. В тот день в висках стучало одно: никогда... Вот идёт, улыбается мягко и светло Неронова Надя, комиссар «Отважного» ... А вон по ступенькам поднимается девятиклассник Саша Милешин, обжёг взглядом сказав вежливое-сухое: «Здравствуйте». «Не успел поговорить с ним... — мелькнула тревожная мысль. — Когда теперь? Так и останется неясность. Наша неясность...»

Ребята заходят в школу, весело шмыгая носами, раскрасневшиеся от свежего мартовского ветра, улыбаются... Улыбаюсь и я. Привычно всматриваюсь в лица: «С чем пришли?» У одних в глазах — солнеч-

ное, у других — лунное, у третьих — тучки. Тучки... В голове привычно идёт анализ: «Что с ним? Поссорился с... Да вроде бы не похоже... Может быть, дома?» Вот вспыхнула догадка: «А, понял!» И тут же болью мысль: «Сегодня всё это оборвётся...» Всматриваюсь в лица, боюсь, что время сотрёт что-то важное. С ужасом понимаю, что я обманываю тех, кому улыбаюсь и жму руки. В моём воображении из крохотных вытяжек дней, минут общения вылеплен будущий образ каждого.

Через несколько минут я передам печать, книгу приказов, а это... то, что у меня... внутри, это самое-самое, кому и как... передам?! Унесу с собой. Унесу навсегда. А тому, кто придёт вместо меня, всё сначала?..

Зашёл в кабинет. Моргает селектор. Включаю. Говорю, а голос, будто не мой.

— Михаил Петрович, это вы? — слышу тонкий голосок второклассника Славика Саблина.

— Да, Слава, я... Ты что?

— А ничего... Я просто... — Славка сопит в селектор некоторое время, затем, будто вспомнив самое важное, обрадовано спрашивает:

— Вы в нашу комнату придёте сегодня вечером?

Славик любит сказки. Только — чтобы лечь в постель, укрыться под горлышко одеялом и слушать, прерывая меня в особо страшных местах своим неизменным: «Ух ты-ы!»

Что сказать?.. Славка ждёт привычного: «Приду». Что ему ответить?..

— Славик... — говорю ему начало фразы, которой не знаю конца, — Славик... ты... будь умницей, Славка, — вдруг выдал я из себя и выключил связь. — Прощай, Славка, — шепчу в отключенный селектор.

В глазах разливается что-то горячее, горло сдавливает. Медленно выхожу из кабинета. Этот кабинет через мгновение станет чужим. Как нелепо и просто: закрыл дверь, и ты... чужой. И всё там за стеной, что ещё хранит следы и тепло твоих рук, уже принадлежит другому. А ты с этого мгновения — «бывший». Школа, твоя школа, родные, верные лица, руки, глаза уйдут навсегда во вчера... К каждому жесту, взгляду, звуку предстанет беспощадно и несмылаемо-прочно слово «было». Было... Выхожу на крыльцо. В грудь ударяет мартовский ветер. Тает снег. Стремительно и тревожно несутся по небу свинцово-серые, разорванные в клочья тучи. И губы сами по себе бросают в эту

разорванность клятву: «Славка, я не бросил тебя. Я ушёл, чтобы не бросить тебя, Славка».

— Что с вами, Михаил Петрович? — трогает меня за руку наша техничка Марина Григорьевна. — На вас лица нет! Вы заболели?

Добрые старческие глаза в тревоге. И будто прочтя мою боль, ласково, по-матерински добавила: «Иди, сынок, иди. Всё будет хорошо...»

Прошли годы, но нет-нет и приснится мне моргающий глазок селектора. Я включаю его и слышу Славкин голос, только не могу разобрать, что он у меня спрашивает. В селекторе помехи, треск. Я хочу подняться, хочу идти к нему, но ноги приросли к полу, не двигаются...

Оторвавшись от воспоминаний, обвожу глазами зыбковских ребят. «Как сложится наша судьба? Неужто и здесь...» — кольнула мысль. А может, отказаться от всех экспериментов, работать в установленных рамках. Детство в рамки? Нет! Детству нужен для счастья масштаб задачи, захватывающая высота цели. Загоняя детей в рамки привычного, «навсегда данного», оберегая от борьбы, мы тем самым лишаем их ощущения своей значимости на земле.

NB Масштаб задачи — это ровно тот ключ, который открывает кладовую возможностей ребенка. Если вы не знаете, как поступить, если что-то не получается в ваших отношениях с детьми, повышайте масштаб задачи. Повышайте не сложность, а именно масштаб задачи. Но как неподъемны чересчур сложные задачи, так непереносима и чересчур большая ответственность. На этот случай еще одна подсказка от М.П. — «Захватывающая высота цели». Настоящая, а не выдуманная, реальная, а не учебная действительность — лучшая среда для взросления. С каждым новым школьным проектом М.П. развивал свою педагогику именно в эту сторону.

Дрогнула рука. Не хочу ли вымолить прощения у Славки? До чего же, совесть, трудно с тобой! Мудры мы все, когда смотрим либо назад, либо со стороны. Ох, эта мудрость после драки! Всё ей понятно, всё она объяснит. Нет! Не мог я тогда, поставленный перед необходимостью выбора: или идея, или дети; или эксперимент, или возможность быть с детьми их директором, — не мог я выбрать то или это. Для меня это было целое, как небо и земля, как хлеб и вода. Не

мог, потому и вынужден был уйти из школы. Детям нужен, чтобы я был с мечтой, без неё личности нет, одна видимость...

НВ *На курсах подготовки и переподготовки учителей должна проводиться специальная работа по поддержанию в учителе мечты. Человек без внутреннего порыва не только не полезен, но и опасен для детей. Это как в сказке про живую и мертвую воду. Жизнетворный учитель передает детям бесстрашие мечтать о большом и бесстрашие воплощать задуманное. Лучше всего — сразу!*

Отношение к мечте в воспитании — вопрос разного педагогического разворота: либо доращивать умения до мечты, либо умалять мечту до уровня умений...

Бесстрашие создателя и перед мечтой, и перед делом — важнейшее основание педагогики М.П.

Лицей в Текосе учит не мельчить ни в целях, ни на путях их достижения. В результате и у детей, и у взрослых на порядок повышается возможность почувствовать себя личностью.

— Смотрите не сорвитесь! Помните о детях. Раны в детской душе не заживают, — по-отечески предупредил меня, отправляя в Зыбково для подготовки эксперимента В.Н. Столетов. — Помните, какому риску вы подвергаете выношенную под сердцем идею, не только под вашим сердцем...

Суровое лицо, чёткие, будто высеченные резцом, морщины на щеках и лбу, под седыми бровями — доброта и ум.

— Будете работать у нас.

Это было третьего апреля 1979 года. Много видевший на своём веку, суровый и седой человек спас меня, протянул руку, заставил вновь поверить в себя. И там, где я видел непроглядную ночь, забрезжил рассвет...

Ещё одна встреча — майским днём 1980 года. Столетов с характерной для него обстоятельностью прочитал программу предстоящего эксперимента, которую я писал по его совету «от мечты», посмотрел на меня как-то по-особому пристально.

— Ну что ж, поработали вы серьёзно. За предпринятую попытку собрать воедино знания многих дисциплин о человеке с тем, чтобы реформировать учебно-воспитательный процесс в школе, создать в ней условия для гармоничного развития личности и осуществить

идею В.И. Ленина «о подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, которые умеют всё делать», — спасибо. Программа интересная, — медленно, будто вырезая каждое слово, озабоченно продолжил он. — Но в ней столько компонентов, связать которые непросто. Оч-чень непросто.

Всеволод Николаевич вздохнул, посмотрел мне в глаза и, будто споря с кем-то, закончил:

— Но это, — он ещё раз показал на программу, — дальний прицел. Работа ваша понадобится массовой школе, возможно, не скоро. Но она непременно понадобится.

«Ну, парень, теперь держись, — сказал я сам себе. — Теперь только вперёд».

После многолетних мытарств, неверия, после обвинений в лже-новаторстве, насмешек, слова президента «Я верю...» были для меня как свет для спелеолога, отчаявшегося выйти из глубоких лабиринтов пещеры...

И вот я опять в Москве. Снова иду по Погодинке. Высотный дом номер восемь. У стеклянного входа блестят крупные буквы «Президиум Академии педагогических наук СССР».

— Всеволод Николаевич выехал в Берлин на симпозиум, — приветливо сказала мне секретарь Лидия Ивановна. И сочувственно добавила: «Что же вы не позвонили? Что-нибудь случилось? Что-то срочное?» — с беспокойством заглянула мне в глаза.

— Срочное, срочное, Лидия Ивановна, — отвечаю со вздохом и выхожу из приёмной... В сердце обида, злость.

На кого? На себя, на сложившиеся обстоятельства, на моё начальство, на нашу «любовь» к бумажкам? Скорее всего, это были обида и злость без точного адреса.

«Что делать? К кому идти?». Вопросы эти усиливали и без того тревожное чувство.

«К кому идти? Что тут гадать? — скажете вы. — Иди к тем, кто исполняет обязанности... Дело-то государственное. Надо в министерство? — Иди. В Госплан? — Иди...»

Неприятно признаваться, но, видимо, надо: мне было страшно идти и просить. Я панически боялся отказа. Ведь было такое, было. Сколько раз клали мечту на весы расчётов председателя колхозов, директора совхозов и всевозможные «завы» и «замы», когда я ездил в поисках единомышленников, когда за моими плечами не было государственной программы, не было академии, не стояли известные

учёные, когда надо было агитировать, находить «общий» язык и т.д. и т.п. Да, было страшно.

Хотелось, чтобы про меня забыли, но только дали бы возможность работать...

Очень непросто был ответ на вопрос: «Куда идти?» Куда-нибудь не пойдёшь, как не пойдёт мать к любому врачу с ребёнком, которого выносила под сердцем, вскормила молоком, научила говорить первое слово.

Решил действовать так, чтобы эксперимент стал свершившимся фактом. И я вернулся в Зыбково...

Ночь. Озеро. Костер. И песня — наша песня:

*...И поле пшеничное — золота всплеск,
В синь неба распахнуто солнце ромашки,
И песню поёт о любви человек,
Песню — Родиной ставшей.*

Смотрю на ребят с надеждой. На лицах отблески огня. Отблески?.. А может, это их собственный огонь, огонь их сердец?

— Товарищи! — начинаю неожиданно для себя глухим голосом. — Не знаю, не соображу, что в этой ситуации делать. Сами видите, сколько нас осталось. С работой не справимся, физически не успеем. Горько сознавать, но ничего обнадеживающего из Москвы не привёз... «Не то говорю, не то... Но что ещё можно сказать?»

— Почему не справимся? — услышал голос Лены Брежатовой. — Почему не справимся? Вы... не правы!.. — голос девочки дрогнул.

Память на короткий миг снова вынесла к поверхности сознания последний, короткий разговор со Славиком Саблиным. Невольно посмотрел на девчат из Ясных Зорь и натолкнулся на глаза Лены Ковалёвой, на её недоумённое: «Что с вами?» Выдержав мой взгляд, она сказала тихо, но уверенно:

— Зря вы так, Михаил Петрович. Нас, конечно, мало. Но это не значит вовсе, что мы не справимся. Надо завтра сутра приступить к работе. Непонятно, почему мы её остановили. По-моему, было гораздо хуже. И сейчас выдержим.

Кто-то бросил в костёр сухие ветки, он вспыхнул ярким бело-голубым светом. И навалившаяся было темень дрогнула, качнулась и, ударившись о кустарник, упала за крутой бугор.

— А вы не сомневайтесь в нас, Михаил Петрович! Нас, конечно, мало... — Кораблёв сделал паузу. На скулах ярко освещённого лица отчётливо обозначились бугорки мускулов, в межбровье вонзилась упрямая складка. — Но зато здесь, — Вася прижал руку к груди, — у всех много.

— Хлопцев мы соберём, — поддержал Сергей Люлин. — Не на одних девятиклассниках мир держится, вон Стрельцов Вовка — в седьмом, а чем хуже вкальвает, а Беляев — в пятом и тоже тянет не хуже других.

— И не только учеников, можно учителей, родителей позвать...

— Да что все заладили: соберём, соберём. А если и не соберём? Сколькое простое было, вспомните. — Это уже семиклассник Стрельцов. — Если всё рассчитать — справимся!

«Поразительно, — думал я, — когда вы успели такими стать? Или я вас не видел? Вы были, а я не видел? А может быть, новая ситуация перестроила вас, сгруппировала в единый сгусток ценности, которые вы копили годами? И когда пришёл час — они заявили о себе во весь голос? Как же это я, опытный человек, не первый раз сталкивающийся с трудностями, спасовал, а вы...»

— В «Отважном», — продолжал Стрельцов, — разве легче было? Когда вы рассказывали, я ещё подумал: «Нам бы такое испытание!» Может быть, это не хорошо, но хотелось, чтобы произошло у нас что-нибудь такое...

— И произошло... — неожиданно светло улыбнулся младший братишка Стрельцова, озорник Вовка. — Вы думаете, мы слабее? — спросил он.

— В деле увидим... — опередил меня Кораблёв.

Снова помолчали. Каждый думал о том, хватит ли у него характера, воли выстоять.

— Вот сказали, что нас мало, — певуче, с лёгким «аканьем» заговорила Ира Малетина. — А вы знаете, что тут было, когда вы уехали? Кто-то пустил слух, что, мол, никакой школы у нас не будет. Денег там нет или ещё чего. Вроде какое-то начальство против... Ну а вы... в общем, будто насовсем уехали... Сначала мы не поверили, естественно. А потом день проходит, другой, третий, четвёртый... вас нет. Тут уже не по себе стало. Всё-таки мы вас ещё хорошо не знаем. А вдруг правда? Пожалели деток, не могли прямо в глаза сказать... Село сплетнями захлабывается... В конторе вроде бы видели, как какой-то лысый дядечка на «Волге» приезжал и заявлял автори-

тетно, что о школе ещё никто не решал и решать не собирается. Тут родители стали к нам ездить, кого по-хорошему, кого силком — домой. — Ира, грустно усмехнувшись, продолжала: — Мои родители, например, тоже были здесь... «Вот вы тут сидите дикарями в лесу, комаров кормите, над вами и над нами люди смеются». Ну, я-то, как и другие, кто остался, своих сумела убедить, что всё это сплетни, что вы приедете и школа у нас — экспериментальная — будет. А многие поверили слухам... Тут две последние ночи холодно было. И пошло. Стали уходить из лагеря. Сначала по одному, потом уже целыми палатками побежали. — Ира внезапно всхлипнула.

Ирина, всегда открытая, радостная, теперь вытирала крепкой ладошкой неожиданные для неё самой слёзы. Она пыталась улыбаться, но вместо улыбки на её лице появилась жалкая гримаска. Кто-то ещё из девчат подозрительно зашмыгал носом.

Круг будто съёжился. Видимо, ребята представили недавно пережитые дни, когда уходили те, с кем вместе мечтали и работали. Утраты юного сердца — это не драмы и даже не трагедии — крушения, катастрофы. Вспомнилось чувство безысходности, с каким уходил я сам от школьного крыльца в тот последний март в Ясных Зорях. И снова защемило сердце тоской о навсегда утерянном. Видно, ходить мне с ней всю жизнь и, пока дышу, слышать голос Славика: «Вы придёте сегодня?»

— Представляете, уходят, уходят... — вздохнул Саша Беляев, плотно скроенный крепыш, один из самых юных наших товарищей. Он вместе со своими друзьями Васей Дубенко и Олегом Сапельняком перешёл в пятый класс. — Хоть бы уж сразу, а то тянутся по одному. Один идёт, а ты ждёшь, кто следующий. А я стою и думаю: «А если все уйдут! Смотрю на Ваську. А он злой какой-то. Вижу: «Нет, Вася не уйдёт, значит, уже двое есть».

— Да, конечно! Ты да Кораблёв — два героя на весь лагерь! — сквозь слёзы засмеялась Малетина.

— А Кондратенко подбивал и нас уйти: «Пошли, хлопцы, пока комары не сожрали. Пусть тут энтузиасты вкалывают».

— Ух, как я хотел ему врезать! — сжал кулаки Люлин. — Да Ратушная помешала.

— Нам ещё драки не хватало! — упрекнула его черноглазая Галя Ратушная. — Была бы пицца для новых сплетен.

— А потом собрались все к вечеру. Сидим у костра, на душе тяжело, и так плакать хочется, — задумчиво вороша палочкой золу, впервые подала голос Люда Байдикова.

— А вчера, когда зашли все в нашу палатку, — почти шёпотом проговорила Галя Щетинина, — я давай всех считать. Насчитала пятнадцать. И страшно стало.

— Да, ждать было не очень... Если бы хоть работа была.

— А я вам сколько раз говорил: «Давайте работать!» — неожиданно почти закричал Стрельцов.

Все, будто обрадовавшись разрядке, засмеялись. В костёр подбросили веток. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Михаил Петрович! А если бы вы не добились денег, вы бы уехали от нас?

Мне показалось, костёр прекратил гудение: такая наступила тишина. Ребята с напряжённым ожиданием вглядывались в меня.

— Да я же и приехал без денег!

Как странно иногда переворачивает жизнь наши чувства. Неприятная новость будто сняла запруды в душе. Стало легко дышать, смотреть и слушать. И когда на вопрос не в пример всем нам сохраняющего благоразумие Кораблёва: «Что же делать?» — я ответил: «Работать!», мы во всю мощь лёгких закричали: «Ура!» Это была отчаянная бесшабашность, мальчишество. Но в те минуты мы не сомневались: всё теперь будет, и деньги, и материалы, и официальные решения. Мы верили в справедливость. И потому чувствовали себя легко и радостно. Мы знали, что не только здание будет подготовлено к первому сентябрю, но и жизнь наша пойдёт по-другому. Родовались, что не ушли, не сдались, остались верными друг другу и мечте. Родовались открытию в себе хорошего, настоящего. Родовались костру и звёздам, лесу и озеру. Родовались, как радуется человек открывшейся перед ним безбрежности жизни, непобедимости стремления к красоте. И родовались не зря. Когда решение об эксперименте было принято, мы выиграли не просто время — первую битву за коллектив, заложив в его фундамент бесценное качество: веру в возможности человека, красоту его духа.

4 июля 1980 года — день рождения лагеря труда и отдыха «Ясные Зори». Имя ему мы дали в честь Яснозоренской школы, в честь всех, кто делал первые шаги к зорям нашей мечты.

1 сентября 1980 года обновлённое школьное здание принимало зыбковскую детвору.

В то лето я ещё раз убедился: лучшее в нас создается трудом сердца, ума, рук, рождается в борьбе за человеческое в себе и в

других. Личность формируется в мучительном преодолении себя, в переживаниях горя, отчаяния, радости, подаренной другим, в сопричастности к общему, большому, настоящему делу. Подтвердилась истина, добытая в Ясных Зорях, отгораживание детей от трудностей обедняет их жизнь, искусственно тормозит развитие. Ребёнок рвётся к серьёзному диалогу с жизнью, имея на это и право, и возможности. И как важно предоставить ему поле деятельности, где он сможет расти как человек и гражданин.

NB С одной стороны, мы оберегаем детство от трудностей, с другой стороны, отгороженное, рафинированное пространство детства становится рафинированным, неживым, душным. Формула М.П.: строим красивую взрослую жизнь и не закрываем ее от детей. Разновозрастные детские коллективы и про это тоже. Детям интересно со взрослыми, которые не притворяются, которые настоящие. Школа — заповедное пространство, но не только тем, что там все замечательно по-детски, но тем, что там все замечательно по-взрослому.

Образ будущего

Мы часто говорим: образ его жизни, образ поведения. Говоря так, подразумеваем, что каждый живёт по образу, системе представлений о себе, своём поведении в среде других. А кто лепил этот образ? Сам его носитель и окружающие. Вернее, не просто окружающие, а те, кому он поверил.

Да, мы видим себя глазами тех, кому верим, так или иначе синтезируем их мнения о себе. Мы впитываем в себя то, что нам кажется необходимым, сравнивая себя с другими, подправляем, подтягиваем, убираем. Подгоняем себя в основном под требования тех, кого считаем авторитетом. Выработывая со временем определённое мнение о своём «я», о том, как должно действовать в том или ином случае, мы забываем, когда, при каких обстоятельствах творили свой образ, создавали внутреннее ощущение себя, которое определило судьбу. В лучшем случае помним только переломные моменты, резко изменившие наше самосознание.

А «чуть-чуть плюс», «чуть-чуть минус» забываем. Но если бы помнили этот процесс «лепки» своего образа, сознавали, как удар

за ударом, мазок за мазком великий скульптор — жизнь творит нас, возможно, мы бы существенно изменили кое-что в себе. Жизнь наша — сотворчество, взаимодействие нашего «я» с другими, со средой, нас окружающей. Наше «я» есть не что иное, как синтез критически или некритически принятых в себя определённых качеств других. Многие несчастья, точно также, как и успехи, достижения, растут из этого образа.

В школьные годы ведущим архитектором или скульптором призван быть учитель. А главные его соавторы — ребята, весь школьный коллектив плюс вся окружающая школу человеческая и природная среда.

Как и любому творцу, учителю необходимо представлять себе свое творение. Чем оно яснее видится в главном и в деталях, тем целенаправленнее идёт созидание. Картина со временем уточняется, в неё вносятся коррективы, но она должна постоянно присутствовать в воображении автора. Хороший учитель видит своего ученика как бы в трёх проекциях: прошлого, настоящего и будущего.

Будущее — совершенный образ, где подмеченные учителем задатки, те или иные психологические свойства личности доведены до высочайшего уровня развития. Настоящее — то, что уже реально есть. Прошлое — то, что было до настоящего.

Всматриваясь вместе с учеником в его настоящее, педагог помогает ребёнку увидеть изменения, тенденции роста, соотносит их с тем, что было и что ожидается в будущем, планирует дальнейшую деятельность. Предвидеть будущее, мечтать о нём, действовать сообразно мечте — вот незаменимое топливо и воспитания, и самовоспитания. Педагог может достичь наивысшего воспитательного эффекта, когда вместе с учеником мечтает и приближается к мечте. Точнее, направляет процесс роста ученика, побуждает к действительному, активному самостроительству, самосовершенствованию, в соответствии с его представлением об идеале человеческой личности.

Мечта открывает перспективу, её высота мобилизует силы, закаляет волю, характер. Но речь идёт не о пустом, беспочвенном мечтании — о построении воображаемого «я» из имеющихся задатков, своеобразия личности. Учитель по крупницам отмечает первые ростки, первые микроэлементы будущего, лучшего человека. Строить его надо из доброкачественного «сырья», отметать всё дурное, слабое, мешающее здоровому росту.

Без сознательной активности самого человека в созидании своей личности не может быть воспитательного процесса. И не надо макировать наши намерения. Педагог пришёл в школу, чтобы помочь ученику стать человеком. Но здесь ничего нельзя добиться принуждением, только примером, совместной борьбой за лучшее в каждом.

NB Педагогическое кредо М. П.

Вот какой, думается, должна быть наша педагогическая позиция: «Мы вместе будем бороться, вместе жить, вместе работать над собой, будем бороться сейчас и готовить себя к завтрашней, ещё более напряжённой борьбе за самую святую мечту человечества: коммунизм. И ради счастливого будущего нашего народа, народов земли мы станем работать над совершенствованием и укреплением своих сил». Акцент должен быть очень точным: не «совершенствуйся, расти, а я погляжу, как ты это будешь делать, и подсоблю», а «мы вместе будем, обязаны расти, потому что в ответе за свою землю». Такая позиция снимает отчуждение и делает ученика борцом уже на старте жизни. Он не готовится к борьбе, а борется уже сейчас.

Я не верю в педагогику вещаний. Я верю в педагогику борьбы, борьбы не рядом с учеником, а вместе с ним, плечом к плечу. Великий и вечный вопрос «зачем?» ставит перед нами цель. Чтобы не растеряться в сложных, драматических коллизиях жизни, учителю и ученику надо всматриваться в будущее, всякий раз уточняя, совершенствуя его образ. Это большая, напряжённая, требующая систематических и целенаправленных усилий работа. Опора мечты — марксистско-ленинское мировоззрение. Мечта должна быть радостной, светлой. Помните Чернышевского: «Будущее светло и прекрасно!» Мечта — непревзойдённый стимул поисковой активности человека, если она не набросок, не схема, а яркая, физически ощутимая картина, с которой человек сросся, как с реальностью, отодвинутой во времени.

У вас не получилось? Слабо мечтали или мечтали в одиночку.

«Моя душа, я помню, с детских лет прекрасного искала...»

«Я знал одной лишь думы власть,

Одну, но пламенную страсть...»

Страстно искала душа, и родился гений.

Каждый находит в жизни то, что хочет найти. Если наши ребята будут искать светлое, они его найдут непременно. Важно, чтобы у

этого поиска был верный компас — мечта. Учить и учиться мечтать, переносить воображаемого себя в воображаемое будущее, видеть будущее своё и своего народа — один из самых надёжных и действенных педагогических приемов.

Наши наблюдения, беседы с ребятами и их родителями подтверждают, что те, кто успешно учится в школе, активны в общественной жизни, отличаются более развитой способностью видеть себя в будущем. Я имел возможность множество раз убеждаться в том, как живительна для юного ума мечта, как пробуждаются способности у «неспособных», если с ними ведётся систематическая работа по развитию воображения, созданию оптимистического образа их будущего. Ищите двигатель развития во внутреннем представлении человека о себе и своём месте среди людей, в программе его жизни. Хотите, чтобы дети жили счастливо и интересно? Мечтайте с ними. Хотите вырастить бесстрашных борцов за светлое, высокое, доброе? Учите их мечтать о светлом, высоком, добром. Хотите убить личность? Убейте мечту. Мне созвучна мысль Рериха: «В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но ещё более замысли. Даю вам жизненный совет: имейте мысли чистые и сильные, наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь её в постоянный праздник. С улыбкой истинного познания внушайте детям вашим непобедимое Желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведёт вас к Прекрасному».

В неспешном общении

— Да преувеличиваете вы всё! — раздражённо говорила Людмила Григорьевна Урывкина, опытная, с солидным стажем работы учительница. — Школьная проза довлеет над школьной поэзией. Легко писать о взглядах и вздохах. А в жизни школа держится на режиме, строгости. Надо держать учеников в руках, как нас держали! Что они понимают, чтобы в глаза им заглядывать? Пусть они в мои заглядывают. Я одна, а их десятки, сотни! С нами не церемонились, поэтому и в люди вышли. Так мы же боялись встретиться с учителем на улице!

И если сказал учитель: надо делать так, в мыслях не было, чтобы не подчиниться. А сейчас? Ты ему слово — он тебе десять! Работать невыносимо и без ваших тонкостей. А если начнём в глаза им заглядывать, то уж лучше из школы вон... Мы итак здоровьем негодные...

Людмила Григорьевна помолчала, затем, будто решившись на что-то, заговорила ещё более горячо:

— Вы, Михаил Петрович, детей выдумываете. Дубенко, по-вашему, личность? Он мне вчера урок сорвал! Так мне с ним как — ласково разговаривать? Гнать таких надо. Может, они там, — кивнула она в неопределённое пространство, — людьми станут. Дети играют с вами во взрослых. Может, и не надо было вам это говорить, но раз начала — скажу.

Лицо и шея собеседницы покрылись красными пятнами. Видно, нелегко ей давалось каждое слово.

— Все возмущаются, что при вас невыносимо работать. В институте неглупые, между прочим, люди советовали держать дистанцию с детьми. А вы с ними за руку здороваетесь! — Урывкина произнесла «за руку», а глаза её округлились так, будто она сказала: «Ударили по лицу!»

— Ну ладно, может, и впрямь мир перевернулся — здоровайтесь, как хотите, зовите на «вы», но нас на это не подбивайте! Теперь о вашем самоуправлении. Я согласна: надо развивать. Развивайте, мы вам и слова не скажем, но не до такой же степени! Дети есть дети. Их помани — они, конечно, потянутся. Ну как же — «командиры», «вы»! Но есть особенности возраста, определённый уровень понимания. — Урывкина махнула рукой, мол, бесполезный разговор, и села.

Наступила тишина. Было слышно, как за перегородкой капает вода из плохо закрученного крана.

— Ну вот, — я постарался придать голосу спокойный тон, — теперь, наконец, появилась двусторонняя связь. А то беседы наши скорее походили на монологи ведущего. Я говорю — вы молчите. Нам вместе думать, беседовать, спорить, приходиться к общему знаменателю и снова думать, искать... Людмила Григорьевна высказала общее мнение?

Никто не проронил ни «да», ни «нет». Молчали.

«Почему? — думал я. — Ведь вижу, что многие не согласны». А как хотелось, чтобы взорвалась тишина, чтобы сказал кто-нибудь, хотя бы шёпотом, головой бы качнул: «Нет».

Я медленно обвёл лица собравшихся, и вдруг ярко представилась тишина первых минут «беседы» с восьмиклассниками в день моего приезда. То же выжидание и опущенные вниз глаза. Дети! Мы такие же дети. Почему не сесть рядышком и не заговорить своим голосом о том, что мучит нас, что требует решения, о том, как выстроить жизнь, чтобы дышалось и думалось в ней легко, естественно, свободно?

Мы либо молчим, либо спорим так, будто идём на эшафот. Надо снять эту напряжённость. Это хорошо, что она высказала своё мнение. Начался диалог. Это хорошо.

Встретился глазами с Людмилой Григорьевной, ободряюще кивнул ей и сказал для неё, для себя, для всех:

— Ничего. Разберёмся. Мы продолжим разговор, его нам вести всю жизнь. Важно, что сегодня он начался.

Я улыбнулся, и мне показалось, что в глазах учителей — понимание, доброе участие.

— Ну, вы и артист! Идёте, будто с праздника, — сказал мне художник Николай Николаевич Чернов. — Представляю, что у вас на душе!

— Легко у меня на душе! Легко, Николай Николаевич! — улыбнулся я. — Лёд тронулся.

Чернов пытался уловить в моих словах иронию. Но мне, в самом деле, было легко. Легко оттого, что взял, как говорят музыканты, верную ноту. Оттого, что стоявший за моими плечами опыт, ободрял: успех там, где высказывают свою точку зрения, спорят, прежде чем принимают решение, и, приняв его, не отступают.

— Будете играть в демократию? — усмехнулся Чернов. — А вам не кажется, что ваша позиция загубит дело?

— Нет, Николай Николаевич, не кажется. Вот если будем **играть** в демократию — загубим всё, потому что убьём интерес. В нашем деле без разума, причём, заметьте, творящего разума, не жить.

— А вам не кажется, что «совещание», где вы «вместе со всеми» анализируете, планируете, — спектакль одного актёра на глазах у публики? Ведь в конечном счёте мыслите вы, остальные внимают по мере сил. Давайте начистоту. Разве вам не хочется исполнения ваших идей? Дело бы от этого только выиграло. И мы двигались бы семимильными шагами.

— Кто это «мы»? — чувствуя, как гаснет настроение, спросил я.

— Как это? Мы — весь коллектив.

— Хотите из меня паровоз сделать? Школу — вагоном, а учителей — пассажирами, которые в любой момент могут сойти на очередной станции? Это, по-вашему, коллектив?

Николай Николаевич поморщился.

— Я за порядок, когда каждый чётко знает своё место, свой поток и не лезет решать мировые проблемы. С кем тут советоваться? Дали указание — и контролируйте неукоснительное исполнение!

— А вы страшный человек...

— Потому, что я за порядок?

— Нет, потому что порядок ваш — синоним насилия. Откуда такая нелюбовь к людям?

— Ну, зачем же сразу «нелюбовь». Вы, Михаил Петрович, предпочитаете лирические отступления. Честное слово, не мешало бы обогатиться некоторой долей прагматизма. Будем честны друг перед другом: ваш оптимизм по поводу талантов и гениев — разве не тактика руководителя? «Могущество человеческого разума», «возможности развития способностей до уровня таланта» — приятно щекотать честолюбие. Но сами-то вы разве не видите, что это эдакий «город солнца»? Вот я, к примеру, умён от природы. А «глупец останется глупцом, хоть осыпь его звёздами».

Собеседник говорил язвительно, с заметной долей цинизма, которым мастерски владеют люди компьютерного склада ума.

— Не нравится, когда снимают с ваших идей лирические побрякушки?! Вам это не говорят в глаза, а за глаза об этом судят многие. — Николай Николаевич усмехнулся. Губы его в уголках сжались, будто он собирался через секунду освистать меня. — Впрочем, мы отвлеклись...

— Нет, это не отвлечение. Вы не верите человеку, не верите в его талант. В этом истоки вашего стремления к жестокости, дисциплине насилия.

Я не мог говорить спокойно, как ни старался. Не мог, потому что он не первый ратовал за то, чтобы «прижать», действовать по принципу «не хочешь — заставим!». Меня и до него упрекали в том, что либерализмом своим гублю идею. Но можно ли, думая о всестороннем развитии личности, решать эту задачу кнутом: «Ах, ты не хочешь быть всесторонне развитым, умным, творческим?! — Заставим! Приучим!» Развитие и насилие. Можно ли связать одно с другим? Талант — всегда любовь к жизни, к людям, к Родине, острое чувство собственного достоинства.

— Обиделись? — Николай Николаевич изучающе вглядывался в мои глаза.

— Обиделся? Нет! Скорее, огорчился. Страшно стало за вас. Вы утопили себя в прагматизме! Вдруг это у вас навсегда?! С чем же вы к детям идёте?

— А что дети! — он отмахнулся. — Я с ними языком красок говорю. На уроках рисуем. Намекаете, что не подхожу вашей школе? Уйду хоть завтра! А вы оставайтесь со своими «мыслителями», — художник презрительно кивнул в сторону учительской и пошёл.

— Михаил Петрович! — позвал кто-то.

Обернулся. Навстречу Дубенко. Это о нём Людмила Григорьевна: «...гнать таких».

— Что, Вася?

— Вы... из-за меня?

— Н-нет...

— Вам уже, наверное, сказали, что я...

Василий смотрит в глаза. Смотрит напряжённо.

«Что у него творится сейчас в душе! Ну чего же я молчу!»

— Понимаете... — Вася беспомощно подбирал слова, — понимаете... те...

— Знаю, Вася. Знаю, отчего вы сорвались. Не хочется быть отстающим, рвёте себя, мечетесь, хотите рывком покончить с путами когда-то непонятного, невыученного. А рывком не выйдет! Но надо держаться. И вы выдержите. Это я точно знаю.

Наши глаза встретились. Он хочет знать: верю я ему или «воспитаваю»?

— Признание придёт, — продолжаю я. — Да не смотрите так — верю! Сам когда-то запустил учёбу в пятом-шестом, а потом ох как непросто было подниматься!

Перешёл на воспоминания, дал ему возможность увидеть, что на самом деле верю. Когда душа человека в смятении, упрёки принесут только дополнительные страдания. Здесь важно «войти» в его состояние и осторожно выходить с ним вместе из оцепенения духа, из неверия в свои возможности. Только искренность, бережность и вера помогут.

Я видел, как светлело Васино лицо, и видел, что он нарочито сопротивлялся этому усилием воли. Хотелось продлить минуты доброй оценки своих достоинств. Редко приходится парню слышать, в чём его сила, где у него, у Василия Дубенко, хорошо.

Разговариваю с Васей и вижу, невдалеке нетерпеливо поглядывает на меня восьмиклассница Света Шептун. Что у неё? Хочет о чём-то спросить, предупредить или посоветоваться?

Вася мельком бросил взгляд в её сторону и сказал: «Ну, я пошёл?»

— Идите, Вася...

С каким чувством он уходит? Вася понимающе произносит: «Нормально». Смотрю ему вслед. Всё-таки переживает. Ещё бы: какая ноша легла на его плечи! Этому тринадцатилетнему пареньку, делающему робкие шаги себе навстречу, нужны силы, чтобы выстоять. С первых классов неудачи в учёбе, срывы, ярлык отстающего сделали его «трудным».

Подходит Света.

— Поговорите с Маловым, — без всяких вступлений произносит она. — Он какой-то раздражительный. Я пыталась сама, ну вы же знаете Малова...

— Вам известна причина?

Отрицательно качает головой. Потом, словно размышляя вслух, произносит:

— Может... с Ирой что?

— А как Ирина?

— Да Ира вроде бы внешне ничего. Но тоже, по-моему, взвинченная.

Смотрю на умное, сосредоточенное лицо девушки и радуюсь: «Хорошо, Света, хорошо, что вы такая».

— А вы мрачный. Неприятности?

— Да, поспорили с Николаем Николаевичем. Но уже легче!

— Я решила поступать в педагогический, — тряхнула упрямо головой. — Или не потяну?

— Вы?! Конечно, потянете! — без промедления отвечаю и вижу, как засияло радостью её лицо.

Звонок. Света бросает на ходу: «Так не забудьте про Малова!» — и бежит в класс.

Беспорядочный перестук шагов, всплески разноголосицы. По коридору идут ребята. Через минуту школа притихнет, но тишина эта обманчива. Там, за дверями классов, надвигаются мгновения испытаний младших и старших. Кому-то станет радостно, у кого-то опустятся плечи... Смотрю на идущих, и сердце сжимается в необъяснимой тоске. Отчего она? Оттого, что не увидел? Или не успел? От сознания невозможности быть всюду?

Вспомнился неприятный разговор. Как он сказал? «Пусть каждый знает свой «потолок»!» Нет, не согласен. Жизнь человека не укладывается в инструкции и приказы. «А вдруг уйдёт? — похолодело внутри. — Кто же вести уроки будет? И тут же ещё более тревожная мысль: «А если останется?» Представил лицо, искажённое презрением. Представил, как «приказываю» ему помочь Дубенко понять себя или как, действуя в соответствии с моими «указаниями», он «беседует» с Маловым. «Может быть, это наносное, не его сущность? Иначе жалеть нечего — пусть уходит, — подумал решительно. — Рисованию он, может быть, и научит, духовности — никогда! А нам надо, чтобы у каждого Леонардо был... в сердце».

NB Ни раз слышал реакцию на такие фразы: мол, причем тут духовность? Либо умеет рисовать, либо нет. Либо умеет играть на фортепиано, либо нет. Либо умеет решать задачи, либо нет. И вот приходишь на концерт, техника великолепная, а музыки нет. Да и не в этом дело. Правда верю, что жизнь измеряется теми моментами, когда от тебя требуется быть человеком. И как часто ты оказываешься не готов, потому что когда-то закрылся в тебе клапан души. Никак не можешь сделать выбор в пользу «быть», а не «казаться». В своем додумывании педагогики на каждой развилке мысли М.П. делает предельные педагогические выборы в сторону ЧЕЛОВЕКА.

Мимо прошёл Дубенко, кивнул мне, взгляд открытый, доверчивый.

«Вы их выдумываете», — вспомнил слова Людмилы Григорьевны. А Света Шептун? Ведь не случайно она подошла ко мне. Она же меня настраивала на работу! И фраза её об институте. Неожиданная веселость в конце разговора. Она переводила меня из круга неприятностей в русло новых забот. Вспомнил, что она не сразу спросила о неприятностях, а только когда увидела, что я говорю с ней в новом настроении. Ах, Шептун-Шептун!

Нет, Людмила Григорьевна, это мы через шоры «взрослости» не видим богатства юной души и своей пренебрежительной снисходительностью программируем, насаждаем в неё жалкое кривляние детскости, растим мелкий умишко. Пусть я ошибаюсь, выдумываю, преувеличиваю, но мои «преувеличения» — зов к высоте, предвос-

хищение их «я» в завтра. А ваше «правдивое» разоблачение ребят — подчёркивание в них серости, путы духовности. И в этом — трагизм их общения с вами.

Однажды после моего выступления в Доме вожатых Всероссийского пионерского лагеря «Орлёнок» ко мне обратились с вопросом: «Какое из свойств личности или какая способность, без которой учитель не может успешно работать с ребятами, наиболее трудно достижимы?» В голове мгновенно пронёсся целый ряд безусловно необходимого и «трудно достижимого», но выплеснулась наверх способность, которую я назвал «тонкость мировидения».

NB Тонкость мировидения, тактичность педагогическая, родительская, человеческая, — много неопределимого необходимо педагогу в его отношениях с детьми. Это неопределимое проявляется во взгляде, в голосе, в интонации. Действовать немедленно или подождать? Пресечь или дать возможность, чтобы само обустроилось изнутри ребенка? Сказать или согреть без слов? Все это «тонкость мировидения», которая есть в каждом из нас, если души наши согреты, в каждом ребенке, если мы не оказались производителями жалкого кривляния детскости...

Поясню, как я это понимаю.

Мысленно пройдем по школьному коридору. Перемена... Видите вон того высокого парня у окна? Ему больно... У него плачет спина. Подойти или оставить одного? Поддержать сию минуту или лучше сделать вид, что не заметили его состояния?

А вот его товарищ, Саша...

— Здравствуйте, Саша! Что с Олегом? Не знаете? А на уроке? Нормально, говорите?! Вы подошли бы к нему, а там видно будет...

Саша качнулся было к Олегу, потом приостановился и, наконец, решительно двинулся к другу...

— Здравствуйте, Таня!

— Здравствуйте!

— У вас неприятность. Нужна помощь?

— Не надо, я сама.

А здесь — смотрите! Несётся солнце! Чёткое стаккато каблучков словно выбивает искры! Перезвон света в задиристых белых кудряшках сливается с музыкой серых глаз.

— Здравствуйте! — обдала радостью и пронеслась дальше, щедро расплескивая её по пути всем: хмурым, весёлым, грустным. Сколько здоровья, силы, энергии! Молодец, Валентина!

Эй, да она не одна! Света, Галя, Федя, Вася, Ира... Ясно! Комитет... Комсомол таким и должен быть: оптимистичным, крепким, мажорным!

А вот тут тоска...

— Катя, здравствуйте!

— Здравствуйте... — нехотя и высокомерно.

Да, опять, наверное, поссорилась с кем-то. Что с ней делать?! Обидчивая неимоверно! У Олега боль-горечь, а у Кати боль-вызов: «Не нуждаюсь я в вас!»

Вот и командир её бригады.

— Серёжа! Вы не скажете, что с Катей? Она с кем-то в ссоре?

— Да нет! Опоздала вчера на работу. Вот ей и досталось.

— А причина опоздания? Не знаете?! Как же это вы, Серёжа?

Слышите? Опять чей-то тревожный шаг... Кто это? Щёки бледные... в глазах укор и боль. Как меняется человек! Смотришь в такие моменты и не узнаёшь. Не зря говорят: «Что с вами? На вас лица нет!»

Это Витя. Ему двенадцать. В доме ежедневные скандалы, побои, материнский плач. Отец — пропойца и дебошир. Сердце у парня слабенькое...

Но что это? За дверью учительской «рычит» мужской зычный голос:

— Бессовестная! Чтобы завтра были родители! Не надо мне рассказывать! Я знать не хочу! Пиши!

Захожу. Пунцовый от гнева преподаватель возвышается над столом в позе обвинителя. Напротив, непривычно сгорбившись, Ира Гончарова.

Гончарова Ирина?! Удивительно чуткая к состоянию другого, честная, волевая и сильная натура. Глаза большущие, смотрят открыто и доверчиво. А в этой открытости отвага: «Всё равно я верю — мир прекрасен! И вы, кто на меня смотрит, красивы!» Быстрая на подъём, Ира отвечает за шефскую работу комитета комсомола школы.

Вчера вместе с пионерами сажала картофель на огородах инвалидов Отечественной войны, одиноких стариков. А сегодня утром я видел, как старушка угощала Иру и её ребят оладьями...

— Зачем вы, бабушка? Мы же не ради... — смущалась Ира.

— Не обижай, внученька! Дай бог тебе здоровья! Деткам твоим спасибо. Чтобы я делала. Одна я... — старушка заплакала и сквозь слёзы: «Нечем мне вас отблагодарить. Не обижайте! Поешьте, прямо с пару...»

Ира взяла узелок из дрожащих старческих рук, стала сама угощать ребят: «Ешьте, ешьте, пока горяченькие», — приговаривала и вдруг заплакала.

Из каких тайников души возникло сострадание? Как она почувствовала боль немощного человека, его тоску по молодости?

И вот через час, закусив бледные губы, на тетрадном листке выводит: «Я, Гончарова Ирина, объясняю, что не выучила § 43, потому что не смогла правильно организовать...»

Я взглянул на преподавателя и сказал Ире:

— Оставьте нас, пожалуйста. Идите, прощу вас!

Девочка вышла. Едва сдерживаясь, чтобы вот также, как он, не перейти на крик, не наговорить лишнего, я выдал из себя:

— Зачем же вы так?! — Это же... Гончарова. Как вы могли выговорить ей: бессовестная. Эта хрупкая девочка посадила вчера старикам пять огородов картофеля! Вы, здоровый, крепкий мужчина, видимо, и не подумали помочь им. И она вас не упрекнула... «Параграф 43! ...»

Минута школьной перемены, а сколько маленьких набросков-сюжетов!.. Не пропусти, учитель, эти мгновения. Держи в своих руках связи-нити, соединяющие тебя с учениками. Подвижные, неугомонные, они чего-то добиваются, что-то ищут, очаровываются и разочаровываются. Попробуй уследи за постоянно меняющейся гаммой их чувств, настроений, мыслей... Но чем больше мы видим и понимаем, тем богаче наш педагогический арсенал, тем тоньше воздействуем на рост их души. Духовность развивается в «неспешном общении», заметил Виктор Астафьев.

Неспешное, т.е. предельно внимательное, всматривание в мир человека, проникновение в суть сказанного им, в интонационный строй его речи, в симфонию его движений. А глаза ребёнка! Сколько в них можно прочесть чувств, состояний и переживаний, мотивов тех или иных поступков. Не спеши, учитель. Скорочтение твоё равносильно легкомыслию и профессиональной некомпетентности.

Неспешность общения исключает равнодушие. Она требует от учителя смотреть активно, слушать активно, думать активно, действовать активно и побуждает к тому же учеников. Учитель — в цен-

тре бурлящей страстями жизни юных. Каждое мгновение появляются или рвутся нити-связи между ними, всё сложнее и богаче кружево привязанностей и антипатий. И нам дано быть творцами-художниками, создающими красоту их отношений — друг к другу, к людям, жизни.

Именно неспешное общение рождает тонкость мировидения.

НВ «Неспешное общение рождает тонкость мировидения...» Такова душа педагога. Таков ее настрой. Как по-другому? Понимаешь ли ты, читатель, о чем идет речь? Неспешное общение, предельно внимательное всматривание в человека, слух на то, что происходит внутри ребенка, но еще не умеет сказаться...

А для этого нужно, чтобы зрячим было наше сердце, главный педагогический инструмент учителя. Инструмент познания самого себя, жизни, души ребёнка.

Жизнь — бесконечное познание.

Возьми свой посох и иди...

И я иду... И впереди —

Пустыня, ночь и звёзд мерцанье...

(М. Волошин)

Уроки неспешного общения

Когда я пишу эти строки, за окном идёт снег... Белые пушистые звёздочки, обняв друг друга, плывут в мгlistых волнах пространства, медленно опускаются на землю. И я вспоминаю...

Стою у окна в школьном коридоре. В сгущающихся сумерках зимнего вечера надрывно и тяжело стонет вьюга. Мне кажется, что это во мне стонет что-то одинокое, уставшее, обиженное. Сегодня уехали два очень нужных школе специалиста — художник и балетмейстер. Кто будет вести уроки? Третий год пытаемся начать реализацию программы эксперимента в полном объёме, и третий год не удаётся. В отличие от Ясных Зорь в Зыбкове экспериментальными стали сразу все классы: с первого по десятый. Кадры — один из важнейших вопросов, от решения которых зависит успех, — для нас постоянный

камень преткновения. Уход же учителя в середине года равносильно провалу: заменить его некем. А тут сразу двое.

«...Из-за неудовлетворительных жилищно-бытовых условий», — написали в заявлении ушедшие. Была в этом правда, была... Не смогли мы обеспечить их квартирами. Были трудности и в снабжении продуктами питания. Сельского жителя кормит земля, его приусадебное хозяйство. Поэтому местный магазин торговал чаще всего тем, что не производилось самими зыбковчанами. «Отделы» зыбковского «гастронома» для приезжих педагогов не имели стен, их нередко надо было искать на разных улицах, у разных хозяев, в колхозной кладовой или выезжать в районный центр, ехать за пятьдесят километров в Кременчук.

Выходцы из села приспособлялись быстро, обзаводясь собственным хозяйством. А городские входили в новое своё экономическое положение болезненно, с трудом осваивая азы сельского уклада. Уехавшие — городские...

Но была и другая, может быть, самая главная причина их ухода из школы. Не поверили... Не поверили в перспективность нового дела, не увидели будущего в затратах своего труда.

— Не верю я в это — так и сказал перед отъездом художник Чернов. — Дело гиблое! Не зря мы говорим: «Алло, мы ищем таланты!» Ищем как редкость, как случай! А тем, о ком вы печётесь, — все равно какая школа. Для них — лишь бы она скорее кончилась, да вырваться бы из этого села. Что я, например, здесь увидел? Грязь, лай собак, коровы да мужицкую грубость — вот и все впечатления, если не считать вашу наивность. Окружили себя выдуманным миром. — Художник помолчал, ожидая реакции на сказанное, а затем вдруг спросил: — Вы хоть сами-то понимаете, что вы неудачник? Может быть, фантазии вокруг «духовных богатств» ребёнка — это самозащита?

Я молчал. Ни спорить, ни убеждать его мне не хотелось. О чём говорить, если у ног стоял чемодан. К тому же я понимал, что Николаю Николаевичу не нужны были мои слова. Ему надо было выговориться, оправдать перед самим собой свой поступок...

Снежинки бились о стекло, беспомощно соскальзывали вниз и тут же исчезали в бездонной холодной темени. Сейчас придут директор школы (к этому времени им стал Н.В. Кожухарь) и его заместители. Будем думать, уже в который раз, как выйти из создавшегося положения. Директора ждём из Кировограда. Там должна была состояться встреча с семьёй учителей (он художник, она балетмей-

стер), которые вроде бы согласились приехать к нам на работу. Это не первая поездка по кадровым делам. Предыдущие были безуспешны. С чем он придет сегодня?

Щелкнул выключатель, коридор мгновенно залило ослепительным светом.

— Добрый вечер, Михаил Петрович! — радостным хором вместе со светом выплеснулось в коридор.

Обернулся. Ребят казалось особенно много от того, что они словно родились светом, заполняя вместе с ним всё пространство. Ко мне шагнула Ира Малетина, секретарь комсомольской организации школы, и без всяких объяснений сообщила: «Через три минуты у нас расширенное заседание комитета... Просим вас принять участие».

— Комитет? Почему сейчас, в субботу?

— Повестка дня: «Как быть в сложившейся ситуации», — словно читая мои мысли, сказала Ира.

— С-ситуации?

— Мы будем говорить о том, о чём вы здесь думали в одиночестве. Или вы не хотите думать с комитетом?

— Почему не хочу?!

— Тогда идёмте с нами!

Говорят, что жизнь есть непрекращающаяся цепь начал. Видимо, это так. Во всяком случае, в тот вечер это утверждение для меня наполнилось реальностью.

NB Если бы получилось сообщить эту весть нашим детям... Это бы открыло неисчерпаемые резервы их сил. Провалы, неудачи, отставания стали бы преодолимыми проблемами. «Никогда не поздно», «за поворотом нас ждут новые возможности, новая жизнь», «все не так страшно, как кажется сейчас; нужно только засучить рукава и сделать первый шаг»... А еще важнее помнить про эти истины нам, педагогам. Нас бы это избавило от многих лишних слов, неточных поступков в отношении детей.

«Золотые люди, настоящие товарищи... — думал я, пока мы раздвигали столы, ставили большим кругом стулья, «чтобы глаза в глаза». — Сколько бы мы уже сделали, если бы не срывалась программа эксперимента, если бы так не затянулся подготовительный период!...»

Я оценил желание ребят быть рядом, но не предполагал, насколько обижал их внутренним своим настроем: «А чем вы можете помочь?» Ожидая появления директора, посматривал на дверь, рассеянно слушал выступающих, но вдруг словно проснулся: говорили не дети, а взрослые, рассудительные люди. С изумлением я ловил каждое их слово.

— Мы неправильно ведём себя с новыми учителями. Видим, как трудно им вживаться в сельскую жизнь, проходим мимо, да ещё и посмеиваемся: «Смотрите, он пилу не умеет держать!» — это Люлин Сергей, оставшийся после десятого класса рабочим-наставником в цехе сборки микрокалькуляторов. — Помнишь, Володя, — обратился он к Стрельцову, — как мы вместе с тобой в кругу хлопцев слушали «разговорчики» разные о Николае Николаевиче? И ни ты, ни я не вмешались, не остановили. А теперь руками разводим: что делать? Ему нужна была поддержка. Надо было помочь ему разобраться, что мы от него хотим, объяснить самих себя...

— Попробовал бы ты к нему подойти! — возразила Катя Хрущёва. — Я один раз подошла, так он мне ответил!

— Учителя нас с сосками видят. Ох, и не любят они, если им замечание сделаешь! Я тоже посоветовал Ивану Степановичу, чтобы он спокойнее, без крика общался с нами. Мешает же этим криком себе! — усмехнулся Стрельцов. — Иван Степанович смерил меня таким взглядом, аж похолодело внутри... А вечером я уже отцу объяснял при Иване Степановиче, что имел в виду. Ох, и долго объяснял! С тех пор, думаю, хватит советовать.

Открылась дверь, на пороге показались Ангелина Иосифовна Матченко и Ольга Андреевна Удод, заместители директора.

— Проходите... — пригласила их Малетина.

Круг раздвинулся. Слово взяла Оксана Матченко, председатель совета дружины.

— Мы относимся к учителям с большей требовательностью, чем к самим себе. Они нам наши срывы прощают чаще. Разве это справедливо? Прежде чем делать учителю замечание, надо поставить себя так, чтобы он принял твоё слово как само собой разумеющееся.

— Как это «поставить себя»?

— Поведением своим...

— Ты хочешь сказать, что я себя вела плохо с Николаем Николаевичем? — обиделась Катя Хрущёва.

— Я не тебя имела в виду.

— А кого? Меня? — с улыбкой спросил Стрельцов.

— Что вы сразу на себя переводите?

— Оксана правильно говорит... А то, что было с Катей и Вовкой, — результат давно сложившейся дистанции между учителями и учениками. И раз мы хотим новых отношений, надо запастись терпением...

— Ну, ты научишь! Терпением только в церкви можно авторитет завоевать!

— Я про другое терпение, про активное... Меня человеком делали, знаешь, с каким терпением! — Вася Кораблёв обернулся ко мне за поддержкой. В его глазах вопрос: «Правильно говорю?»

— Учиться нам надо разговаривать... — подытожила задумчиво Никиташева Света. — И не только с учителями. Друг с другом, с родителями. Не всегда мы умеем сказать так, чтобы не обидеть. Я по себе сужу. Когда мне делают замечание равнодушно, как само собой разумеющееся, мне обидно. Хотя вроде бы и понимаешь, что говорят-то правильно. А протестует что-то внутри. Но если чувствуешь, что человек говорит о твоём и с тобой переживает, что ему больно за тебя, не обижаешься, наоборот, хочется исправиться!

— А почему мы говорим о замечаниях? Разве это единственный способ общения с учителем? — заговорила Ира Гаврилова. — Помоему, важнее подсказать, где у него получается. Как у нас «огоньки» в бригадах проходят? Михаил Петрович! Почему вы молчите? Вы же нам на кафедре педагогики что говорите? Искать в человеке положительное. Разве учитель не нуждается в том, чтобы мы помогли ему себя со стороны увидеть? Мы-то его видим чаще вас! А как прошёл урок, разве не надо у нас спросить?

— Вот теперь дайте мне слово, — поднял руку командир производственного объединения Федя Кораблёв. — Ирина и моё мнение высказала. А то, думаю, куда-то нас не туда несёт. Замечания, советы одного человека многое не изменят. Насчёт «огоньков» в бригадах Ира говорит правильно. Там мы анализируем прожитый день, отмечаем, кто как работал, как себя вёл с товарищами. А почему такие же коллективные анализы, где каждый мог бы высказать своё мнение и о себе, и о других, и о самом уроке, о работе учителя, нам не проводить после урока? Учебная работа идёт у нас без коллективного анализа. Мне кажется, это неправильно.

— Федя! А где взять время? — спросил кто-то.

«Вот именно, — подумал я, — где? Боремся за каждую секунду. Но Федя и Ира правы — нам нужны коллективные анализы учёбы».

— Ольга Андреевна! Михаил Петрович! Ангелина Иосифовна! Ждём! Мы думали, у вас готовое предложение... — разочаровано протянула Малетина, видя, что мы молчим. — Так что же, идея анализа не вписывается в наш режим? Жаль...

Ира смотрела в мою сторону, видимо, чувствовала, что меня так и подмывает что-то сказать. Но Ангелина Иосифовна опередила.

— Наше предложение: вопрос о систематическом коллективном анализе учебной деятельности вынести на педсовет. Мы его вместе обсудим. В общем, — продолжала она, — мы «за», но ваша идея вызывает к жизни ещё одну. И её тоже надо тщательно обсудить.

— Но мы не закончили. Дело в том, — опять начала Ира, — что это второе заседание. Мы уже собирались...

— Ир, не тяни, — подбодрили её ребята.

— Мы предлагаем уроки изобразительного искусства дать Шептун, а хореографию — Кучеренко. А то опять кого-нибудь в середине года возьмём впопыхах. Света и Валя справятся! А пока они работают, можно спокойно искать замену.

«Как же мы раньше не подумали об этом!» — мысленно отметил я.

— Светлана была организатором и ведущим исполнителем художественного оформления второго этажа, вся роспись пола, стен — её с ребятами работа, — секретарь говорила уже спокойнее, чётко аргументировала предложение комитета комсомола. — Валя Кучеренко — солистка танцевального ансамбля «Росинка», его директор. Обе они с людьми работать умеют. Ну что ещё... скромные, хорошие девчонки. Да вы же их сами знаете! Уроки они уже вели. Кафедры им помогут.

— Ну что? — с едва скрываемым внутренним восторгом спросила у меня Ангелина Иосифовна.

— У меня сомнений нет.

— И я так считаю. Вот только Николай Васильевич...

— Я за! — вырос на пороге Николай Васильевич Кожухарь.

Его появление внесло весёлое оживление в наш круг. Напряжённость уступила место той уверенной бодрости, которая приходит как награда за трудную, очень важную работу.

— А я не хотел прерывать Иру, — улыбаясь, признался он. — Думаю, будет пауза — зайду. Так что невольно подслушивал. Я — «за!» — повторил опять. — И чего только в Кировоград ездил? А ездил, кстати, без толку. Далеко, говорят, от города, и заработок не устраивает.

Он махнул рукой, словно отталкивая неприятный образ, и уже подчёркнуто серьёзно, почти торжественно произнёс:

— А придумали вы здорово! Это — выход!

Но точку здесь я не ставлю. У того зимнего вечера был грустный эпилог. Когда мы шли весёлой и шумной гурьбой из школы, я заметил, что Ира была какой-то подавленной. Это никак не гармонировало с тем, что окружало нас. Вверху большим лучащимся шаром висела луна. Облитый её магическим светом снег лежал под ногами бугристой белой скатертью, сверкал серебристым великолепием, ворчливо поскрипывая в такт шагам. Было свежо, прохладно и празднично.

— Вы чем-то расстроены, Ира? — спросил я, когда мы чуть поотстали от шумной компании.

— А вам весело?

— Ну, не весело, положим, а хорошо, радостно. Что вас огорчает?

— Вы...

— Я?

— Да, вы. Вы тоже нам не до конца верите.

Я едва не задохнулся от удивления.

— Как вы к этому могли прийти?!

— Наблюдала за выражением вашего лица. Вы нас усиленно поощряли, восхищались. Слушали с умилением. Как же — деточки, оказывается, мыслят и могут говорить дельно! А мне ваше восхищение... — Ира остановилась, подняла на меня глаза. А в глазах столько горечи, укора, что все мои слова, которые я приготовил, пропали, потеряв и вес, и смысл. Ирина не смотрела, всматривалась в меня так, будто хотела достать самое дно моего «я».

— Неужели вы тоже из диспетчеров?

— Каких диспетчеров?

— Взрослости нашей, — вздохнула она. — Захотел — включил: пусть побалуется, поуправляет собой, нами. Захотел — выключил. Удобно, правда? А взрослость — это что, образование, возраст?

NB Диспетчеры взрослости детей. Захотел — включил, захотел — выключил.

Дети могут увидеть нас и такими. Никто не любит, когда его воспитывают, какими бы продвинутыми методами это ни делали. Манипуляция — самая неправильная история по отношению к другому человеку. Но как же справиться? Как помочь

детям? Кажется, большая часть педагогики — это манипуляция из лучших побуждений.

Но не так у М.П. Никаких игр. Никаких хитрых приемов. Только прямой ответ, готовящий прямой вопрос. В результате у всех прямые спины — и у детей, и у педагогов.

— Ира...

— Не надо, Михаил Петрович, ничего говорить. Вы лучше подумайте. Вам верят. А сегодня не лучший ваш вечер. Не обижайтесь. Вы бы не спросили — я бы не ответила. Хотя рано или поздно надо было вам сказать. Ну, я пошла, — она опять вздохнула и зашагала к ожидающим её ребятам.

Ну и вечер!.. После первых попыток оправдаться перед Ириной и перед собой я всё больше убеждался: она права. И от сознания её правоты что-то сдавливало грудь, хотелось вырвать из себя то самое «нечто», которое удивлялось и восхищалось... В этом удивлении как раз и прочла о себе Ира: «Вот вы, оказывается, на что способны! Айда ребята! Айда молодцы!» Удивляются тому, чего не ждали. Тоже удивление было во взглядах Ангелины Иосифовны и Ольги Андреевны. И я вспомнил слова учеников о терпении. Не подсказали ли мы саму мысль о терпеливом переубеждении учителя своей реакцией на происходящее? А вдруг так и не сможем подняться до действительной веры, когда ожидание поведения наших юных товарищей будет адекватно их реальным потенциам?!

NB Задача всей жизни педагога — подняться до действительной педагогической веры в неограниченные возможности ребенка.

Обидно и больно стало и за себя, и за ребят. Сколько же нам надо взаимного терпения друг к другу, чтобы старшим не унижаться до снисходительности, а младшим не проявлять показной, нарочитой независимости. Как же нас давит многовековой стереотип отношений старших и младших! Мало сказать, мало подумать о необходимости веры в силы ребёнка, о необходимости разговора с ним «на равных», мало, очень мало. Нужно шаг за шагом, ломая перегородки штампов, идти к высоте равенства с детьми. И только тогда начнётся мучительно трудное, но крайне важное умение смотреть в глаза ребят не сверху, а прямо. Вспомнил вопрос Ольги Андреевны: «Это

вы их собрали?» И ещё раз увидел недоверчиво-ироническое выражение её лица, когда ответил: «Нет!» Она наверняка ушла домой, полагая, что комитет и его решение моих рук дело. Недостает нам пока действительной веры в ученика.

Мы сами, будучи детьми, прошли эту школу искажённых, как в кривом зеркале, отношений взрослого и ребёнка. Внушаем из поколения в поколение: старших надо уважать! А верно ли так упрощённо, от календаря распределять достоинства людей? Ира правильно подметила: взрослость — синоним духовности, ответственности. Не годы нужно уважать, а мудрость, силу духа, независимо от возраста.

NB Педагогическое кредо М.П.

«Скоро тебе сорок, — вёл я с собой мысленный разговор, — а ты всё ещё осваиваешь азы человеческих отношений. Надо спешить. Не заметишь, как пройдёт последний час твоей жизни. О чём подумаешь тогда? Вдруг увидишь глаза детей и прочтёшь в них немой укор: «Ничего ты в нас не понял, потому что не хватило у тебя мужества поверить до конца».

«Предполагай в ученике достоинства до того, как они проявятся, уважай в нём личность и общайся с ним на равных», — записал эти слова в дневник, и стало легче. Завтра в школу пойду чуть более зрячим.

NB Педагогическое кредо М.П.

Светлана Шептун и Валя Кучеренко работали в должности педагогов около месяца, ровно столько, сколько потребовали обстоятельства. Хорошо работали. Но не об этом речь. Важно другое. Решение комитета комсомола стало началом реального, осознанного и действенного сотрудничества учителей и учеников в нашей школе, убедило всех в том, что развитие самоуправления, инициативы каждого — единственно возможный путь совершенствования жизни коллектива, укрепления здоровых отношений между педагогами и учащимися, активное средство воспитания ответственности, гражданской позиции.

Но решительные шаги к открытому диалогу с учеником, педагогике сотрудничества поставили перед нами проблему всестороннего развития, самосовершенствования учителя.

И вновь завьюжило в школе...

— А зачем мне ваша многогранность? Хороший учитель учит тому, что знает сам. Разве этого детям недостаточно?

Такие примерно фразы звучали часто в стенах школы. Неприятие высоты, нежелание или боязнь попробовать себя у иных прикрывалось теоретизированием о пресловутой «золотой» середине, признанием её нормой жизни. Всё, что выше, называлось «завихрением», «из ряда вон», «не от мира сего», объявлялось противоречащим здравому смыслу. И с этой скрытой позицией бороться было труднее всего. Но жизнь рано или поздно потребует перестройки от каждого, ибо реформа школы начинается, прежде всего, с преобразования психологии учителя.

Две полярности

Проблема отношений, общения, взаимопонимания — одна из главных в педагогике. Марксистское понимание личности предполагает человеческое отношение к другому, ко всем людям, к их делам, мыслям, чувствам и потребностям. Подлинное общение невозможно с позиции силы, волюнтаризма, авторитарности. Школа должна воспитывать у своих учеников бережное, гуманное отношение к людям и созданному их трудом, к матери живого — природе. Школа — это её порядки, режим, система обучения, и прежде всего учителя. Каждый из них, ведя свою мелодию, должен уметь слышать, насколько она созвучна другим, чтобы весь ансамбль исполнял одну симфонию.

Успех эксперимента невозможен без сплочения коллектива, объединения усилий педагогов и школьников. Я это хорошо понимал. В этом меня поддерживал и актив учителей, которые, поверив в жизнённость идеи эксперимента, помогали увлечь ею других. За лето 1980 года мы сумели сплотить наиболее активных ребят старших классов, они стали самыми горячими участниками борьбы за новую школу. Кое-кто из педагогов, в особенности авторитарного склада, воспринял самостоятельность этих ребят, их бьющую через край инициативу как угрозу своему привычному статусу командующих. Они увидели в демократичном стиле отношений с ребятами поспрашивание устоявшегося порядка, крах дисциплины и попытались настроиться против эксперимента родителей учеников, что, конечно же, ослабляло наши позиции.

Социально-психологический климат села Зыбкова сложен. В течение почти двух веков оно было расколото на «своих» и «чужих». «Свои» — представители старовойсковской общины, последователи «старой веры», «чужие» — все остальные. Это наложило отпечаток на характер жителей, их образ жизни, отношение ко всякого рода новациям вообще. Знакомясь со старыми людьми, я был поражён их замкнутостью, нежеланием контакта. Замечу ещё, что до самого последнего времени в Зыбкове, как ни в одном другом селе области, остро стояла проблема алкоголизма. Противодействовать негативному воздействию среды наличность детей школе было нелегко.

Выстоим ли? Победим? Вопросы эти здесь были намного острее, чем когда-то в Ясных Зорях. Там было налаженное, крепкое хозяйство, новый с иголки посёлок. И кажется, даже место его расположения на оживлённой трассе Белгород — Харьков подчеркивало устремлённость вперёд. Здесь, напротив, глубинка, разлаженное, задолжавшее государству колхозное хозяйство. Эти обстоятельства осложняли проведение эксперимента. Но уж если в таких условиях мы добьёмся успеха, то более неопровержимое доказательство в пользу принципиально новой организации школы трудно представить.

Мы понимали, что без помощи родителей школе не справиться. Надо было во чтобы то ни стало привлечь их на свою сторону, разрушить стену отчуждения и недоверия. Главным аргументом могли быть не словесные призывы к новому, более чуткому, более глубокому отношению к миру ребёнка, к миру человека вообще, а наглядный показ преимуществ таких отношений, практические результаты.

В ученической среде уже действовал, ошибаясь, путаясь, но действовал актив ребят, хоть и медленно, но всё более увеличиваясь. А педагоги в основном выжидали. Почему? Ведь без всеобщего обсуждения и согласия не осуществлялось ни одно изменение в жизни школы. В июне за два с лишним месяца до учебного года педагогический коллектив сам принял решение о начале эксперимента. Но шли месяцы, а большинство учителей оставались пассивными, ничего не меняя в своей работе, дожидаясь указаний и распоряжений. Проголосовав за какое-либо дело, потом недовольно ворчали: «Напридумали на нашу голову...» Не «мы решили», не «мы придумали», а «кто-то». Иногда даже слышалось: «А вот в прошлые годы...», «мы раньше», «у нас было...».

Неужели мечтали о прежнем?! Провели опрос. Нет, оказывается, все хотят продолжения эксперимента, поддерживают его основные идеи. В чем же дело? Со временем я понял. Есть такое выражение: торопись не спеша. Мы же слишком спешили. Учителя не успевали перестраиваться. На педсоветах учителя поддерживали меня, но проходили дни, и они остывали, не желая или не умея проявлять инициативу, чтобы реализовать принятое совместно решение.

— Мы не против, но как это сделать практически? — спрашивали с беспокойством. Я либо показывал сам, либо приглашал специалистов. Как работать с ученическим коллективом? — посмотрите. Как эффективнее провести урок? — посмотрите. Всё чаще сыпались обращения: «А как здесь сделать, посоветуйте...» Казалось бы, чего желать руководителю? Но чем больше я «горел», бросая себя во все точки, тем больше... гасли глаза учителей. Мне казалось, мало доводов, мало практических примеров, и я добывал их, демонстрировал, объяснял.

Уходя в школу к семи утра, домой возвращался к одиннадцати ночи и падал от усталости. А мои коллеги, видя, что у меня получается лучше, чем у них, подбрасывали мне все больше и больше своей работы, предпочитая оставаться в стороне. Так парализовалась коллективная мысль, и незаметно вместо атмосферы сотрудничества в школе фактически воцарился авторитарный стиль руководства.

Кроме того, сосредоточив усилия на разъяснении преимуществ нового, я допустил ещё одну ошибку: получилось так, что наработанный годами опыт каждого из учителей стал как бы бесполезным. «Старое забудьте!» — звучало в подтексте моих выступлений. Кто же из уважающих себя людей, с чувством собственного достоинства мог отказаться от хорошего только потому, что оно «старое»? А ведь многое из этого «старого» отвечало идеям эксперимента.

Стиль руководства был демократическим лишь по форме, для сотрудничества не хватало внимания к крупным лучшим в багаже каждого педагога. Прививать новое надо было к реальному опыту, к его плодоносящим ветвям.

Отстранённость, а точнее, недостаточная активность и это «напридумали» были неосознанным протестом не против нового, а против его искусственного наслаждения, отрицания всего созданного и добытого прежде.

В человеке уживаются две полярности. Первая открыта сомнению, готова отказаться от приобретённого, жаждет новых впечатлений. Её можно назвать поисковой активностью.

Вторая, напротив, бережно отбирает и сохраняет из бесчисленного количества вариантов действий, способов жить вообще и жить среди людей наиболее пригодные, ценные. Обе полярности взаимозависимы и взаимодополняемы. Первая, разрывая цепи второй, толкает нас к исследованию, новаторству. И мы рискуем, пробуем, отвергаем, находим. Вторая, озабоченная сохранением наиболее существенного из опыта, учит нас строгости и придиричivosti, заставляет действовать по принципу: «Сто раз отмерь — один отрежь», не спешить расставаться с проверенным и благоприобретённым.

Тому, кто увидел новое, надо быть готовым, что другими оно может восприниматься как несостоятельное. Стремясь немедленно передать новшество всем, мы и не подозреваем, что такая торопливость только вредит делу. Мы же часто подобны путешественнику: увидев прекрасный пейзаж, нетерпеливо вырываем руль у водителя машины, несущейся с огромной скоростью по накатанной дороге совсем в другую сторону.

«Тот, кто поспешает, также опаздывает, как и тот, кто медлит», — предупреждал ещё Шекспир. Действовать немедленно, но не спеша — вот чему надо учиться тем, кто внедряет новое. И в этом «не спеша» заключено бережное отношение к другому. «Не спеша» — это знание и уважение опыта тех, с кем думаешь творить, кому хочешь показать «прекрасный невиданный пейзаж».

Коллективу, внедряющему новую идею, нужен лишённый какого бы то ни было давления стиль отношений. Какой бы продуманной, обоснованной и доказанной практически ни была предлагаемая технология, ни в коем случае в оценке деятельности учителя нельзя исходить из того, «по-старому» или «по-новому» он работает. Важны эффективность его труда и затраченные усилия.

Необходимы также совместный поиск слабых мест в «старой» системе работы; постепенная замена слабого звена сильным; подготовка разочаровавшихся в прежней методике педагогов к более эффективной экспериментальной; сравнительный анализ успехов и неудач; наконец, совместное планирование следующего этапа поиска с учётом результатов предыдущего.

Только постепенно затормаживая налаженное движение по «старой» дороге, можно готовиться к повороту, искать оптимальное ускорение.

В Зыбкове я понял, почему так сложно идут педагогические эксперименты, почему так типична судьба ищущего учителя. Педагоги,

как никто другой, годами приобретая опыт, свои представления о жизни, невольно идеализируют их и крайне болезненно реагируют на любую ревизию. Неслучайно профессиональная болезнь многих учителей — неумение, я бы даже сказал, неспособность слышать другого. Это абсолютизирование себя — одна из причин разобщения с учениками и друг с другом.

NB Так описывается замкнутый круг нашей профессии, который решил разорвать, развернуть навстречу будущему М.П.

После многих лет разных попыток, огромного опыта работы с учителями, М.П. понял, что задачу новой школы может решить только учитель, выросший в новой школе. И открыл при Лицее для своих выпускников педагогические факультеты. Лицей стал кузницей педагогических кадров. Так и должно быть в современной школе. Возможно, быть учеником и быть учителем — единственные две роли, которые останутся в круге ответственности человека и в самом далеком будущем.

Естественные отношения с детьми и коллегами, здоровое видение жизни заказывают и педагогу мнить себя совершенным. Нам нельзя быть только командующими, только управляющими, если не хотим остановиться в собственном духовном росте. Надо периодически уходить с капитанского мостика в матросы, вновь становиться учениками. До тех пор, пока в школьном коллективе есть только капитаны и только матросы, и дети, и учителя, и руководители школ любого ранга будут глухи к самому дорогому — человеческой мысли.

Возвращение к гипотезе

С тех пор как впервые взволновала меня проблема таланта, прошло более двадцати лет. И можно, не опасаясь преувеличений, сказать: не было дня, чтобы не думал над ней. Чем объяснить неожиданный взлёт таланта у одного и безуспешность усилий другого? Где пределы человеческих возможностей? Есть ли катализаторы талантливости? Эти вопросы с утра вставали со мной и преследовали всюду, где бы ни был. А иной раз врывались и в сон.

Казалось, ответ где-то совсем рядом, вот сейчас, ухватившись за спасительную нить, вытяну его, но проходили дни, потом годы. «Найденное» обнажало свою мнимость.

И возникла мысль: а что, если посмотреть на нашу сущность иначе? По-другому взглянуть на наше тело, мозг? Представить их как одно целое? Очень красивое слово: разум. В нём слышатся два: *раз* и *ум*. Единый ум. Множество сведений, «слепков действительности» разом соединены в совокупное во взаимосвязи и отличии составляющих.

Написал я «тело», и вспомнилось, как однажды, после учёного совета, где слушали вопрос о нашей работе, подошёл ко мне солидный учёный и сказал: «Что вы носите с этим «телом»? Чистая биология! Старо всё это, старо. И сплошные дебри — не выпутаешься. Занимайтесь-ка лучше чистой педагогикой».

Но можно ли вести обучение, воспитание без учёта того, как они воспринимаются ребёнком? Ведь принимает или отталкивает то, что мы даём, не «нечто» с именем «ребёнок», а живой человек, который дышит, двигается, чувствует, анализирует, обобщает, т.е. мыслит. Он — целостная биосистема, и недогрузка тех или иных её структур приводит к снижению активности думающего «я».

Философия, психология, социология и другие науки дают новые и новые данные о человеке. А мы подчас ограничиваем круг поисков. Сегодня успехи в педагогике невозможны без осмысления истоков развития самой жизни, синтеза знаний всех наук о человеке.

Эксперимент наш продолжается, в нём многое ещё предстоит проверить. Однако пройденный путь, победы и поражения дают основание утверждать: в создании условий для современного развития всех внутренних сил ребёнка, всех его задатков заключается разгадка таланта. Поиски путей интенсификации учебного процесса, в частности короткий урок и ежедневный тренаж ведущих органов восприятия в разнообразных видах деятельности, направлены на то, чтобы выявить потенциальные возможности и способности каждого ребёнка и обеспечить необходимое время для их становления и максимальной реализации.

Не случайно В.Г. Афанасьев, обсуждая задачи нынешней реформы народного образования, отмечал: «Если сказать коротко, то речь идёт об интенсификации, о коренном качественном улучшении образования и обучения. Словом, о «прессовании времени» обучения, о том, чтобы за тот же или меньший отрезок времени дать юношам

и девушкам не просто больше знаний, а действительно *полезных и нужных им и обществу* знаний, навыков и умений» (курсив мой. — М.Щ.).

«Прессование времени» — понятная, доступная вроде бы цель, и так труднодостижимая. Сколько раз она казалась нам близкой! Точно утомлённые путешественники, увидевшие впереди свет, мы ускорили шаг: «Вот там поворот, за ним пристанище, очаг». Но за этим поворотом был ещё один и ещё... Но вот, кажется, ключ к решению проблемы времени найден. Идея возникла не в школьном классе и не за рабочим столом — на деревенской улице, в образе, привычном с детства...

Сруб колодца. Крутится барабан, наматывает цепь и поднимает полное ведро с чистой родниковой водой. Сосед неторопливо переливает её в свою бадью. Пустое ведро с гулким эхом падает в бездну. Всплеск — оно погрузилось в воду. И вдруг слово-ключ, слово-образ — **погружение!** А за этим образом другой: цепь, звенья которой крепко соединены между собой, вытягивает полное ведро. И включилась мысль. Школьные предметы — те же звенья. Но сцепления в голове ученика не происходит. Мы пытаемся искусственно соединять их на финише, а надо бы с самого начала крепко связывать параграфы, темы, сосуществующие под обложкой учебника, в стройную, объединённую общей идеей конструкцию Знания. Постигать его нужно, погружаясь в самую суть, т.е. усваивая эту идею.

Погружение. Слово обернулось идеей. Частичное её обоснование подсказала психология. Открытия совершаются либо случайно (так кажется, по крайней мере, со стороны), либо благодаря напряженной, интенсивной работе по достижению цели, задуманного. На уровне обыденного сознания мы говорим: «Припекло, всё бросил, ночами не спал, одолел измором». Собственно, что такое мышление как процесс? Уяснение внутренней структуры объекта (явления), фиксирование внешних и внутренних его связей, прогнозирование возможных изменений по мере развития. Учителю приходится уже на уровне структурирования курса погружения анализировать его содержание, выделять знания, подлежащие, с одной стороны, запоминанию, с другой — творческому осмыслению, определять для самого себя доминанту творческой задачи. Без этого мы не можем браться за главное — учить ребёнка мыслить, побуждать его к поиску закономерностей, включать новую информацию в ранее усво-

енное, с тем чтобы всё яснее и конкретнее представлять целостную картину всего здания, которое выстраивается и в котором каждый учебный предмет занимает своё место и выполняет свою функцию. Погружение — это способ познания.

Логично использовать его прежде всего в начале знакомства с учебным предметом, чтобы вызвать интерес к нему, стремление познать, как можно глубже. Затем, когда интерес к предмету пройдёт точку пика, «ага-реакция» гаснет, важно сформировать у школьника мотив учения, установку: «это для меня лично необходимо». Иначе возьмёт верх противоположный притягиванию процесс отторжения от предмета: «У меня не получается, а нужно ли мне это вообще?!» Далее последует вывод: «Не нужно, для меня лично даже опасно, подрывает состояние внутреннего комфорта», — и ученик подчиняется чувству самосохранения. А.А. Ухтомский выразил это так: поведением управляет закон доминанты, т.е. в первую очередь осваивается жизненно значимая деятельность.

При традиционной урочной системе каждый следующий урок (новая доминанта) как бы стирает предыдущий, обесценивая его значимость. Неустойчивость доминант, возможно, и является одной из причин нервозности, быстрой утомляемости, раздражительности учащихся, низкой продуктивности их учебного труда. Переход из кабинета в кабинет, невозможность сосредоточиться на чём-то одном (вспомним, что умение сосредоточиваться надолго есть основное условие умственной деятельности), смена педагогов, разных манер преподавания также рассеивают внимание. Можно ли при таких обстоятельствах увлечься предметом? Чтобы определиться, найти «свой» предмет, нужно глубоко погрузиться в него, а не барахтаться на его поверхности, скользить по касательной. По-видимому, нужно определённое время, чтобы сориентироваться в пёстром хороводе предметов, увидеть суть каждого, понять главное в нём, прежде чем решить для себя...«моё» или не «моё» это дело.

Конечно, это только идея. Необходимо её всестороннее научное обоснование, долговременный эксперимент и, самое главное, методическое обеспечение учебного процесса. Но вначале надо было убедиться в продуктивности самой гипотезы.

Первое погружение по математике в IX классе шло шесть дней, с 24 по 29 сентября. После каждой пары уроков математики — рядка: музыка, хореография или физкультура. За 32 учебных часа был пройден курс года (первоначальное знакомство с предметом в

целом). На объяснение ребятам сути эксперимента, в котором они сами становились исследователями, времени ушло больше.

Второе состоялось во второй четверти, спустя полтора месяца после первого, третье — через три месяца после второго, в начале марта, четвёртое — в середине апреля. Каждое продолжалось от четырёх до семи дней, но суть предмета, область знания, в которые погружался класс, были уже знакомы. Основные понятия, идеи курса, схваченные в первом погружении, получали дальнейшее развитие, конкретизацию, теоретические вопросы изучались глубоко, всесторонне. В ноябре выводили уже знакомые формулы, доказывали теоремы, раскрывали систему понятий. В марте воспроизводили теорию на новом уровне — письменно, устно, с опорой на наглядность, модели... В середине апреля высший виток усвоения: придумывание задач, опыты, творчество.

Хочу обратить внимание: в рамках одного дня во все периоды погружения учебная работа строилась так, чтобы в различных видах деятельности были задействованы все анализаторы (зрение, слух, моторика), индивидуальные занятия чередовались с групповыми и коллективными, репродуктивные задания с творческими. Поэтому познавательная активность ребят не только не снижалась, но и постоянно росла.

После математики аналогичным образом входили в физику, после физики — в химию, снова возвращались... Ещё Ф. Энгельс отмечал, что развитие — это отталкивание. И мы объяснили ученикам необходимость отталкивания от себя прежних, пробы своих сил в одном, другом, третьем. Ищи себя, пока не встретишь... Новая организация занятий требовала усилий, психологической перестройки не только от учеников, но и от учителя прежде всего, т.е. атмосферы творчества, поиска, исследования. Нам постоянно приходилось (и приходится) задавать себе вопросы: какова гарантия, что содержание предмета, подготовленное для погружения, включает главное и адекватно восприятию ученика? Не сжато ли оно так, что нагружается только память? Какие методы и их систему следует применить, дабы глубоко усвоить отобранный материал, обеспечить межпредметные связи, максимальный воспитательный и развивающий эффект непосредственно в процессе обучения? Поиски ответов на эти и другие вопросы побудили нас обратиться к изучению достижений науки, прежде всего педагогики и психологии, учителей-новаторов и лучшего опыта коллег. В этом поиске нам огромную помощь оказа-

ли учёные, особенно преподаватели Полтавского и Кировоградского пединститутов.

Как мы проектируем погружение? Предположим, учебный материал года состоит из тем А, В, С, D, Е. Время на его усвоение, к примеру, 120 часов. На первое ознакомление с курсом отводится четвёртая его часть. Изучение рекомендуем проводить так: постигаем ABCDE, сравнивая при этом А последовательно с BCDE, затем В с ACDE и т.д. Важно обнаружить как можно больше связей и отличий, выявить общее и специфическое, проанализировать, сравнить, обобщить.

NB Только в самое последнее время задача образования стала все более определенно формулироваться в терминах целостной картины мира: «помочь ученику сформировать целостную картину мира». М.П. с самых первых своих проектов ставил задачу образования именно так и выработывал соответствующие этой задаче образовательный процесс, дидактику, методические материалы.

Мысль учителя при этом в постоянном напряжении: как активизировать класс; как объяснить наглядно и доступно; как сказать так, чтобы ни одно слово не уведило в сторону, не раздражало, — ведь целый день предстоит работать вместе...

Ученик при погружении вынужден быть сосредоточенным, внимательным, активным в каждую минуту урока. Причём он должен думать не только о себе, но и о товарищах, каждому из которых, возможно, потребуется помощь, так как учебно-познавательная деятельность организуется как коллективный труд. Привычный порядок расположения ученических столов изменён. Ребята объединены в группы по четыре-пять человек. Учителя у доски может и не быть. Его функции выполняют ученики-консультанты, актив, готовящийся к уроку заранее. Как правило, это наиболее успевающие по данному предмету ребята. Их добровольная нагрузка (обращаю внимание — добровольная) далеко превосходит нагрузку среднего ученика, но они в этом заинтересованы сами. Таким образом, создаются условия для индивидуального эффективного развития наиболее способных, увлечённых той или иной областью науки школьников. Причём по разным предметам актив будет свой. Как правило, почти каждый выступает в роли и учителя, и ученика, ведущего и ведомого, организатора коллективной работы и её рядового участника, но заинте-

ресованного в успехе общего дела — выполнении задания учителя. Нетрудно заметить, что здесь нами использованы многие находки из опыта учителей, разрабатывающих формы организации коллективной учебно-познавательной деятельности, методики Ш.А. Амонашвили, С.Н. Лысенковой, В.Ф. Шаталова, И.П. Иванова, П.М. Эрдниева и других учёных и педагогов-практиков. Постоянную помощь нам оказывают и преподаватели Полтавского пединститута. После каждого погружения — совместный анализ. Как проходили занятия и цикл в целом? Каковы результаты? Как кто работал? В чём и почему были затруднения? Обсуждение внутри групп напоминает собрание производственных бригад: по-деловому обсуждаются план, ресурсы, производительность. Высказывается каждый, потом выступают бригадиры, обобщая мнение своих коллективов, заключительное слово — педагогу.

Погружение — это совместная активная работа учителя и учащихся (всех и каждого), наполненная конкретным, реальным содержанием и смыслом. В ней не только лучше и глубже усваиваются знания, но и формируется способность к саморегуляции деятельности, её самооценке, сотрудничеству, деловому общению. В результате вырабатываются единые позиции, крепнет коллективный разум, развивается чувство долга, ответственности, формируются лучшие черты характера, социально значимая направленность личности. Ребята узнают друг друга, учителя, а он — своих учеников, их интересы, способности, работоспособность каждого, причины затруднений, конфликтов. Всё это помогает педагогу вносить обоснованные коррективы в свою методику, проектируя дальнейшее развитие каждого школьника. В классах, где проводится погружение, более здоровый психологический климат. Это вполне естественно: и ученики, и педагог настроены на долговременную связь друг с другом. Погружение органично вписывается в систему эксперимента, помогает решать многие его воспитательные и развивающие задачи непосредственно в процессе главного труда школьников — учёбы.

Эксперимент ещё только начинается, многое подлежит проверке, уточнению, не все элементы методики разработаны. Да и не каждый учитель в школе готов работать по-новому, а для успеха важна согласованность в действиях **всех** педагогов... Возможно, не все учебные предметы целесообразно изучать таким методом. Необходим коллективный поиск в этом направлении дидактов, психологов, методистов.

Как же сами ученики относятся к обучению по-новому? Приведу характерные высказывания.

VIII класс (в первый год погружения): «Мне погружение нравится, так как мы за четыре дня проходим то, что за год»; «Когда ведёт урок учитель, мы делаем то, что придумано им. А во время погружения мы сами думаем...»; «Непонятно что-то — мы можем вернуться назад и всё повторить заново...» (Обратите внимание на слово *мы!*)

IX класс (второй год погружения): «...если в день 4 предмета, то надо на каждый новый настрой, и даже можно запутаться. Например, идёт математика, а в голове ещё мысли по истории и т.д. А во время погружения мы постоянно вкладываемся в данный предмет. Появляется интерес»; «В некотором роде считаешь себя учителем, и это хорошо...»

X класс (как и в VIII, первый год): «Стремишься помочь другим...»; «На задний план уходит «я» ...»; «При погружении невозможно быть двоечником. Все занимаются»; «Раньше у тебя двойка, соседу всё равно, теперь не так...»; «На погружении сама несколько раз повторяю, да ещё объясняю другим...»; «Ребята в группе очень стараются. И пытаются за лидерами тянуться...»; «Сидим все вместе. Всё делим: и плохое, и хорошее. И потом такими близкими становимся...»

Однако среди подавляющего большинства ответов «за» один был «против»: «Стала плохо заниматься, раньше самостоятельно писали 10 минут, сейчас 2, не успеваю...» Что ж, будем думать, искать. Поиск оптимального варианта в самом разгаре...

В 1984/85 учебном году особого успеха добился IX класс. Курс математики по методу погружения ребята осваивали вместе с Ольгой Андреевной Удод. Страницы из её дневника воссоздают атмосферу занятий.

Погружение первое.

Закончился очередной день. Хороший день. Почему-то пытаюсь скрыть праздничное настроение. До сегодняшнего дня сравнивала нынешний девятый класс с прошлым, и не было чувства удовлетворения. Казалось, всё хуже. И вот сегодня — результат. Будто бы проявляла фотографии. Изображение возникало медленно-медленно. Ждала его с нетерпением. А вынуть раньше из реактива нельзя, впрочем, нельзя и позже — иначе изображение будет хуже.

Сегодня наконец-то оно появилась в девятом! Мои помощники Наташа Г., Федя К., Саша Б., Ира М., Наташа Л. разошлись по домам уставшие, радостные, с чувством исполненного долга. Небывалый

случай! У Виктора К., Олега В. проявилось такое рвение к работе, что математики, полученной за день, им показалось мало. Хотелось ещё и ещё, чтобы подняться над самими собой вчерашними. Олег В. невольно перестал держать самооборону, он внезапно самоутвердился в коллективе. И все восприняли это как должное...

Смотрела на Валю С. и вспоминала разговор с её мамой. Валя очень запустила материал. Мама считает, что она стесняется обратиться за помощью и к учителям, и к ребятам, а помощь ей ой как нужна. Валя действительно всегда молчалива. А сегодня я видела уже далеко не ту Валю. Когда произошла перемена? Я не могу относиться к девушке как раньше. Надо обязательно отметить её успех в классе и не забыть поздравить с ним её маму.

А Саша радовался за друга, как за самого себя, — вытащил-таки его из прорыва. Это происходило на наших глазах и было так трогательно, что, когда Саша отсутствовал на уроках, в классе словно бы недоставало товарищеской теплоты, работать без него было труднее...

Только сейчас проявился Виктор... Исчезли робость ответов, придирчивость и обида на учителя. Вита... Стала доверчивее. Наконец-то она самостоятельно тянется решать примеры и откровенно говорит мне: «Не получается, не могу». Просит помощи (у соседей!). А Катя! Исчезла поза перед учителем, учениками. Мне всё реже достаётся роль ведущей. Придётся перестраиваться, менять отношения с классом...

Очень трудно Ире... На нескольких родительских собраниях, знаю, меня всё время склоняли, что Ира-де сидит «над Васей», лучше бы сама решала больше. Зачем, мол, эти выдумки? Ира считала, что объясняет толково и старательно, а результата не было. И конечно, ей расхотелось с парнем работать. Не один анализ прошёл, прежде чем появилась у неё о Васе действительная забота. И вот сегодня у Васи — четвёрка! Ира счастлива, и вся её группа тоже...

Мучительно давался контакт с Наташей Г. Ведь коллективный труд в группе — прежде всего её кропотливая забота и терпение. Я так боялась, что это кончится тем, что разорвутся у неё и без того хрупкие связи с хлопцами. Вдруг победа Олега и его уважительные слова, обращенные к ней, — «наш командир». Наташа стала в группе своя. Хорошо!

А Феде завидую. Честное слово! Так легко у него всё получается: подошёл к одному, другому. Что-то спросил, что-то подправил, подсказал. Завидую его открытости и таланту общения.

У другого командира — Наташи Л. за весь год ни единого срыва. Молодец, Наташка! Вспоминаю её в начале года — и диву даюсь. Тали эта девушка? Учит математику и учится вступать в отношения с ребятами, учится сдержанности, воспитанности, учится не грубить, слушать и слышать других.

Всё это так ярко проявилось сегодня. А как моим помощникам было приятно, когда они услышали оценку своей работы! Девочки смущённо улыбались. Настроение было приподнятое. И я с грустью поймала себя на мысли: как же редко я это делаю! За счёт чего они держались весь этот трудный год? За счёт веры и уважения?!

...И посыпался град идей: сделать день открытых дверей, пригласить родителей... Устроить олимпиаду... Ввести звание «покоритель высоты»... Взять группу ребят из восьмого класса и подготовить их для работы к следующему году. Восьмиклассники сдадут педагогу и лучшим ученикам девятого зачёт. По результатам их подготовки на роль консультантов определим лучших и присвоим им звание «старший»! Договорились о следующей встрече на кафедре.

Погружение второе.

Тепло, солнечно. Во время урока устали. Решили кафедру перенести в парк. Занимались легко и весело. Обсуждали разные подходы к решению. Кто-то лидировал, кто-то отставал, и тогда все не торопили, ждали. Нужно было перерешать уйму примеров, чтобы разложить их по степени сложности на все группы класса: сильных и слабых. Почувствовали, что идёт хорошо. Успокоились, прервались: «Давайте продолжим в другой раз!»

Я восприняла это как сигнал: необходимо чётко выверять количество материала на урок, чтобы подобная ситуация не повторилась в классе. Пресыщения не должно быть. Здесь та же мудрость, что при разумной организации застолья: встаёшь с чувством лёгкого голода. Следующее занятие кафедры проведу совершенно иначе...

Погружение третье.

День начался с моего предложения: «Давайте сделаем его необычным!» Но как? Решили продолжить соревнование между группами. Сделать его предельно наглядным. Закодировали оценки и ввели звёздочки наподобие воинских отличий и званий. Сообща продумали сложность примеров, последовательность их изложения, распределили время на уроках, придумали десяток вариантов самостоятельных работ, чтобы ни одна не повторяла другую. Консультанты по своему усмотрению поделили темы, которые им предстояло

изложить в роли педагога. Между делом готовили экран соревнования. Я «нажимала» на психологию, разбирала с ними по стадиям моменты урока и отмечала, как лоцман, рифы, возможные мели — для педагога это свой внимания на уроке. По-моему, я им надоела со своей психологией.

Федя. Ольга Андреевна! Да не волнуйтесь вы так! Все сделаем как надо.

Наташа (о педагогике). Что вы такие мелочи фиксируете?! Они нам ясны.

Саша. А здесь как? Что если...

Ира. У меня не получится. Мне всё, всё абсолютно понятно, но у меня не получится...

Погружение четвёртое.

Волновалась, как воспримет класс. Решила их не предупреждать, но настраивать заранее. Все должно идти само собой. Консультанты, накануне покинувшие школу позже всех (что-то около десяти вечера), рано утром сошлись как один. словно перед экзаменом заглядывали друг другу в тетради, что-то сверяли и как перед экзаменом задавали мне нелепые вопросы. Я разнервничалась. Звонок. Поставила всем задачу на день: понять, вспомнить всё пройденное за год. Но обязательно всем вместе. И конечно, рассказала о новой форме соревнования. Мои помощники сидели с лицами заговорщиков.

Вышел Федя. Перед уроком волновался: «Что, если будут насмешки, реплики?» Нет. Все пошло хорошо, Федя, как всегда, на высоте. Гул в классе то нарастал, то падал. Я могла не следить за включенностью каждого — мои консультанты поработали отлично. Первые лидеры. Ребята вошли в азарт. На перемене класс кипел от впечатлений. Сгрудились у экрана соревнования, никто не вышел из комнаты. Командиры радовались больше всех: ещё бы — столько звёздочек!

Запомнился анализ дня. Вот оно — коллективное волнение, сопереживание происходящего! Вспомнили Васю — его искренний восторг, когда получил первое своё отличие. И восторг командира (Иры). Отметили, какие самостоятельные удались хуже, где потеряли времени больше, чем планировали. Со следующего дня решено было внести ряд изменений, чтобы поднять роль коллективного труда в противовес единоличной погоне за звёздочками. Не сомневаюсь, что теперь они будут готовиться тщательнее, с большей требовательностью друг к другу. С достоинством восприняли моё срав-

нение проделанной ими работы с работой студентов-практикантов педвуза...

Ребята — барометр. Всё время ориентируюсь на них. Порой меня заносит на оригинальность. А они подсказывают: «Стоп!»

Как же тяжело далось мне три первых погружения, и какое чистое, светлое, радостное чувство осталось от итогового, последнего. И у меня, и у ребят».

Хочу подчеркнуть: наша цель — дать возможность каждому найти и реализовать себя, побудить к самообразованию, саморазвитию, научить учиться. К этому стремимся.

NB Важная составляющая группы целей педагогики М.П. — все, что начинается с «само...» Так вырастает человек. Так вырастает мы. Погружение — технология, в основе которой уважение к мысли ученика. Ее не гоняют по лузам как бильярдный шар, а дают развиваться в логике собственной мыслительной природы и природы изучаемого предмета.

Новая форма организации учебного процесса позволила более интересно и продуманно организовать вторую половину дня, занятия по интересам. «Я хочу быть физиком... трактористом... художником... инженером... полеводом... ветеринаром...» — мечтают наши ученики. Мечтая, они строят своё «я». Как недооцениваем мы этого выдающегося архитектора личности — мечту!

Вспоминая надежды юности, мы грустим о несбывшемся, несвершённом, недостигнутом. А ведь, возможно, в том, к чему мы неосознанно стремились, и должна была проявиться наша одарённость.

Как же важно поддержать первые робкие шаги к себе — неповторимому, уникальному! Здесь также нужны ободрение и пробы, пробы сил непременно! Но мы, чего греха таить, предпочитаем отмахнуться от теребящей нас ручонки: «Я хочу...» — «Вырастешь, потом... Ты сначала сделай, а потом...». Ах, это стандартная «мудрость» отказа. Потом! А часто ли наступает «потом»? С годами перечень того, что надо сделать «сначала» растёт, не оставляя времени на «хочу». И смотрят в мир равнодушно недовольные глаза.

Два станка, два поля. Два работника рядом. У одного дело поёт, у другого — плачет. Один человек нашёл себя, а другой поплыл по течению, и появились горе-рабочий и горе-хлебороб. Разве мало нам бед от такого горя?

Закончились обязательные уроки. «Ты свободен. Что тебя интересует, ученик? Какое оно, твое дело? Ты ещё не знаешь? Мы даём тебе возможность выбрать. Ищи, пробуй!» Разве может быть иной позиция школы?

В Ясных Зорях для более полного удовлетворения интересов ребят, мы соединили в один учебно-воспитательный комплекс общеобразовательную, музыкальную, художественную, спортивную, хореографическую школы, клубы юных техников и натуралистов, учебно-производственный комбинат. Как оживилась ребячья жизнь! Богаче и тоньше стали и отношения учителей с учениками. Наша общая жизнь стала яркой, деятельной, полной открытий. Ребята будто сбросили давящий обруч, на добрые, умные, полезные дела была направлена энергия их мысли. Изменился взгляд на школу, на обучение, на самих себя, окружающее. Родилось чувство хозяев своей школьной жизни, своего времени, учебного и свободного, родного села, земли, на которой растут и будут работать.

С той поры люблю после уроков бродить по школьным коридорам. Особенно вечером. Отовсюду звучат ребячья голоса, смех, музыка. Часы досуга, время любимых увлечений, фантазии, творчества.

— Да не полетит он!

— А я говорю: полетит.

— Не полетит, потому что была допущена ошибка при сборке...

Проходят мимо спорящие. Несут модель самолёта, сделанного своими руками.

У зеркал хореографического класса юные артисты ансамбля «Зори». Идёт репетиция. Чем порадуют завтра ребята своих односельчан?

А здесь тихие голоса, сосредоточенные лица. Шуршит по доске мел. Клуб любителей математики.

А тут из обрывков пёстрой ткани, меха, пуговиц и ниток рождаются куклы. «Приходите к нам на спектакль!» — приглашают пионеры.

У мольберта и за шахматной доской, столярного или хореографического станка, у баскетбольного щита или у пианино — всюду вдохновенные лица, добрые улыбки, сосредоточенность занятых делом, к которому лежит душа, гордость умельцев и мастеров.

Ребёнок, пробующий свои силы, только начинающий догадываться, что они у него есть, нуждается в искреннем участии и просто в добром, ободряющем слове. Вот где незаменима роль старшего. Не

упустить первые росточки успеха, первые блёстки таланта, поддерживать, помочь осознать свои возможности, направить в нужное русло энергию, и сделать это тактично, умно, ненавязчиво. Но как часто нам не хватает времени (а может, души), чтобы заметить доброе, хорошее в ученике, чтобы помочь ему увидеть себя другими глазами, таким, каким он может и должен стать. Плохое замечаем, подчёркиваем, а вот доброе разглядеть часто и не пытаемся. А вслед за нами и ученики не умеют радоваться успеху товарища, доброму делу, сильным сторонам характера. Однажды я спросил у секретаря комитета комсомола школы: «Когда последний раз приглашали комсомольца, совершившего хороший поступок?» Секретарь посмотрела на меня непонимающе: «Разве за хорошее вызывают на комитет?!»

Парадоксальное явление. Казалось, все мы, кого позвала школа, должны сосредоточить внимание и усилия на бережном взращивании лучшего в человеке. Но почему-то сплошь и рядом об этом забываем. Всю свою страсть обрушиваем на тысячи «не так», волнуемся только по поводу плохого. Видишь, это у тебя нехорошо, а это ещё хуже! Трудно не утратить веры в себя юному в атмосфере нравоучений, одёргиваний, запретов. Школа радости отнюдь не сентиментальная мечта сердца. Мажор — необходимое условие здорового, оптимистического воспитания, пекущегося о росте ребёнка как человека.

И потому я часто говорю себе и другим: «Учитель, спеши увидеть победу своего ученика, его силу. Только на основе веры в человека, уважения к его будущему возможно взаимопонимание. Это даст тебе силы и терпение помочь ученику найти себя». В начале эксперимента в Зыбкове самым трудным было преодолеть равнодушие, инертность многих ребят, пробиться сквозь их «не хочу» и «зачем мне это надо».

— Чтобы я занялся хореографией?! Не пойду под пистолетом! — заявлял один.

— Да нет у меня интересов! Нету! — с вызовом говорил другой.

— А работать, учиться куда пойдёте?

— Не думал я ещё об этом. Там видно будет.

И понёс свою неприкаянность таким же, как и он сам, приятелям.

Носителями «не хочу» были старшеклассники, и это тревожило особенно. Младшие же рвались во все предлагаемые на выбор кафедр по интересам. И пусть это была стихия сиюминутных стремлений, но они были, было желание расти. Мучил вопрос: что делать со старшеклассниками — махнуть рукой и заняться только младшими?

Я всматривался в жизнь младших и старших школьников, сравнивал. Выборы органов самоуправления в III классе. Лес рук! В глазах желание испытать себя. «Я буду командиром», — тянется каждый. В VIII — тишина и раздражённый голос классного руководителя: «Ну что, так и будем молчать? Мне что ли за вас выбирать? Не уйдём, пока не выберем!» В IX выборы проходят бойко: «А почему я? Вон Люлин давно уже не был». Да, у младших огорчение, если не выбрали, а здесь, если выбрали.

Захожу как-то в I класс. И только начал: «Ребята, есть дело! Кто из вас...» — «Я!» — не дав мне закончить, подался вперёд Коля Ульянов.

— Почему это ты? Меня возьмите, я пойду...

— Нет меня! Меня! Меня!

Смотрел я на них и думал: «Какая силища! Какая энергия! Они не хотят знать, какое дело их ждёт, важно участвовать в нём. Раз человек обращается за помощью, значит, «важное». И захотелось мне тут же пойти в X класс.

— Это надолго? — спросил кто-то.

— А вы в седьмой идите, у них же физкультура, — предложил другой...

Я вышел, не хотелось убеждать, доказывать. Ожидал нечто подобное, но в душе горечь.

Казалось бы, стремление к общественной деятельности с годами должно крепнуть. Сколько собраний, митингов, сборов, линеек, бесед! Сколько слов! Если бы слова, зовущие быть активными, добрыми, умными, готовыми пойти по первому зову, превратить... в массу весом хотя бы в один миллиграмм каждое, рухнула бы под школой земля. Да, слов много...

Заканчивался второй год работы в Зыбкове. Случилось так, что мне пришлось заменить учителя во II классе. В конце последнего урока подходит ко мне Серёжа Гаврилов:

— Расскажите нам что-нибудь.

— Да! Расскажите. О партизанах! О космосе! Лучше о разведчиках!

И когда я придумывал, о чём рассказать, в притихшем классе вдруг робко прозвучало:

— А лучше сказку хо-ро-шую...

— Сказку! Нет, о партизанах! О космосе!

— А лучше про то и про это!..

Долго мы сидели в классе. Рассказывал я и о космосе, и о партизанах, и о разведчиках. Вот уже закончилась «сказка хорошая», а я

всё не мог сказать: «Всё, ребята, нам пора...» И только когда в окно заглянул вечер, мы разошлись по домам.

На следующее утро, ещё не дойдя до порога школы, после звонкого «Здравствуйте!», услышал: «А сегодня к нам придёте?»

После уроков мы пошли в сад. Тёплое солнце нежилось в ослепительности белого и розового цветения яблонь и груш. Гулко жужжали пчёлы. Ребята в мгновение разбежались. И тут началось.

— Смотрите! И-их ка-кая!

— Сюда! Идите сюда! Это вредитель?

— Ой, как пахнет! А отчего запах?

— Лепесточек завернулся. Что с ним? Смотрите!

— А как дерево цветы выдавливают?

— А почему они белые?

В сложную симфонию запахов, гудения, жужжания, звонких перебивов, хмельного брожения соков ворвалась и заиграла мелодия мысли. Мне хотелось бежать ко всем зовущим. Я захлёбывался в этом головокружительном потоке вопросов, суждений. Тут не одного взрослого на тридцать, а тридцать взрослых на каждого надо, чтобы успеть только ответить.

Сражённый лавиной вопросов, я вдруг открыл для себя известное: развитие индивида в богатстве его отношений. Оно не терпит остановок, напротив, жаждет нескончаемого напряжения. Рывками, порциями уроков воспитывать нельзя. Много ли человеку надо? Много.

NB Захотелось отметить!!! Мимо этих, наполненных верой в человека, слов пройти нельзя. Надеюсь, когда-нибудь эта вера станет всеобщей.

Надо, чтобы кто-то услышал его, присмотрелся бы по-доброму. И он расцветёт, вырастут у него крылья и не будет для него преград. Внимание, доброта нужны человеку больше всего. Личность начинается тогда, когда она вступает в отношения со всеми другими людьми. Качеством, богатством этих отношений определяется уровень развития, в том числе и способностей. Формирование личности как совокупности всех общественных отношений предполагает, с одной стороны, культивирование её способности создавать, т.е. быть включённой уже в школе в широкомасштабное и многоплановое производство материальных и духовных ценностей, а с другой, созидание такого коллектива, где каждый находит понимание и поддержку.

Мы старались создать условия для развития способностей ребят, деятельного их самовыражения, поиска своей уникальности. Но при этом не отмечали результаты усилий каждого, его рост как личности, положительных сдвигов, изменений.

Попавшие в поле нашего зрения росли быстро, удивляя своими успехами педагогов, родителей. Они создавали лицо школы, выделялись в среде сверстников, о них говорили: «Какие у вас удивительно красивые дети!» Те же, кто не смог заявить о себе сразу, кто шёл медленнее, по «чуть-чуть», оказывались в «отстающих», пополняя ряды прозябавших с установками: «А зачем мне это надо... Не хочу...» В этом «не хочу» — вызов, самозащита, неуверенность в своих силах. Споткнувшись, подросток нередко спешит заверить, что он так и хотел, так и задумал. Если у него не получилось, он защищается тем, что убеждает других: «А я и не хотел...»

Наша педагогика была педагогикой эффективного и эффектного старта, когда, поддавшись призыву «К вершине!», сделали рывок и не поверившие нам. Сдвиг был тем сильнее и ярче, чем ближе он оказывался к началу, к первой попытке. Поражаешься иной раз нашей наивности. С каким подъёмом, с какой верой в чудо отправляли мы ребят в школу, искренне, от всего сердца вселяя веру в успех: «Держай! Получится!» Но увядали праздничные букеты, шли школьные будни, и с ними будто гасло стремление к продвижению. Старт был взят при зрителях, с музыкой, цветами, а на дистанции ни зрителей, ни судей, ни цветов...

— Валентина Петровна! Смотрите, это я сам написал! А я! У меня смотрите! Я здесь правильно сделал? — это призывы ещё живой надежды первоклассников, тех, кто ближе всех к старту. А потом...

Мы обнаружили эту брешь, и много сил было отдано, чтобы закрыть её. На первых порах неумело. Мы пытались взять на себя функции и судей, и ценителей. Но физически не могли «дойти» до каждого. Тех, кого замечали, ставили другим в пример, фактически от большинства отделяли, противопоставляя детей друг другу. Это тормозило наше движение и разделяло коллектив на группы.

Масштаб же личности, уровень её развития определяются как раз богатством её отношений со всеми другими. Наша тактика практически привела к замыканию внимания на нескольких учениках. Мы не сразу поняли, что стремление педагога помочь одному в его росте, пусть самое сердечное и доброе, в ущерб другим есть ни что иное, как проявление авторитарного стиля воспитания.

NB *Еще никто таким образом не определял авторитарную педагогику. А ведь как точно. И ровно то, что, к несчастью, сегодня массово происходит в наших школах и в системе образования в целом.*

Надо было создавать действительную **коллективность** во имя полного расцвета дарований личности. Через тонкое и доброе внимание всех к росту каждого и такое же внимание каждого к росту всех.

И короткий урок, и введение в учебный процесс уроков погружения, стимулирующих познавательную активность, и сам режим учёбы, и широкая сеть занятий по интересам — всё это были шаги к созданию коллективности, бодрой, мажорной мелодии школы, к преодолению барьеров отчуждения между учителем и учеником. Но необходима ещё была воспитывающая среда, гарантирующая полноценное воспитание и развитие каждого школьника. Мы поняли, что надо, но ещё не знали, как надо. Не соберёшь ведь всех в одном зале и не скажешь: «А теперь будем настоящим коллективом, будем воспитывать друг друга». Кстати, как ни смешно, но первое время мы почти так и делали, призывая наших учеников словами героя из известного фильма: «Ребята! Давайте жить дружно!» Ученики выслушивали нас, соглашались и даже пробовали, но самоуправление трещало по швам. На собраниях ребята упрекали друг друга в несознательности, заносили в протокол решения с фамилиями ответственных. Потом ответственные срывали голоса, а дело не двигалось. Наши отношения с ребятами даже ухудшились. Одни озлоблялись: «Слишком много командиров стало...», другим было неловко, что не справляются. На собраниях в одном зале собиравались разобщённые между собой люди. Какая уж тут коллективная мудрость?

Март нашего роста

Думая над совершенствованием ученического самоуправления, мы всё яснее видели необходимость создания другой структуры самого коллектива. В конце концов, пришли к разновозрастному объединению, блестяще зарекомендовавшему себя в опыте А.С. Макаренко.

NB В книге М.П. описывает реальные события, свой реальный опыт создания новой педагогики, строительства новой школы. А читается книга как выверенная исследовательская карта развития педагогической мысли: через укороченные уроки к погружениям, от погружений к разновозрастным группам, а потом и к обучению через реальные и, в этом смысле, наиболее педагогически емкие дела. Читаю и все больше удивляюсь, насколько мощно М.П. провидел XXI век из совсем не столичных реалий 1986 года.

Разновозрастные объединения мы пытались создавать и раньше, но они были временными. Одними из самых удачных были производственные бригады лагерей труда и отдыха «Отважный» в Ясных Зорях и «Ясные Зори» в Зыбкове. Прошедшие трудовую школу в этих коллективах заметно отличались от сверстников боевитостью и доброжелательностью, готовностью взять на себя трудное поручение, ярко выраженным стремлением и к самовоспитанию, и к участию в воспитании других. Эти ребята составляли наш комсомольский и пионерский актив, старшие вели за собой младших. Положение старшего, в которое попадали наши ученики, творило чудеса. Они проявляли требовательность к себе и другим, подтягивались, старались становиться и становились лучше, чтобы быть примером для подопечных. В свою очередь, младшие с рвением влюблённых бежали исполнять поручения старших, лоя «в оба уха и оба глаза» каждое их слово и жест.

«Всякий, кто в здравом уме, — свидетельствовал ещё Платон, — всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого». Старшим импонирует внимание младших. Видя в нём признание своих достоинств, они и в самом деле их обнаруживают, привыкают уважать себя. Воспитывая младших товарищей, они перестраивают самих себя, стремятся стать лучше. Создаётся прекрасная основа для серьёзного воспитания тех и других, возникает как бы сам собою дух коллективизма, формируется потребность в самосовершенствовании, саморазвитии, утверждении гуманных отношений.

Союз младшего школьника со старшим утоляет жажду человека быть признанным, значимым в глазах окружающих. «Вот когда вырасту, я...» — мечтает малыш. И как хочется ему приблизить это «когда»! Очень хотят ребята забежать вперёд, в своё завтра, в больших и важных делах взрослых попробовать себя, быть там, где на-

стоящая жизнь. Невольно вспоминается: «Дорога ложка к обеду», когда смотришь на ручонки первоклассника, хватающие взрослые инструменты. С какой любовью смотрят его глаза на того, кто подарил ему радость испытания себя! С каким достоинством работает он рядом со старшими! Вот и надо дать ему возможность действовать так, как просит его сердце. А мы ему — деляночку с тремя огурцами и одной морковкой да табличку красочную: «Здесь работает Петя К». Пете горько у своего «поля», которое можно прикрыть рубашкой. И табличка, и «поле» — свидетели приговора: «Ты ещё маленький... Тебе ещё рано... Вот когда...» Жизнь для детей в школе не жизнь, а её ожидание.

Если учесть, что день в детстве гораздо «длиннее» дня взрослого, нетрудно понять, каким безнадежно несбыточным кажется юному человеку его завтра. И как следствие нашей недалёковидности снижается социальная активность детей, появляется «вдруг» нигилизм подростка, растущая его отрешённость от мира взрослых. Мы не пускали его в свой мир, когда с мольбой и надеждой вызывало о том его сердце. Стоит ли удивляться разобщённости между старшими и младшими, их глухоте друг к другу, если каждый занят своим, только ему интересным делом. Спросите у младших, часто ли они встречаются со старшеклассниками. Можно ли в школе наблюдать общение этих ребят? А ведь мы хотим содружества, коллективности, в которых постепенно, шаг за шагом, каждый день «чуть-чуть» растёт ученик как человек.

Идя навстречу этой удивительно благотворной для воспитания потребности в признании, уважении окружающих, надо испытывать ребят в реальном общественно значимом деле. Таким делом является производство материальных ценностей. Производительный труд и есть заманчивая дверь в таинственный мир взрослых отношений, к которой тянется детское сердце. Открыть её по силам и младшему, если рядом с ним ребята постарше. За этой дверью и для педагога открываются невиданные прежде горизонты воспитания учащихся. Философ Э.В. Ильенков подчёркивал, что личность человека формируется, когда он производит продукт, всех других волнующий и всем другим понятный. И в самом деле, чтобы как-то оценить другого, надо, по меньшей мере, понимать само его дело, его продукт. Не зная дел, нельзя понять человека.

NB В поисках аргументов против школы М.П., опережающей в своем развитии развитие системы, чиновники называ-

ли труд лицеистов эксплуатацией детского труда... Куда деваться от такой педагогической дремучести чиновников от образования?

Производительный труд — колоссальное средство воспитания уже только потому, что созданное им обладает наглядностью, материальностью, аккумулирует в себе качества личности создателя, делая «стоп-кадр» его сильных и слабых сторон.

NB Продукт деятельности как «стоп-кадр» личности. Ну как сказано! Поэтому так важно фиксировать каждый результат деятельности вместе с детьми. Каждое сделанное дело — «стоп-кадр» их души.

В разновозрастном трудовом коллективе участие всех в общем деле даёт возможность объединить усилия младших и старших, распределить между ними нагрузку в зависимости от сил, возможностей, интересов каждого. Острота, свежесть эмоциональных реакций, непосредственность суждений и впечатлений младших помогают тем, кто постарше, лучше видеть и само дело, и себя, и других. В свою очередь, старшие помогают младшим понять суть дела, его значение, организовать труд на началах взаимопомощи, коллективизма. В непосредственном общении, поступках и поведении всех и каждого конкретизируется «что такое хорошо и что такое плохо», формируется важнейшее человеческое умение «в мгновение видеть вечность, огромный мир в зерне песка». Учить ребят в сделанном или самими и другими различать человека, его отношение к людям, обществу, жизни, воспитывать в них потребность к творческому труду на общую пользу, формировать стремление прежде думать о Родине, а потом о себе, гражданские мотивы любой деятельности — значит учить их коммунизму.

Однажды я присутствовал на заседании бюро райкома комсомола. Первый вопрос каждому вступающему в комсомол был: «Как ты учишься?» И если следовало: «Хорошо!», секретарь, улыбаясь, говорил: «По доброй традиции (!) отличников учёбы мы принимаем сразу». А во имя чего человек учится, какую жизненную цель перед собой ставит, секретаря не интересовало. Так происходит сужение целей и ценностей. Надо уметь по-ленински ставить вопрос, чему учиться и как учиться, и по-ленински на него отвечать — учиться

коммунизму. Это значит сочетать образование и воспитание, развивать общественную активность школьников. Тогда мы перестанем сокрушаться по поводу слабой связи школы с жизнью, инфантильности многих наших выпускников и никому не придёт в голову успеха в нашем труде мерить по показателям в журнале, по красивому плану-отчёту о «мероприятиях». Идеино-политическое воспитание не будет сводиться к формальным рассказам о жизни, беседам и лекциям.

Чёткая направленность реформы школы на соединение обучения с производительным трудом, на воспитание коммунистической нравственности вытекает из ленинской мысли: «Без работы, без борьбы, книжное знание коммунизма... ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой...» Учиться коммунизму должно стать главным трудом ученика и учителя, дабы не получать «начётчиков или хвастунов». Исходя из этой задачи, смысл деятельности школьного комсомола и пионери — активное участие вместе с народом в борьбе за коммунистическое преобразование жизни и воспитание нового человека, умелого, умного, творческого деятеля-коллективиста.

Такого человека можно воспитать только в настоящем, производительном — умственном и физическом — труде на общую пользу. Этот труд — ведущее средство производства всесторонне развитых людей. Коллектив, умеющий этим средством грамотно пользоваться, будет воспитательным.

Над чем бьётся учитель в школе? Над тем, чтобы ученик захотел учиться, чтобы он понял важность, необходимость образования. «Ты почему не выучил? Ты почему не работаешь? Ты почему не слушаешь объяснение?» — нередко спрашивает учитель, а в ответ слышит: «А зачем мне это надо? Не хочу и не буду...»

Известный режиссёр Ролан Быков высказал интересную мысль: «Мне кажется, главное наше упущение в том, что мы неточно раскрываем смысл слово *учиться*. Учить себя — вот что должен делать ученик в школе». Пока же вся ответственность за то, чтобы ученик учился, ложится на учителя. И он, за редким исключением, старается. Но усилия его не всегда венчает успех, потому что нет ответного стремления ученика знать, быть воспитанным. А нет желания, потому что кто-то давным-давно придумал: сначала ученик должен научиться, а потом, как закончит школу, увидеть, зачем ему это надо. А ведь сегодня каждому должно быть ясно: школа — это не только и

не столько место обучения потреблению (как лучше, быстрее взять, усвоить, запомнить знания), но и прежде всего место обучения производству (как лучше, полнее отдать другим усвоенное, накопленное), т.е. место коллективного созидания личности со всеми необходимыми нашему общественному строю качествами. Для этого нужно создать такую среду, где бы ученик не только понял необходимость своего учения и воспитания, но и стремился жить деятельно и активно, совершенствуя себя.

Коллективный, педагогически верно организованный производительный труд включает своих участников в такие взаимоотношения, когда сбой в одном звене ослабляет всю цепь, когда некачественная работа одного человека сводит на нет усилия всех, когда недобросовестность, лень, неразвитость, незнание, неумение одного работника отрицательно отражаются на всём производстве. Трудовой коллектив, заинтересованный в результате своего труда, предъявляет высокие требования к личности каждого, поэтому воспитание человека, развитие его способностей выступают как производственная необходимость. Сознаяв себя частью коллектива, человек будет стремиться стать таким, каким его хотят видеть. Вступая в отношения с другими производственными коллективами, он приходит к пониманию истины, что человек — труженик, деятель, а не созерцатель, он — творец своей судьбы и судьбы своего народа. Поэтому нет у него права быть слабым, несовершеннолетним. Слабостью, несовершеннолетием мы ослабляем свой народ. Мы не смеем проходить мимо страждущего, не смеем быть равнодушными ко злу и добру. Мы за всё в ответе. Такое понимание своего места среди людей и есть главный фундамент личности.

Недаром А.С. Макаренко опытом своим, всей жизнью страстно и убедительно доказывал, что воспитание должно быть «основанным на развитии экономически эффективного, производительного коллективного труда и творчества», что рост личности и самого коллектива «происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством».

Верно, скажет мой оппонент, однако у Макаренко постоянным первичным коллективом был разновозрастный отряд по месту жительства. Но если мы возлагаем на разновозрастный первичный коллектив функцию главного и непосредственного воспитателя, то мы не вправе лишать его и ведущего средства, основы воспитания, каким является производительный труд.

И вот мы приступили к созданию такого коллектива, каждый член которого будет поставлен в позицию хозяина производства, самостоятельного и активного творца общего дела.

Прошли комсомольское, пионерское и общешкольное собрания. Утверждены списки бригад. Избрано руководство. Принято решение об организации школьного аграрно-промышленного комплекса с именем «Надежда». Оставалось «малое»: создать сам комплекс. Оптимальный путь виделся в организации собственного предприятия, действующего на договорных началах с местным колхозом «Путь Октября» и предприятиями близлежащих городов. Мы выступали на первом этапе в роли коллективных исполнителей их заказов, используя на наших площадях их станки, оборудование и одновременно готовясь к пуску собственного производства. Наши бригады включались в коллективный производительный труд на хорошо отлаженном предприятии, приобретали необходимый опыт хозяйствования, овладевали рабочими умениями и навыками. Со временем сложившийся трудовой коллектив оставалось перевести на рельсы собственного хозяйства. Почему собственного?

Много лет работал я вместе с ребятами в составе производственной бригады в самых разных хозяйствах. И не раз сталкивался с тем, что, выступая в роли коллективного исполнителя, мы всегда попадали в производственный конвейер, под который надо подстраиваться, независимо от того, удобна ли нам такая организация труда или нет. Помню, однажды, взяв цех по откорму телят на животноводческом комплексе, мы задумали перестроить режим кормления таким образом, чтобы делать это не в ущерб занятиям. И не смогли добиться перестройки. Наконец, соображения материального порядка. Работая даже по методу бригадного подряда, мы могли обеспечить неплохой заработок ребятам. Но где взять деньги на школьные нужды, на расходы, которые вырастают из детской мечты: иметь свой автобус, путешествовать, купить оркестр, сшить форму, костюмы для танцевального ансамбля, куртки для самбо, создать свою фонотеку, киностудию и т.д. и т.п. Просить помощи у доброго шефа? Расходовать положенную детям заработную плату? Мы же не поступаем так с заработком взрослых! Нет, школа должна быть самостоятельным, экономически эффективным предприятием, а ребята — подлинными хозяевами производства, ответственными за его организацию. Только когда они сами станут решать, как выполнить ту или иную задачу, экономические расчёты, и думать о перспективах расширения

производства, мы сможем готовить широко, по-государственному мыслящего, знающего, творческого работника, а не просто исполнителя наряда, рабочего задания.

Предприятие, на котором работают дети, должно своей целью иметь не план, не прибыль, а воспитание, развитие гармоничной личности, многостороннюю подготовку к труду. В этом его главная специфика. Поэтому оно должно быть не узкоспециализированным, а многоотраслевым.

Вспомним, процесс развития идёт там, где есть необходимость преодоления, «отталкивания» от себя несовершенного, где не допускается привыкания к среде. Однажды в составе делегации я побывал на Вологодской кружевной фабрике. Смотрел, затаив дыхание, как бегают пальцы кружевниц по двигающемуся барабану, нанизывая на металлические стержни нити. Мне казалось, одно моё неосторожное слово — порвётся нить, работа погибнет. Но, помолчав несколько минут для приличия в связи с нашим визитом, девчата снова бойко разговорились, не обращая на нас внимания. Процесс производства был освоен ими до автоматизма, голова их была «оторвана» от рук.

Мы не можем так поступать с детьми. Чтобы не «оторвалась», во всяком случае, надолго, голова от рук, необходим переход с одного вида производства на другой.

В нашем комплексе шесть производственных участков: теплица, кролеферма, микрокалькуляторный, мебельный, керамический, швейный, которые, кроме первых двух, работают с октября по апрель включительно. В остальное время бригады выполняют необходимые сельскохозяйственные работы в колхозе «Путь Октября». Занимаются полеводством, садоводством и овощеводством. С октября по апрель через каждые полтора месяца бригады меняют вид производства. Последние две недели каждого двухмесячного комплекса работает ниже обычного уровня. Это переходный период, когда бригады становятся сводными, обмениваясь специалистами: одни учат, другие учатся. Подготовив замену, отряд присоединяется к уже обученному авангарду своей бригады в качестве его коллективного ученика.

Опыт у нас небольшой, мы в стадии становления, но сомнений в правильности такой организации производства нет. Период адаптации проходит быстро, без затруднений. С каждым новым кругом, новым переходом время на подготовку смены сокращается. Пик

наивысшей производительности труда, как правило, приходится на вторую половину первого месяца, затем наступает медленный спад. Мы рассчитываем опытным путём выявить наиболее целесообразное время с точки зрения развития ребят и производительности их труда.

Скажу откровенно: когда мы начали работу без домашних заданий, когда перешли во всей школе на короткие 35-минутные уроки, не волновался я так, как волновался за судьбу разновозрастных трудовых объединений. Не потому, что «мы пощажены не будем...», волновало другое: судьба экспериментальной работы, всей совокупности идей. Структура учебно-воспитательного процесса иерархически перестраивалась, отдавая место основы, фундамента своего производительному труду, разновозрастному трудовому коллективу, его комсомольской и пионерской организациям. Одно дело, когда производительный труд — добавление к общему процессу воспитания, другое дело, когда на него возлагается роль как бы первотолчка — начала всех начал. В слабой материальной базе, в необязательности наших шефов-заказчиков, их недоверчивом отношении, откровенном непонимании роли труда в воспитании детей, вдобавок ко всему в экономической хозяйственной нашей нерасторопности мы имели и до сих пор имеем одну из главных причин нестабильности нашего аграрно-промышленного комплекса. И это резко тормозит развитие коллектива, а следовательно, всю экспериментальную работу. Но, как говорят, нет худа без добра. Тяжёлый переломный период в нашей жизни показал силу разновозрастных объединений ребят. В критические минуты сбоев, срывов, горьких уроков бесхозяйственности некоторых взрослых мы не теряли присутствия духа только потому, что имели поддержку воспитанников. На глазах крепло коллективное самоуправление. Теперь на общих собраниях поднимаются все сложные вопросы, они обсуждаются, детально рассматриваются, и если принимается решение, то в его выполнении можно не сомневаться. Мы всё чаще слышим «надо» вместо «не хочу».

Оживилась работа комсомольских и пионерских организаций, она приобрела более чёткую идейную направленность, возрос авторитет комсомольцев в глазах не только ребят, но и взрослых. Родители теперь часто идут за помощью и к учителю, и к секретарю комсомольской организации, и к отрядному вожатому, и к председателю совета отряда. «Надо посоветоваться с нашими комиссарами», — ча-

сто можно слышать в учительской. Радует нас и укрепление контактов между комсомольцами и пионерами. Они часто решают вместе не только хозяйственные дела, но и вопросы учёбы, досуга, внутриколлективных отношений, помогают друг другу в выполнении общешкольных операций. Таким образом, связь между ними стала более прочной и разносторонней.

А соревнование! Какое это, оказывается, мощное воспитательное средство! Смотры, конкурсы, олимпиады, конкурсы самых различных форм создают драгоценную заинтересованность в общем деле, стремление выполнить его как можно лучше, перенять ценное в опыте других. Разновозрастный состав равных по силе коллективов позволил комсомольской и пионерской организациям развернуть широко и интересно соревнования по всем направлениям, по всем видам деятельности, в которой могут участвовать ребята. Очень важно, чтобы школа гордилась своими лучшими математиками, спортсменами, музыкантами, трактористами, строителями, физиками, танцорами, химиками, историками, художниками, и чтобы в ходе соревнования были по достоинству оценены и мужество, и трудолюбие, и воля к победе, и благородство, и честность, и самоотверженность, и взаимопомощь. Поэтому оценке результатов соревнования мы придаём особое значение, ведь выдвигаемые критерии становятся эталонами для самовоспитания и самооценки. Коллективному обсуждению итогов любого дела, дня, отрезка жизни мы учились, применяя опыт Фрунзенской коммуны, методику организации коллективных творческих дел И.П. Иванова.

Закончился учебный день, завершена работа в цеху, в поле, проведены вечер, праздник, встреча, конкурс, дежурство — и сразу же следует их коллективное обсуждение, коллективный анализ. В зависимости от значимости дела, времени, которым располагает коллектив, это может быть или детальнейший анализ, или остановка внимания на основных моментах; высказываются все ребята, затем секретарь комсомольской организации, командир бригады, вожатый отряда. Отмечаются роль и мера участия каждого, никто не остаётся в тени. Разговор доброжелательный, спокойный, но честный и нелицеприятный. Не обидеть товарища и в тоже время откровенно высказать ему в глаза иногда неприятное нелегко, как и быть объективным, не допустить ссоры, озлобленности, личных счетов. Не то слово, не та интонация, не замеченная реакция на сказанное, не увиденное вовремя психологическое состояние — и вот уже общение за-

труднено, контакт утерян, настроение упало, доверия нет, и пополз холод отчуждения. Мы часто говорим: устами ребёнка глаголет истина, имея в виду, что он говорит, не думая, как отзовется его слово. Но надо учить его говорить истину так, чтобы не задеть достоинства другого, не причинить боли. И здесь важен пример старших, их чуткость, внимательность. Ведут анализ обычно наши комиссары, или секретарь комсомольской организации, или вожатый, или председатель совета пионерского отряда. Как построить разговор, на чём сделать акцент, как разрядить обстановку, выйти из конфликтной ситуации — это сложное искусство общения, не всё бывает гладко, иной раз заштормит, вырвется из-под управления корабль коллективной мысли, и затрещат его реи. И здесь на помощь приходит педагог, более опытный, чуткий, мудрый товарищ, но именно товарищ, а не верховный судья. Лишая человека ответственности, разве мы воспитаем её? Уберегая от сложных проблем, разве вырастим мудрого? Каждому должно быть ясно, что он не последняя спица в колеснице и способен повлиять на жизнь коллектива. И это он может понять только на деле, участвуя в решении важных для всех проблем, полностью отвечая за порученный ему участок работы.

Избранные на год секретарь комсомольской организации, вожатый, председатель совета отряда помогают сменяемым через каждые полтора месяца командирам бригад, отрядов, входящих в бригаду, звеньевым работать с ребятами, управлять без диктаторства, сохранять и развивать отношения сотрудничества. За год большинство членов коллектива побывают в роли руководителя того или иного уровня. Становясь вновь рядовыми, они по-прежнему активно решают все вопросы жизни коллектива, отстаивают своё мнение, правоту, если это необходимо ради интересов дела, чувствуют себя в ответе за всё происходящее. Эта активность, равнодушие и есть один из основных воспитательных успехов разновозрастного коллектива. Чем больше в нём таких людей, тем труднее лодырям, эгоистам.

Наука взаимоотношений, наука общения. Слушать и слышать, смотреть и видеть, уважать мир другого, его взгляды, позицию. Для этого нужна неустанная, ежедневная гимнастика чувств. Сама жизнь потребовала серьезной педагогической, психологической и этической подготовки наших комиссаров. И мы решили специально для них открыть кафедру педагогики.

Начинали в небольшом кабинете директора, а через три месяца уже в просторном классе не хватало мест. На кафедру педагогики

стали приходить все, кого интересуют вопросы самовоспитания, кто хотел бы коллективно рассмотреть спорную ситуацию, кого волнуют тайны человеческой психики, и, наконец, избравшие себе профессию учителя.

Интерес к проблемам воспитания, к физическим и умственным возможностям человека, который мы наблюдаем сейчас, можно считать одним из существенных позитивных сдвигов в сознании ребят за годы эксперимента. Мы с удовлетворением отмечаем наметившийся и всё более развивающийся процесс педагогизации всей школьной жизни, создания атмосферы общей заботы о повышении эффективности учебно-воспитательного процесса.

NB Профессия педагога развивает в человеке большое количество компетентностей современного человека. Это профессия-профессий ближайшего будущего. Логично, что педагогика М.П. дозрела до уровня подготовки педагогов для новой педагогики, подготовки универсального учителя — человека XXI века.

Сама суть коллегиального управления, частая смена ролей руководства и подчинения, а потому всё более совершенствующийся коллективный разум, более тонкий психологизм отношений внутри коллектива требовали глубокой педагогической подготовки вновь избираемого руководства. В тоже время не мог не проявляться интерес к педагогике у воспитателей-наставников младших (комсомолец — пионер, пионер — октябрёнок), взаимоотношения которых с подшефными стали носить индивидуальный характер. Практически занятия педагогикой начались задолго до открытия специальной кафедры — из самого процесса жизни ребят, из самого строя их новых отношений, нового мышления. Ребята потянулись к учителю как к профессионалу, чтобы найти ответы на многочисленные вопросы, рождаемые практикой.

Тягу к педагогике поддерживали и все остальные наши кафедры, объединяющие ребят, увлечённых той или иной областью науки, техники, искусства, спорта. Учителя всячески поощряли стремление приобщить к миру своих увлечений других школьников. Но по-настоящему члены кафедр стали выступать в роли обучающихся после создания разновозрастных коллективов. Мы это связываем с тем, что они небольшие по количеству (12–15 человек в отряде из пяти классов и, следовательно, 24–30 в двух отрядах бригады),

построены на добровольных началах (кто с кем хочет, но не более 3 человек от класса), а потому позволяют найти подход к каждому, узнать его склонности, желания, чтобы помочь «найти себя». В таких коллективах создаётся атмосфера психологического комфорта, раскованности, в которой легче увидеть достоинства свои и товарищей по объединению.

Идя на урок в роли учителя, ребята перестали чувствовать себя «не в своей тарелке», бояться насмешек, упрёков в подхалимаже — излюбленном приёме недоброжелательных сверстников. Они учились организованности, спокойной требовательности, умению быстро распределять деловые роли, чётко и лаконично выражать свои мысли и другим деловым качествам. У педагогов появились не просто помощники, а юные коллеги, с позиции ученика разъясняющие происходящее в классе, что важно для сближения интересов учителя и ученика на деловой, творческой основе. Это заметно оздоровило обстановку, выбило почву из-под ног у тех, кто привык обманывать учителей и товарищей, уходить от ответственности, лодырничать, нарушать дисциплину.

Конечно, сближение ребят с педагогами идёт сложно, не всегда по восходящей, были, есть и будут конфликты, кризисные ситуации. Но конфронтации уже нет. И те и другие всё больше начинают осознавать себя единомышленниками, делающими одно общее дело. И я повторяю мысль, вычитанную у Гегеля: «Только через осуществление великих целей человек обнаруживает в себе великий характер...»

Детей нельзя воспитывать по-детски. Ребёнок играет ту роль, которую ему предоставляют обстоятельства. Маленькая роль растит маленького человека, масштабная, великая роль растит масштабную, великую личность.

NB Педагогическое кредо М.П.

Зрелость, ответственность, талант не выдашь с аттестатом об образовании, они приходят в результате испытания человека обстоятельствами жизни, требующими от него гражданской зрелости, ответственности и таланта.

На моём столе только что полученные данные сравнительного исследования учеников Зыбковской и контрольной школ, ведущегося в течение трёх последних лет под руководством кандидата психологических наук В.Ф. Моргуна. В Зыбкове с годами учения у ребят

возрастает взаимопонимание с учителями, друг другом, наши дети более коммуникабельны. Мир их интересов шире, а нашедших любимое дело больше. И особенно важно, что среди определивших себя и свои интересы много старшеклассников. Значит, сдвинули с мёртвой точки это проклятое «не хочу», что так мучило нас все эти годы.

Приведу некоторые наиболее типичные ответы наших учеников старших классов на вопросы анкеты, разработанной психологами. Их заполняли все учащиеся, фамилии не указывались.

С каким настроением чаще всего идёшь в школу?

— Радостным. В школе мы постоянно вместе, вместе работаем...

— Идёшь по школе, с одним поговоришь, с другим — у меня в школе чаще всего приподнятое настроение.

— Бывает, конечно, переходы от очень радостного к нормальному и наоборот. Плохого настроения в школе за последние годы не помню...

— Настроение портится, когда в школе грязно. У нас дежурство: сами убираем, моем. Обидно, когда кто-то подвёл...

— Если плохое настроение, я стараюсь в школу не ходить, чтобы другим его не портить. Но это бывает редко.

— Настроение портится, когда сталкиваешься с безразличием, равнодушием со стороны ребят и учителей. Это иногда бывает.

— Плохое настроение чаще всего связано с учителями. Когда они, допустим, на крик срываются. Или на словах за эксперимент, а на деле...

— В школе меня радуют друзья, наши отношения с учителями, сама обстановка...

— Хорошее настроение, когда удаётся что-то сделать, работа интересная была, готовились в школе к вечеру, смотрю...

— Утром иду в приподнятом настроении, если накануне на уроке хорошо поработал сам и другому помог. Оценка была заслуженная. Идёшь и заранее знаешь: сегодня тоже настроен поработать...

— Настроение падает, когда нас не поняли. Мы хотели сделать сами, а нам не дали...

Что больше всего радует в школе?

— Отношения между людьми.

— Общение с другими людьми, если понимать его не как треп. При этом работаешь над собой. Чувствуешь, надо расти...

— Всё-таки общение с людьми. Из него вытекает как следствие и плохое, и хорошее. Но хорошего у нас больше.

— Общение в труде. Здесь каждый сразу выдаёт своё истинное лицо.

— В школе с ребятами и учителями можно о многом разговаривать...

— Из нашей школы выходит человек намного серьёзнее, лучше, в нём меньше грязи... Ошибки, конечно, и у нас есть, не всегда удаётся достичь, чего нам хочется. Но когда удаётся — на душе радостно.

Что вам нравится делать? Что стараетесь делать своими руками?

— Нравится, когда после зимней спячки все вместе убираем школьный двор...

— Активно общаться с людьми. Больше всего интересно думать, размышлять над взаимоотношениями между людьми. Ничего интереснее не бывает. Раньше: ходят люди. А мне что до них? А сейчас знаешь, видишь, пытаешься понять каждого человека...

— Вместе с учителями согласна заниматься чем угодно, а под их руководством — ничем.

— Нравится доводить начатое до конца. Чаше всего для этого приходится сделать над собой усилие...Растить в себе такое отношение трудно. Его одно растить нельзя. Оно связано совсем другим: отношением к добру, злу, отношением к людям...

— Доводить начатое до конца, хотя это трудно. Но когда получается, очень здорово.

— Общаться с теми, кто по моим понятиям настоящий. Настоящим можно стать. Только для этого нужно ответственное дело, в которое ты был бы втянут.

— Нравится физическая работа. Труд и спорт. Дома люблю всё делать своими руками.

— Работать над собой. Пытался и пытаюсь быть спокойнее, добрее. Не быть нервным. Побороть лень...

— Активно общаться с людьми. Дома больше всего люблю наводить порядок...

— Работать над собой. Я иногда несдержанна. Могу не так сказать. Бываю скованна.

— Люблю дежурить в классе. Вечером после кафедр уберёмся или рано утром. Все приходят в чистый класс. Приятно.

— Делать что-то с людьми.

— Работать на кафедре.

— Люблю слушать лес. Часами могу наблюдать за звёздами. Увлекаюсь зрелищем восхода, заката...

— Наблюдать природу. Смотришь в окно во время дождя и размышляешь...

— Люблю читать. Нравятся Толстой, Пушкин, Лермонтов, Блок. Читаю не быстро. Растягиваю удовольствие.

— Работать над собой. У меня усидчивости мало. Много усилий требуется для сосредоточенности. Порой могу даже вспылить. Стремлюсь к сдержанности.

— Хочется не то чтобы знать, это само собой. Но шире видеть. А для этого надо и больше знать, и больше общаться, и больше читать.

— Моё самое любимое занятие — слушать птиц, хотя не всегда различаю их по голосам. Люблю музыку, Моцарта в особенности. В школе слушаем музыку почти каждый день.

— Заниматься самовоспитанием. Порой мешает не лень, а неподготовленность, что ли. Хочу работать над собой. Быть внимательным к людям.

— Люблю заниматься на кафедрах. Там учителя вроде бы те и не те. Настрой другой. Особенно интересно, когда идёшь с опережением на год. Так было по математике, химии, физике... К себе уважения прибавляется...

Могут ли родители разделять все ваши увлечения?

— Нет. У них другое образование. Другая жизнь. Но они радуются, когда у нас что-то получается...

Считаются ли с вами в школе педагоги?

— Чаще считаются, чем нет...

— Мы ведём разговоры на равных и с директором, и с завучем. Советуемся, спорим.

— Бывали случаи, когда не получалось, как мы хотели. Но к нам всё же прислушиваются.

— Мне всё время кажется, что учителя ещё обидчивее, чем мы. Сними надо даже осторожнее, чем с ребятами.

— Чем больше нам доверяют, тем больше мы в себя верим и больше делаем...

— С нами советуется, к нам учителя прислушиваются. Это большое дело...

— В лагере всё, что делаем, идёт только через совет бригадиров...

— У нас собраний формальных не бывает. С нами считаются...

— Мы многое решаем сами, например, в бригадах. Не директор школы, а мы сами, бригада решаем, кого поощрить и выделить за хорошую работу...

Ответы ребят не могут не радовать.

И всё же на душе по-прежнему тревожно. Мысленно иду по школе и вижу не только радостные, не только задумчивые или грустные, но и пустые глаза. Недорабатываем! Что же не учтено? Где ещё одна закавыка в системе наших представлений о будущей школе? И одна ли?..

Идёт март нашего роста. Ещё веет холодом непонимания, то там, то здесь лежат серые пятна незнания, неумения, и наши достижения пока только проталины, появляющиеся по всему полю предстоящих боёв за новые и светлые начала жизни. Но мы с каждым днём всё яснее видим густую и буйную поросль нашей мечты. И это воображаемое завтра, становящееся после долгих лет труда все более осязаемым, придаёт силы надеяться, верить и созидать.

NB Лицей в Текосе отстоит по времени от этих строк на 33 года. У М.П. все получилось. Педагогика М.П. на пике своего развития. Поразительно, насколько полно с самого начала описан в книге весь опыт Лицея. Кажется, и правда, будущее зашло в настоящее и определило его. Хотя, почему «кажется»? Все так и есть. Все так и случилось.

Осталось только Свету окончательно победить мрак.

НА ПУТИ К ЧЕЛОВЕКУ

*(Статья из сборника «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ШКОЛА БУДУЩЕГО.
(Научно-педагогическая фантастика)». С. 10–20).*

Мы часто в поисках таинственного, необыкновенного напрягаем воображение, переносим себя в другие галактики, чтобы там, за дымкой Млечного пути, открыть непостижимое. Между тем, быть может, самой великой, самой непостижимой тайной являемся мы сами, наша человеческая сущность.

Писать очень трудно. Всегда высказанное или выписанное выглядит жалким уродцем, бездарной копией того, что мы чувствуем в глубине нашего «Я», что мы знаем и что никак не вмещается в приблизительность словесного оформления. Сколько раз откладывал эту статью, снова брался за неё, исписывал сотни страниц, иногда с радостной верой, что вот на этот раз... Но время уносило радостный порыв и вместе с ним надежды. И всё-таки опять пишу, не могу не писать, рукой владеет беспокойство, тревожное предчувствие большой беды, о которой ведь нас давно предупреждали выдающиеся деятели науки и культуры мира, и Н.К. Рерих в том числе.

Каждый день приносит сообщения о новых катастрофах в природе, о новых бедствиях. Мы стали свидетелями начала агонии планеты. Над Антарктидой и Северным полюсом в две гигантские рваные раны, двумя размытыми зрачками холодно и грозно смотрит в нас бездна сурового космоса. Дымящая ядовитыми испарениями, отравленная загроможденной рукой Земли, умирающие и мёртвые реки, озёра, леса, моря, длинная очередь растений, животных и птиц в «Красную книгу», всё более агрессивное наступление простейших...

Разум человеческий быть может ещё никогда не сталкивался с таким чудовищным валом проблем, каждая из которых справедливо считает себя первоочередной и срочной. Сегодня мы пожинаем плоды головопательства прошедших десятилетий. Какие же плоды пожнут идущие после нас? Или мы размахнёмся так, что не станет на земле ни воды ключевой, не зверя лесного, не птахи степной, ни идущих, ни ползущих, ни летающих?! Человек... Венец ли он природы или

чудовище, наделённое разумом? Я — учитель, я хочу, я обязан ответить: «Человек — это творец красоты». Но не словом ответить, — самим человеком, учеником своим...

Сегодня очевидно, что на смену учителя — предметника должен прийти не просто Учитель — Гражданин, полпред Отечества, но и полпред планеты Земля, Учитель Человека. Вот почему просвещённая часть человечества не только у нас в стране, но и за рубежом требует революции в системе народного образования. Только революционные, коренные изменения в подходе к детству, к человеку могут в нынешней чрезвычайной ситуации спасти (именно так стоит вопрос) жизнь на земле и «привести нас к храму гармонии», которой так нам не хватает в отношениях друг к другу, к роднику, былинке — ко всему тому, что несёт в себе великое чудо: жизнь.

И первым шагом на этом пути должно стать утверждение нашего сотрудничества с детской природой как единственно возможного варианта выжить. Сегодня мы на ребёнка смотрим, как смотрит студент на высохшее растение из гербария. И он за партой смотрит также, как любое живое на блюде под микроскопом. Без связей, отношений к тому огромному миру, из которого его искусственно вырвали.

Если в педагогике, как и в медицине, прежде всего отталкиваться от заповеди «не навреди», надо прежде всего вспомнить, что ребёнок живой, и при всём уважении к социальной сущности человека ни в коем случае не упустить, что «сама история является действительной частью природы», частью истории «становления природы человека»(К. Маркс), что за плечами ребёнка миллиарды лет эволюции, что мы имеем дело уже с определённой заданностью, предначертанной законами движения живого. Попасть в точку, найти истину — значит продолжить развитие живого, не стать запрудой, завалом на этом пути движения из бесконечной вереницы веков.

Познай себя, и ты познаешь всё и, следовательно, познай всё, и ты познаешь себя, — не вымысел мудрствующего ума, а гениальная подсказка способов исследования человека, напоминание о том, что в человеческом сердце бьётся пульс мироздания. Человек реализуется в многоликой, многослойной развивающейся системе Земля — Вселенная. Поэтому логично в поисках решения проблем развития человеческой сущности попытаться осмыслить человека как часть этой системы.

Меня всегда мучил и мучает вопрос: какова функция, роль, необходимость человека в природе? Живое тяготеет к связи, гармо-

нии, организованности. Возможно потому одного корня слово «организм» и «организация». Организовать, соединить разрозненное в нечто целостное — значит противостоять хаосу, дезорганизации, распаду. Жизнь — явление антиэнтропийное!

Удовлетворение стремления живого к связи было бы невозможно без приобретения способности к сигнальному отражению окружающей среды, без способности реагировать не только на непосредственное воздействие предмета или явления, но и на сигнал о возможном воздействии. Сигнальное отражение, как выдающееся свойство живого, раздвинуло пространственные рамки среды обитания, породило возможность связи с объектами, находящимися на значительном расстоянии от органов отражения. Отсюда проистекает начало способности к опережающему отражению, предсказыванию будущих событий, к воображению, фантазии.

Глубина проникновения в будущее означает высоту уровня надёжности организма.

Стремление к овладению опережающей информацией побуждало живые организмы объединяться друг с другом. Пропуском в то или иное объединение были готовность к контакту, согласованным действиям, способность к ансамблевому отражению сигналов.

Место под небом жизнь предпочитала отдавать самым активным своим представителям, но активным не только для самих себя, а прежде всего во имя укрепления союза всех живых. Замыкание на себя вело к изоляции, изоляция к — неинформированности, неинформированность — к гибели.

Образование биообъединений фактически было образованием специализированных информационных структур целостного организма живой природы, который сам по себе представлял гигантскую универсальную, саморазвивающуюся информационную систему, как единство специализированных биосистем, симбиоз симбиозов.

Каждый шаг жизни вперёд, ко всё большей согласованности был следствием нового витка ускорения обмена информацией, энергией и веществом. И он же был причиной для ещё большей скорости обменных процессов, где на первом месте стояла информация как организатор энергообмена в организме биосферы. Можно полагать, что именно скорость движения информации в биосфере, достигнув определённого предела «потребовала», в конце концов, выделения из самоорганизующегося тела биосферы специального «органа» для оперативного управления крайне усложнившимися отношениями

между биосистемами. Функция интегрировать усилия всех специализированных биосимбиозов в их антиэнтропийной борьбе, а значит необходимость способности к связи с ними как информационными структурами гигантского тела природы, выдвинули главное требование к этому органу — универсальность и интегративность отражения.

Так логика развития биосферы вела к «становлению природы человека» — самого подвижного, самого коммуникативного «органа» природы. Функции человека — творить гармонию, единство, сохранять целостность природы, с появлением человека находящейся под воздействием сферы разума — ноосферы. Отсюда его структура — универсально работающее тело, как совокупность специализированных информационных компонентов.

Почему эволюционный процесс оформил человеческое тело именно таким открытым, без панциря, клыков, как бы распахнутым в мир? Не в этой ли бесстрашной обнажённости и надо искать не слабость, а силу, может быть, главное преимущество, отличающее его как самого приспособленного существа на Земле? Тело человека — это целостная универсальная информационная система — как бы вобрало в себя, в миллиардах клеток своей нервной системы всю природу, став её минимизированной проекцией, её мозгом.

В какой-то мере можно сказать, что природа — это человек в развёрнутом состоянии. А человек — это сама природа, свёрнутая в форме его тела. Кожа — не граница нашего тела. Отражая и образуя информационный поток, само погружение в него, наше тело тем самым находит свое продолжение в гигантском организме биосферы, через него осуществляя связь со всем звёздным миром. Длина нашего тела — бесконечная Вселенная.

Чем больше всматриваюсь в наше прошлое, тем больше думаю о том, что в понимании человека, его возможностей, функции на планете, а следовательно в мировом пространстве, мы делаем только первые шаги, хотя ключ к познанию мироздания был известен уже нашим далёким предшественникам. В отдельных бликах прошлой мудрости, едва просвечивающихся через толщу веков, пытаюсь угадать высоту, масштабы познанного когда-то.

Не перестаю удивляться богатству значений древнего слова, в нём ёмко и точно, как в гениальной формуле, упакованы великие прозрения = открытия, великие высоты постижений человеческого духа.

Например, слово «разум» ... Как же напрашивается у этого слова транскрипция «разом!». В нём слышится целостный охват бесконечного множества явлений в единую картину мира. Вот она функция разума: «соединить в сознании одним прекрасного разрозненные части...» Соединить разом, одновременно миллиарды сигналов живых, их «рассказы» о переживаемом, их подсказки, просьбы, их отчаянное: «Я гибну! Дай мне руку!» — всё, что стучится в сердце человеческое, и требует ответа. Охватить целиком всю картину происходящих процессов в ноосфере, осознать наиболее тревожное, значимое для всех, а осознав, немедленно искать выход из тупика.

А вот слово «совесть...» Оно из ряда: сочувствие, созвучие, соучастие, опереживание. Со — выступает как совместное объединяющее. Со = весть. Весть о чём? Сердце обжигает неожиданное прозрение: весть совместная, весть от всех, весть о единстве. Когда душа испытывает состояние того, что мы называем «угрызением» совести? Когда посягаем на связь со всеми другими, такими же и не такими по форме, развитости, как мы, но с кем составляем мы неразделимый мир живых. Оборви связующую нить и содрогнётся природа, гулким многократным эхом разольётся боль во всему её целостному организму, вернётся резонансом к оборвавшему, — и защежит зальётся тоской сердце. Поистине верно: тронь цветок — вздрогнет звезда. Заповедный напев из заповедной дали нашего становления, чистая и великая песня всех ныне живущих — совесть... Чуть сфальшивишь, и наполняется дух диссонансом. Без этой вековой мелодии черствеет мы, рвутся в нас серебряные нити связи с миром, из сердца уходит радость, замирает отлучённый от жизни ум, увядает тело. И вот уже скользит по миру бездуховностью погашенные глаза, плетётся в толпе, уродливо кривляясь, нравственная глухота: визгливая с претензией, или благообразная и отутюженная.

Целостное мировоззрение, историзм мышления, высокая скорость, интенсивность мыслительных процессов, масштабность, универсальность отражения, а следовательно активность всех форм восприятия, всех информационных структур, устремлённость к гармонии, совершенным формам жизни, т.е. к красоте, развёрнутость на всех других и во имя всего живого — всё это необходимо человеку для того, чтобы быть на планете Земля самим собой. И в этом его природная, заданная веками развития жизни сущность.

Тот факт, что в первые годы жизни ребёнка мы наблюдаем у него фантастические успехи в процессе познания, что в это очень корот-

кое время первых шагов он овладевает информацией больше, чем за всю оставшуюся жизнь, свидетельствует о великих силах, великих потенциях природы, ставшей человеком. Не зря называем мы первые шаги ребёнка в мир — шагами гения... Это время предельной близости к истокам, к родовой сущности. Гений, как соответствующий роду, корням, истокам своим, до конца, в полной мере реализовавший себя, свою человеческую природу, может и должен стать состоянием нормального, т.е. естественного в своих проявлениях человека.

Однако роковое угасание умственных сил ребёнка, как и угасание его здоровья по мере погружения в социум, в данное состояние ноосферы, если анализировать этот феномен по логике «с кем поведёшься», говорит о социальной среде, в целом об экологической обстановке на Земле, много печального. В школе мы отмечаем, как от класса к классу уходят от нас внимательные, некогда открытые навстречу глаза учеников, как постепенно становится ложью процесс обучения: младший лжёт, что учится, старший — что учит. Мощная, похлеще термоядерной, энергия человеческого духа стискивается железобетонностью школьной технологии, замирает, изредка тревожа слабыми, жалкими озарениями унылый мир однообразно нудных и долгих уроков. Но как всплескивается энергией движения школа между уроками! Вскипает чаще всего нездоровой агрессивностью бунтующих сил.

Подавляющее большинство учащихся отмечает, как правило, не более двух, максимум трёх, уроков в день, на которых они активны, внимательны, сосредоточены, выступают как деятели, творцы познавательного процесса. Более 2/3 учебного времени отдано безделью. Мозг как бы спит. Но это не сон = отдых. Это опасный для здоровья сон.

Вспомним, что активность обмена информацией — причина активности энергообмена. Сонливое состояние, вялое течение мыслительных процессов, выражаются в заторможенности психофизиологических функций, в замедленном течении энергообмена. Получается страшное противоречие: тело подростка растёт, а его нервная система, духовная жизнь фактически медленно умирают. Положение «спящего» усугубляется ещё и тем, что он находится в состоянии напряжённого беспокойства, в стремлении избежать разоблачения своей бездеятельности... Организм, таким образом, большую часть времени находится в угнетённом состоянии. Не от

того ли кривая здоровья падает от класса к классу одновременно с угасанием умственных сил?

Нынешний учебный план ставит в бедственное положение и учителя, и ученика. Как бы ни ухищрялась школа в совершенствовании методов преподавания, располагая традиционным соотношением предметов, она ставит ученика перед необходимостью «засыпать», «уходить» с урока, нередко ценой нравственного падения. Так он пытается спасти себя от гибели. Так школа становится завалом, запрудой на пути движения ребёнка к самому себе, к человеческой сущности. Природа его жива активностью, интенсивной включённостью в мир, а мы его погружаем в «сон», закрываем от мира в многочасовом сидении за партой в клетке классной комнаты. Как мощная по природе информационная система, тело его требует универсального развития, всех своих информационных компонентов. Мы же искусственно перегружаем одни, доводя до нервного истощения другие, тем самым приводим к деградации, к разрушению заданную природой структурную целостность организма.

В функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека закон оптимизации получаемой информации и переработка её в целостную картину мира находят своё высшее выражение.

Правое полушарие — открытое окно в нескончаемый информационный поток. Левое — выбирает из этого потока всё, что принимается предшествующим опытом, что узнаётся как старое на новом витке. Оно упаковывает информационный поток, пропускаемый жадными к новому нервными центрами правого полушария, в слова, графики, формулы, отправляя на «склады» памяти информацию с отметкой: «значимо», «жизненно необходимо», «увязывается с прежней информацией». Распахнутое в мир, универсально отражающее тело, бомбардируемое миллиардами сигналов, может захлебнуться, погибнуть в нескончаемом информационном потоке. Контролёром, дозиметром, врагом избыточности является левое полушарие. Правое полушарие выполняет функцию сбережения организма от неинформированности и энергетического кризиса. Жадно рвущееся к новому, оно — бесстрашный бросок в жизнь, осуществление контактов с ней. Посредством воображения правое полушарие совершает гигантские шаги в будущее, зовёт к нему, стремится забежать всё дальше за горизонты известного, жаждет чуда, раскрыть нераскрытое, охватить весь мир целиком, объять необъятное.

Если работу мозга сравнить с работой сердца, лёгких: сжатие — разжатие, выдох — вдох, — то функцию сжатия информационного потока выполняет левое полушарие; разжатия, раскрытия ему навстречу, или «вдоха» — правое. Школа работает на «выдохе», на сжатии... «Вдох» ребёнок старается вырвать у школы на переменках, за её порогом.

Распахнутость в мир было первым движением сознания, его «вдохом». Ранний возраст принято считать «правополушарным». Чем ближе к изначалью, к истокам, тем сильнее «правополушарность» работы музыка. Это жизнь стремится упрочить свои позиции, как можно полнее «вздохнуть» в себя весь окружающий мир, обезопасить себя от неинформированности. И ничего нет удивительного в том, что «правополушарный» ранний возраст — колыбель гения, с его несокрушимой устремленностью познавать. Заботливые взрослые ещё не успели поставить заглушку на правое полушарие, оно ещё наравне с левым участвует в мыслительном процессе. На него ещё не набросил стремительную рубашку школьный режим учёбы. Но настанет час и погружаясь в однобокую «левополушарную» школу, ребёнок потеряет интерес к познанию даст трагический сбой его поисковая активность. Закономерно: в такой школе Эйнштейнам, Дарвиным, Лобачевским, Королёвым всегда быть плохими учениками. А остальным — оставить в школе здоровье.

Помню взволнованные, честные глаза киевского профессора Аршавского, строгий анализ учёного и в нём — приговор нам всем взрослым: «Если быть достаточно объективным в оценке положения дел со здоровьем детей, то мы должны сказать о том, что оно критическое. А что касается школы, то из её стен мы выпускаем практически нездоровые поколения».

Нет, убаюкивать себя мы не вправе. Не потому, что времени мало, а потому, что его уже нет. Учитель! Мы у последней черты! Лимиты времени исчерпаны. Выжидать — значит способствовать деградации поколения. Это наша с тобой работа, учитель: сохранить здоровье ребёнка — духовное, физическое. Тело и мысль, мысль и тело в теснейшем взаимодействии. Тело и есть универсальный мозг человека. Больно оно — болен мозг. Искать и устранять причины того, почему ребёнку в школе горько, необходимо немедленно, сейчас, а не завтра, не с понедельника, — и действовать, действовать, действовать!

Учитель! В «я хочу...» ребёнка — чувство своей силы, надежды на достижение, интуитивное видение определённой композиции за-

датков, настоятельная мольба генокода о прочтении. Гасить эти попытки самореализации — все равно, что идти против веков направленности развития живого, т.е. выполнять энтропическую функцию по отношению к ребёнку. Не хлебом единым полнится здоровье ребёнка. Оно прежде всего и главным образом крепит себя или теряет на наших уроках, учитель.

Мы смотрим друг в друга: старший и младший, я и ты... Старший... Как знать, сколько веков за плечами того, кого мы называем старшим, и сколько веков затем, кто у нас именуется младшим... За каждым вязь поколений, тех, кто бережно через падения, взлёты, боли, отчаяния, радости, вдохновение нёс нас от звена к звену. И вот — встреча...

— Я гибну. Дайте мне руку! — кричит младший.

— Да — да, возьми мою руку, — услышал его я, — но нам надо вместе решить, куда идти, как жить. И ещё мне хочется понять, отчего ты прячешь свой мир от меня, взрослого?

Ты говоришь торопливо, взволнованно, с укором, надеждой. Глаза широко распахнуты, из них лучится мудрость твоих веков, твоей вязи поколений. Ты говоришь, будто читаешь страницы, надвигающиеся откуда-то из пространства. И я вижу, как мчimsя мы вместе с нашей планетой 30 км в секунду двумя крошечными точками в тревожную бездну: невероятно беспомощные поодиночке, невероятно могущественные вместе — ты и я, мы и люди, люди и мир, породивший нас и порождаемый нами. Навстречу твоему потоку мысли мои раздумья о тебе...

Ты врываешься в мир беспомощным в действии, но могучим колоссом познания, в твоём торопливом стремлении прорасти в мир, стать в нём им самим реализуется всеобщий закон воплощения безмерного общего в неповторимость единичного, Человека — в конкретную личность. Но твоё стремление болью бьётся об острые углы жёстких, железобетонных установок тех, кто сам, будучи срезанным на старте, режет по своему образу и подобию так, будто боится преимуществ становления свободной от стандарта могучей природы человека.

Ты бунтуешь, иногда мстишь, нередко с меньшей жестокостью, с какой работники образовательного конвейера ломают себя. Это отчаянный вопль твоей природы о том, что тебе нельзя быть таким как все — иначе не выживешь, — что штампованный ты не ощутим, не интересен, что тебе уникальность нужна для того, чтобы не толь-

ко отделить себя от других, оценить, сравнить с собой, но и найти общее и яснее осознать их собственную неповторимость. Только так можно идти к раскрытию необъятности мира, наполняясь многообразием качеств других, усиливая себя связями с другими и других, естественно, наполняя собой. Только так можно стать осмысленным участником творения гармонии мироздания, незаменимой частью вечно обновляемого целостного организма природы.

Учёные ищут в технике аналог человеку. А это всегда поиск стандарта. Не напрасно ли? Самый не такой, как все, с самым заметным отличием — будто из другого мира пришелец — на самом деле есть истинный житель Земли. Тот, кто выполнит миссию служения гармонии целого, выйдет из ряда вон настолько далеко, насколько великим будет у него радиус охвата этого целого: от страны до мироздания. Чем ярче уникальность личности, тем шире охват Вселенной! Поэтому воспитание может быть человеческим, то есть гуманным только в том случае, если каждый в его процессе становится самим собой.

Бережность... Приди в школу, встань рядом с учителем, учеником его, подойди к каждому столу, каждой парте. Мы пропадем без тебя, Бережность. Исчезают звонкие, хрустальной чистоты наши росы, блекнут зорьки, звёзды, вянут ромашки, задыхаются моря и реки, чахнут соловьи. Нет человека без тебя, Бережность.

Позови Бережность, взрослый! Взгляни в глаза идущему рядом с тобой маленькому человеку! Ты знаешь его мечту, его «самое-самое», без чего нет его, быть не может? Признайся, ты знаешь о нём столько же мало, сколько ты знаешь о Вселенной. Да, ты прав, и он тебя не видит, как и ты его, как ты — себя. Мы только едва-едва догадываемся, кто перед нами, даже если перед нами человек, которого мы любим. Как же нам прожить без помощи друг другу? Невозможно!

Мы жмём руку: «Здравствуй» ... Кому? Воплощённый мир звёзд и ромашек, соловья и рябины, гор и лесов. Да, да! Этот мир протянул нам руку, ему наше лёгкое: «Здравствуй!». Подтянись, взрослый, настройся — человек перед тобой. Человек! В нас миллиарды лет становления Вселенной. Только в одной клеточке нашего тела — бесконечность космоса, тайна великая и пока непостижимая. И сколько ещё времени отпущено нам, чтобы постигнуть её? Секунды, годы, века?

Великое рядом. Не проглядеть бы его!

Статья подготовлена специально для сборника

ИДЕЯ СОБОРНОСТИ В ШКОЛЕ БУДУЩЕГО

(Статья из сборника «ЧЕЛОВЕК — ОБРАЗОВАНИЕ — ОБЩЕСТВО».

С. 289–304).

1. Противоречия гуманизма

Мне повезло в моей жизни. Так сложились обстоятельства, что в 1979 году я стал руководителем экспериментальной программы, которая называлась «Школа 3-го тысячелетия — школа XXI века». С той поры, что бы ни происходило с моей землей, я все время действую в этом ключе.

В начале этой работы нашему поиску препятствовала коммунистическая парадигма. Она отличалась однозначностью и, главное, противоречивостью по отношению к самой себе. Ведь в ней речь шла о глобальных вопросах жизни, а человек рассматривался как явление центральное, ради которого и должно организовываться всё в этой жизни. На самом деле всё крутилось вокруг других ценностей и других идей, и сам по себе человек, ребенок оставались вне внимания политических структур тогдашнего государства. И мне было очень больно наблюдать это. Я увидел, что существует некая фальшь, зазор между установкой на человека и тем, что происходило на самом деле.

А потом я стал размышлять, что же делать мне и таким, как я, в момент, когда с нашим обществом произошло то, что с ним произошло. Держава вдруг раскололась, вспыхнули очаги войны, все, что казалось незыблемым и устойчивым — продуманная идеология, проверенная не одним десятком лет, войной — и какой войной! — вдруг все это утратило устойчивость. И возникли вопросы: «Отчего, почему это? Кто есть я? Зачем я? Куда я? Какая в это время должна быть школа? И куда идет общество?» Все это всколыхнуло внутри меня столько мыслей! И в конце концов я утвердился в самом главном: не надо школе бежать за обществом!

Я с этим и пришел вообще-то работать в педагогику. Нужна другая направленность работы школы. То или иное социальное состо-

яние общества всегда временно, поверхностно. Есть более фундаментальное основание для объединения людей — народ. Так мы с моими единомышленниками определили разницу между социумом и народом. Народ изначально есть объединение людей, устремленных к вечным ценностям, к истине, к Богу, и это объединение оформлено такими структурами, как обычаи, традиции, язык, менталитет, нашедший свое выражение в различных аспектах культуры. Это понятие не принадлежит одному какому-нибудь веку, оно уходит в тысячелетия, — в бесконечность, откуда вообще всё началось. Формы общества меняются, а народ остается. Так вот, ребёнок принадлежит не социуму, он народу принадлежит, он роду человеческому принадлежит. Целостность народа строится в опоре на универсальные абсолютные ценности, и эти абсолютные ценности являются питательной средой для дитя. И потому дитя нужно родить из народа и отдать в народ.

Социальная же направленность школы грешит случайностями, событийностью, когда на события все время натываются учитель, ребенок: пока в одних событиях разобрался, наплывают другие; в конце концов он устаёт в них разбираться, машет на все рукой, замыкается в себе и включается в еще более напряженный ритм взаимоотношения со средой. Она потрясает ребенка, события сменяют друг друга, и он уже ничего не понимает. И это называется социализация! Или еще круче — формирование личности. О какой личности здесь может идти речь?

Социализация работает сама с собой. Это совершенно искусственный институт, удовлетворяющий потребности сиюминутные, которые возникли в данное время, в данном месте, и с целью разрешения возникающих противоречий образуются разные социальные структуры. Они выбирают себе лидера, эти противоречия как-то разрешаются, потом новый лидер появляется, он снимает другие противоречия — и так далее. В результате общественное сознание постоянно меняется, мимикрирует, это нечто зыбкое, аморфное, как облако. Учитывая эту зыбкость, общество создает управленческие структуры, жесткие структуры и определенности, которые считаются законами — так называемые «писанные правила». Вообще появление писанных правил — это уже следствие нарушения неписанных правил, по которым живет все мироздание.

Однако вернусь к началу разговора. В начале 90-х гг. я глубоко задумался о том, что же такое могло оказаться сильнее моего государ-

ства, что вдруг взорвало его изнутри? И где же тогда моя система образования, к которой я принадлежал, т.е. советская школа? И что делать со «школой 3-го тысячелетия» в момент отказа от коммунистической идеологии и перестройки общества на основе принципов либерализма и так называемой демократии, которые привели государство к развалу. Стало ясно, для меня во всяком случае, что идеи советского гуманизма и советской педагогики потерпели крах. Ведь мы все тогда болтали о гуманизме советской школы! Почему же таким негуманным оказалось общество, которое построили бывшие выпускники этой школы? Может, стоит задуматься, что такое гуманизм, вскрыть его истоки в истории? Почему мы должны пестовать педагогику, направленную на благо человека? А справедливо ли это? Почему тогда мы остались у разбитого корыта?

И возникла мысль, что сама по себе идея антропоцентризма, питающая гуманизм, вырванная из целостного Бытия и пришедшая к нам с Запада, не имеют перспективы. Мы сами себя исключили из системы взаимодействия с мирозданием, вышли из его цельности и утратили органичность связи со всем миром, со Вселенной, с космосом, т.е. со всем тем, что есть ВСЁ или ВСЕЕДИНСТВО. Мы чисто умственно провозгласили себя «пупом» мироздания: вот, мол, мы в центре всего, ради человека всё, всё для блага и во имя человека. А человек-то для чего? Получается, что он есть только потребитель. Как-то скучно от этого делается.

А может быть, человек — для всего? И тогда всё вокруг разворачивается для него в новом ключе. Тогда гуманизм, если мы хотим с этим словом связывать создание таких условий, в которых человек проявляет весь свой созидательный потенциал, и это способствует его процветанию, должен развернуть его направленность не на самого себя, а в другую сторону — на мироздание, чтобы человек процветал **вместе с ним**. Тогда всё окажется средой, благоприятствующей его развитию, ибо он воистину есть ее часть.

Да, человека и ребенка надо любить. Но любя — и так поступают мудрые родители, — мы делаем все, чтобы ребенок смотрел не на себя, а на других, чтобы он другим служил, других любил, а вместе с ними — и то место, где они живут, и то, чем дышат. Интересы ребенка надо развернуть в другую — противоположную от него самого — сторону. Если мы принимаем мысль, что человек есть вселенная, что он живет в мире, в мироздании и является его каплей, в которой отражается вся его целостность, то он есть микрокосм. Только такое

отношение к человеку можно назвать действительно человеколюбивым или гуманным.

Ребенок должен быть сориентирован на высшую цель жизни — жизнь всего мироздания. Он должен быть озабочен тем, как помочь жизни всюду и везде. И тогда он будет представлен в мироздании как личность — необходимая, актуальная для всего мира, действующая из себя вовне. И тогда вся эта огромность, обретая человека, будет ему себя возвращать. И благодаря этому всему ребенок начнет себя чувствовать.

Мы в нашей школе убедились, что социализация на личность как раз и не работает. Потому что личность развивается мимо социализации и даже вопреки ей. Личность — это не есть нечто социализированное. Личность, если глубоко на это посмотреть, — это то уникально представленное в человеке, совершенно необычное, что свойственно всем человекам как универсуму, но в данном конкретном времени, в данных конкретных обстоятельствах все эти ценности аккумулируются вот в этом одном человеке и предъявляют его как нечто актуальное, востребованное, выходящее из ряда вон. Его не нужно воспринимать сиюминутно, поскольку он всегда — зов. Личность — это всегда зов в завтра, это никогда не отражение сегодняшнего часа, это всегда отражение предстоящего, и потому ребенок выходит за пределы того, что мы привыкли называть социальной средой, он — вне среды, он — за нею.

Если бы мы жили по правилам, которые дал нам Господь, то мы бы жили в ладу с мирозданием. Мы бы понимали, как птицы поют, куда нам направиться — направо или налево, поскольку сию минуту все меняется во всем огромном и бесконечном мире. Личность всегда является отражением всецелостности мироздания — в конкретном месте, где она проявляет себя, в конкретном времени, где наиболее актуально именно то слово, которое отвечает потребности всецелостности.

И потому личность — это Ли-Це. Четыре звука свернуты в две фонемы: ЛиЦ, ЦиЛ. В этом слове, безусловно, присутствуют еще один корень и два слова, образованные от него — «целое» и «цель» как точка, что аккумулирует в себе целостность, собирает все. Личность — это всегда соборное явление, несущее соборную мысль.

Сейчас на земле осуществлены идеи западной цивилизации, прагматической в своей основе. Но во Вселенной, в ее информационном поле живет идеал другой цивилизации — сакральной, внера-

циональной. Она опирается на идеи богочеловечества, на идеи, которые выводят человека к святости, не противореча вечности, всему пережитому человечеством и тому, что ему еще предстоит пережить. Если вернуться к идеям гуманизма в их чистоте, то нам, как это ни покажется парадоксальным, еще некого любить. Человека-то, в его вселенском масштабе и измерении, еще нет на земле. Нам еще надо состояться как людям. Вернуться в человека, созданного Богом, в первородное человечество, когда его сознание еще было целостно и не разбито на осколки и фрагменты мировоззрений. Нам нужна как раз цельная картина мира, мы хотим посмотреть открыто и честно на те процессы, что происходят с нами сегодня в мире, в нашей стране, в нашем роде и в педагогике.

2. Феномен ребенка

10 лет назад меня как педагога спасла идея необходимости организации такого образования, которое соответствовало бы природосообразности ребенка. Этот принцип, как свернутая пружина, разворачивался в моем сознании в двух направлениях: понимания самого феномена ребенка и создания гармоничной для разворачивания его природы среды. Хочу поделиться своими мыслями на эту тему.

Феномен ребенка заключается в том, что для него «я» и «мир» — одно. Ребенок, слава Богу, не может вообразить себе, что мир для него. Восприимчивость дитя ко всему тому, что происходит вокруг, его способность реагировать на всё это, его включенность во весь мир, и жизнь его во всём этом мире, как в своем родном доме, в родной стихии — всё ему близко. Это ребенку позволяет какое-то время быть очень могучим: он успешно продвигается вперед, быстро развивается — мы все это отмечаем. А потом, когда мы внушаем ему мысль, что всё для него, для его блага, он оказывается деморализован, демобилизован. Он постепенно утрачивает свое человеческое лицо, перестает ощущать себя как часть мироздания, теряет себя как ЧЕЛО-ВЕЧЕ — так называли себя наши предки.

В этом корне ЧЕЛО вмещается главная мысль, освещающая все вокруг него, в нем содержится эталон, идеал всего, что нас окружает. В то же время — это только половина меня, это пока только мое «чело». А дальше мы достраиваем его корнем ВЕЧЕ, которое указы-

вает на вечевой строй, соборное устремление, соборную энергию ВЕЛИКОГО ВСЕГО (с большой буквы — именно так!), направленную на общее благо, на ВЕЧные ценности, которые мы обозначаем понятиями «красота, гармония, лад, любовь», но не можем выразить конкретной фразой, однако ощущаем внутри самих себя. И тогда происходит утверждение эталона, то есть совершенного в жизни, всюду и везде, так достигается знание этого эталона. И это единое устремление к эталону всего и есть **человече**.

Так рождается концептуальная мысль, и она питает учительский разум: нас зовет то самое нечто — космическое, вселенское, которое есть смысл нашего бытия, это такое состояние, когда я и мир воистину одно. Т.е. мы стремимся опять к себе — Божьему ребенку, ощущая необходимость вернуть всех нас, ушедших от истока, от дитя, снова к этому состоянию. Тогда понятна мысль Господа: «Будьте как дети! Ибо их есть царствие небесное».

Когда ребенок еще не испорчен какими-то фрагментарными научениями, он в чистом виде **человече**. Если же признать, что мы — живая часть мироздания, то это означает, что и мироздание вместе с планетой в нас живо — не может же жизнь возникнуть из неживой субстанции: в нас течет единая сила и всё обладает сознанием. Тогда возникает понимание того, что всё, что окружает меня, по закону подобия есть «я», развернутое во всё. Здесь истоки концепции космоизма. И тогда моя-то задача, учительская, состоит в том, чтобы выстроить **человече**, его жизнь.

А она может состояться во всем живом мире лишь тогда, когда я, как и мои дети, выполняю свою функцию, отмеченную в имени моем, в слове, определяющем смысл моей жизни, когда я соответствую определению «я — человече». То есть я — как часть всего, что несу с собой, — проявляю эталон этого всего. Где бы я ни проходил, я проливаю из себя эталон, то есть совершенное. И все, что несовершенно, не есть я. Я человеческое утрачиваю тогда лицо, когда я утрачиваю видение и отражение эталона во всем, куда я вхожу.

Эталон всегда впереди! К нему идти да идти: улучшай мир, улучшай да улучшай! Так, из одного только понятия «человече», из одного только понимания, что Вселенная есть живой организм, в котором мы являемся клеткой, стимулирующей эту жизнь, утверждающую эту жизнь, мы осознаем всю ответственность своего существования: утверждать можно жизнь не какую-нибудь, а только высшего качества. И нам, взрослым, нужно это сохранить в ребенке!

Мы обращаемся к ребенку как носителю родовой памяти. И здесь выходит у нас на первый план понятие «род». Если только мы говорим ребенку, что ему 8 лет, мы обманываем его. За ним множество колен его предков, и о всех о них в нем живет генетическая память. И тогда у ребенка нет возраста, нет лет — их не счесть и... получается вечность. И когда я говорю ребенку, что он вечность несет, я тем самым требую от него ответственности за все, что было с его родом. Но я еще обращаюсь словом моим, речью своей к его генам. И гены чувствуют к ним обращение, начинают вибрировать — это в рост пошел талант у человека, дар пошел. Я только одним обращением к ребенку как к роду требую от него гениальности — ген рода должен работать!

Значит, если мы научим дитя видеть эталон, приумножать эталон, произносить эталон — всюду и везде, где бы он ни находился, мы никогда не смиримся с положением того, что нормой учебы являются отметки 4 и 3. Значит, нет эталона. Ведь если ты сделал все качественно, ты получил 5. Не отличился, а просто выполнил все, что ты был обязан сделать. «Талант — есть качество во всем везде и всегда», — писал Николай Рерих.

3. Онтология образования

Очень важная мысль — чертить свою линию. Нужно иметь зрение на главное, то есть на эталон. Все негативное — боковым зрением. Надо путь смотреть, а «непуть» только запутает тебя. Куда идти? Куда поворачивать? И слова нашего языка оказываются все ПУТЁ-ВЫЕ! Они все указывают путь. Нет ни одного плохого слова. Значит, наш с вами язык — он педагог самый главный, учитель наш. Если я вижу и слышу, ЧТО произношу, тогда я произвожу самого себя и произвожу себя вот в этой безмерности, каждым словом все более и более укрепляя свои связи с этим огромным миром.

Это открывает тогда меня, ибо я актуален, слово мое адекватно. И по этой адекватности идет ко мне информационный поток. Это идет **образование**, истинное образование, когда я произношу точное слово, отвечающее потребностям этого целостного организма. Всегда слово человеческое имеет большой резонанс и значение в мироздании, даже первостепенное, ибо человек создан по образу и подобию Бога, который творил мир словом.

Так, изменившееся понимание мироздания помогает современному учителю выстраивать путь. Есть понятия времени и пространства. Если мы за временем увидим живую субстанцию — не просто часики, которые меряют что-то, но они же ведь меряют что-то — некое течение, которое происходит само по себе — то мы поймем, что время есть энергия, порождающая разные структуры, например, пространство. И нам как **человече** необходимо все структуры и времени и пространства соединять в единство целостности и даже его преобразовывать. Это значит, что надо брать на себя ответственность за это.

Чем брать, чем преобразовывать? — словом: энергией мысли, энергией слова — тем, что мы называем сегодня духовной энергией. То есть нам крайне необходимо преображать свою природу, хотим мы этого или не хотим. Если быть человеками, то нам необходимо, следовательно, целью обучения, целью воспитания ставить достижение СВЯТОСТИ (светлости), то есть непогрешимости перед мирозданием. И надо честно посмотреть на эту задачу, открыто: обретение святости, незамутненности сознания — вот высший смысл гуманной тогда педагогики. Когда я обретаю святость, я хочу и могу реализовать идеал, я обретаю образ **человече**, обретаю возможность радостно жить в этом огромном мире, обретаю долголетие, обретаю время — и тогда кончается безвременье. Я не без времени, я в нем и с ним.

Если я по образу и подобию создан Божьему, я соучаствую ему, в сотворчестве с ним живу, то я действительно несу Божественное начало. И тогда действительно весь мир мой, я в мире живу. И тогда оправдано понимание, что смысл человеческой жизни в обретении святости, скорей всего, в возвращении ее. Ведь первородный человек жил в ней и имел ее как данность. И учителем для него был только один Господь, а школой — сам процесс сотворчества с ним.

И тогда возникает особый инструмент педагогический — речь, звучащая во времени и текущая между берегами = эталонами. Тогда и язык мой должен быть эталонным. Значит, необходимо учить и чувствовать, и видеть слово, когда что-то хотим обозначить, правильно отреагировать на то, что происходит. И по этому сегодняшнему часу поступить только эталонно, то есть не помешать текущей мысли сейчас и так ее выразить, чтобы сегодняшнему миру было понятно, что ты произносишь, и в то же время чтобы завтра тебя никто не вычеркнул как непонятого. Попробуй так сказать — чтобы в

вечность мысль ушла и в сегодняшний час нашла бы отзвук в людях! Этому надо учить и учиться надо этому — постоянно.

Посмотрим на слово «говорить». Говорить — как пассионарный толчок, направленный к цели, единой цели всего. Тогда получается, что умение говорить — это умение управлять энергией времени. В таком случае, что же такое время? Я думаю, что это дыхание Творца Творения! И **здесь** мы работаем. Вокруг нас всё энергия, из нее складываются планеты, звезды, мироздание. И мы работаем — мысли наши — вот в этих энергиях, здесь. И если мы этому потоку адекватны, мы тогда потоковое сознание внутри себя несем. Вот что такое человек своего времени. Не в понимании того, что он кусочек какой-то отобрал у времени, а в понимании того, что у него в этом мощном потоке есть ручеек свой, который вписывается в общее русло. Мне кажется, что время — это есть песня жизни, которую мы все поем так или иначе.

Идем далее. Работа вот в этой энергии, мы занимаемся ее структурированием. Слова — это уже структуры. И этими структурами мы организуем пространство. Если мысль — это энергия времени, то слово — это уже явление пространственное. Оно оказывается посредником между временем и пространством и потому связывает структуру, уже сложившуюся, с тем, что еще не сложилось. Так возникает синергетическая работа мысли и слова: я работаю не столько с результатом, сколько с его предвосхищением — в результирующемся мире: я подхожу к результату и чувствую, что можно улучшить, и... я уже улучшаю его, и так всегда. И может быть то, что задумано, намыслено мною как человеком, оно вот оно — выстраивается, впитывается по закону и подобию теми или иными пространственными явлениями, аккумулируется в этих пространственных явлениях.

Но я-то ухожу дальше как **человече** с тем, чтобы потом развернуться и пройти по всем тем следам моих пращуров, родом моим оставленного пространства. Я начинаю работать с этим пространством, я начинаю изменять его по праву члена рода. Когда передо мной человек — род, то это очень важно для всех. Потому что только человеком-родом я могу проследить, в какой логике создавалась история моего народа — с соучастием Божьего промысла или вопреки ему.

Если развернуть всю историческую цепочку и вернуться к истоку, то есть к Господу, то ребенок может и обязан спасти свой род, если с любовью и состраданием принимает его долгую жизнь как свою

данность. Никогда нельзя судить и осуждать прошедшее время, своих предков, отца и мать — никого, кто до тебя прожил. Это его опыт. Он позволил тебе открыть истину, заблуждающийся, положил на алтарь победы твоей самого себя. И говорит: «Видишь, я не так поступил, прости меня, сынок!» И что же, мы скажем: «Ах, ты какой нехороший, мой отец»? Нет, хороший сын скажет: «Спасибо, папа, за твой опыт, за твой подвиг», — и начинает работать с этим опытом.

И разворачивается концепция совершенно иного отношения к истории. Историю тогда нельзя изучать как следы. Как целитель должен ребенок осматривать историю: любовью, только любовью исследовать то, что было, но не останавливаться на этом. Что полезного в том, что я запомнил, что было? А что я увидел за событиями истории? Если я причины увидел, разрешил их, развязал узлы, то я тогда освободил ступки противоречий, энергии тех структур, которые сложились в исторический факт, — они же там мешают мне, как оковы — моему роду. И чем дальше в будущее мы хотим заглянуть, тем более далекое прошлое мы должны реконструировать, чтобы восстановить связь времен.

Если я причины снял, разрешил противоречия, я опять одухотворен, я снова иду — я к святости приближаюсь. Получается, что тогда история является одной из важнейших составляющих развития личности, если только мы говорим о гуманности образовательного процесса, проявляя человеколюбие в нашем понимании **человече**. И вот так рассматривать необходимо все, что составляет суть образования.

Вот почему в нашей школе нет классов и уроков, почему мы не обращаем внимания на то, в каком возрасте пришел к нам ученик — мы это игнорируем, и важно, чтобы он сам это игнорировал. Какая разница, сколько тебе в этом колене лет — за тобой вечность, за тобой весь путь рода. Наш ученик — крупный, он большой заведомо. Он — «правитель», т.е. где бы он ни прошел, он правит, изменяет, поощряет хорошее, эталон несет. Он везде и всюду выступает, если хотите, как Президент, он везде отвечает за всё — он государственный! Он — сын народа, дочь народа. Поэтому мы детям отдали всю школу. Мы с ними не играем в самоуправление, у нас живут и учатся не детишки, не ребяташки, это — крупные явления, с которыми мы **имеем честь встречаться**. Крупнее ничего нет. Поэтому, если идти до конца, мы школу отдаем им полностью в их распоряжение.

Но тогда мы сами одновременно представляем мир детей, растворяемся в нем. Это очень важно: не отдать детство на самотек — мол, как хотите, так и барахтайтесь, а взять ответственность за него. Дети ведь попадают в условия социальной зависимости от нас, а мы — взрослые — уже пережили опыт вхождения в это ядовитое пространство социальной среды, и наш долг — пройти этот опыт, выстаивая в нем вместе с ними, и дальше, дальше идти, принимая их позицию.

Дети изначально несут в себе образ жизни, который они при всех условиях пытаются реализовать. Это то, что называется у нас **совесть**. Поэтому какой бы предмет мы ни изучали в школе — мы все есть учителя друг для друга, и ученики друг у друга.

И все вместе мы строители Родины. И Родину строим человечество, и человечеством строим Вселенную. Так осознанно растет наш ученик. У него есть осознанный мотив жизни — служить Родине, человечеству, мирозданию. Это масштабная, огромная, большая личность.

4. Современные проблемы школы

Все это очень важно для понимания самочувствия ребенка в школе. Ребенок не признает плохого, для него плохого не существует. Он не жлет, когда немедленно отрекается от своего плохого поступка, так как не он его совершил, и в этом он утверждает свою праведность, свой эталон. Он уже отказался от своего поступка, он его изверг из себя, и это уже действительно не его поступок. Педагогу это очень важно знать. А мы еще долгое время распекаем ученика за провинность в учительской, потом на классном собрании, потом родителями и тем самым транслируем не-человека в него, лишаем его человеческого лица, а в результате теряем возможность вообще быть с человеком в ребенке. Разве это не важно для такого именно понимания гуманистической направленности в педагогике?

Когда мы сегодня отреклись от эталона на ТВ, в СМИ, мы тем самым поставили школу в ложное положение. С кем тогда она работает? С индивидом, с особью, но не с человеком — с социальной единицей, с профессионалом, с крутым — мелким и большим, но не с человеком. Школа утратила своё человеческое лицо, как только мы убрали из нее стремление к эталону.

Ярким примером этому может служить идея ЕГЭ (единого госэкзамена), почему я так категорически и протестовал против ее осуществления, почему я так категорически и протестовал против ее осуществления. ЕГЭ требует от школы не личности, не человека, а выполнение только одной микроскопической функции: «подчеркнуть» или «выбрать» из предложенных кем-то, заведомо неправильных, ответов один правильный, опять же с точки зрения неизвестно кого. И по этой малой функции компьютер делает заключение о достойном или недостойном абитуриенте, у которого вместо лица — набор очков.

А нам-то нужно, чтобы ребенок пришел к нам и научился размышлять, чтобы он не повторял уже известное, а чтобы он улучшил известное, и ребенку нужно иметь опыт улучшения известного, чтобы он мог гордиться тем, что он сам открыл или опроверг тот или иной закон, открытый прежде великим ученым. Вот он, оказывается, где — новый-то Лобачевский, нам Ломоносов же нужен! Однако современной школе Ломоносовы не нужны. Ей нужны только имеющие память, причем механистическую память, не размышляющую по поводу прочитанного, а живые человеки, несущие эталон, стремящиеся к эталону, ей вовсе не нужны.

Самое вредное, что мы, взрослые, делаем, это то, что мы учим детей, не понимая существа вопроса. Во-первых, посмотрим на классно-урочную систему. Она куда не годится! Если говорить о гуманной педагогике, то эта система никаким боком в нее не встраивается. Почему? Дробится цельность мира, и ребенок приучается к деструктивному способу усвоения информации, когда он получает ее, как из капельницы, в чуждой ему дозировке.

В результате ребенок выходит из информационного потока. Получается, что то, что сегодня школа изучает, не актуально для потока, для времени: знания эти уже когда-то были отражены, дифференцированы кем-то еще, пропущены через сито различных дидактов, методических советов, страниц учебников. Далее бедная учительница пропускает это все через свое понимание и пытается вложить свое понимание в головы учеников.

И что же попадает в сознание ребенка, что он транслирует обратно в мир? Он транслирует, как правило, неадекватность свою. Как в ответ поступает с ним время? Отрицает его — как неадекватного ему и самому себе. И тогда выходит, что делает школа с нашим учеником? Она вычеркивает его из отношений с мирозданием. В результате у нас больные дети. И первая причина здесь — классно-урочная система.

Я считаю, что главная причина снижения здоровья детей в школе — это прежде всего то, что мы берем и изучаем как бы явления природы, а на самом деле мы их не изучаем, не осмысливаем их, а просто усваиваем некие госстандарты. И тем самым мы с каждым таким вот усвоением берём вместе с информацией «яд»: вобрал и еще тяжелее стал, еще менее интересен для пространства, еще меньше от меня осталось ребенка и т.д. В конце концов ребенок оказывается в заблокированном, искусственном мире, в котором он задыхается и погибает как личность.

Далее. Я еще только иду в школу, а для меня на 11 лет уже готов план — на 11 лет моей уникальной жизни! Еще не известно, что будет происходить на моей земле, с моей Родиной, что будет происходить с мамой и с папой — для школы это не имеет никакого значения — ты будешь изучать в сентябре-месяце вот это в таком-то классе, а в октябре-месяце это. Всё расписано: мы чувствуем диктат социализации. Монстр захватил себе ребенка и уничтожает его феноменальность, то есть его непосредственное восприятие действительности, его отношение к бытию как к своему собственному «я».

Школа вытаскивает ребенка из мироздания, сажает его в искусственный и деструктивный по отношению к его природе мир информации, заставляет его транслировать эту никому не нужную информацию. И школьник ее на самом деле «сдает и сдает», не сопеживая происходящему ни на самом занятии, ни в своей жизни за стенами школы, ни во всей Вселенной — так мы утрачиваем в школе постепенно ребенка. И уходит феномен самого человека.

Кого выпускаем? Среднее нечто, что выжило в школе каким-то образом. Потом оно идет дальше в вуз, потом идет в этот самый социум. И вместо Универсума человек получает узкую специальность. Хорошо, если эта специальность хоть как-то затребована в обществе, а если выпускник заканчивает вуз, а эта специальность уже не нужна — ему бы переучиться, но слишком громоздка система образования, система переподготовки, к тому же ставшая платной. Сколько создано препятствий, чтобы человек не стал человеком!

Так рождается необходимость в так называемом техническом прогрессе: не умеем двигаться — нам теперь нужны машины; не умеем летать? — придумали самолеты; не умеем думать? — вот компьютеры и т.д. И встает вопрос: а вообще мы кто такие? Нечто, которое не имеет никакого смысла для великого Космоса.

Мы минимизировали человека и сказали ему: «Ты к природе не имеешь никакого отношения. Она для тебя нечто чуждое и непостижимое, а ты для нее мелкое существо. Какой тебе космос, вселенная, мироздание? Брось ты! Зарплата есть? Хорошо. Нет зарплаты? Плохо. Начальнику понравился — ты процветаешь». А то, что человек завтра раком заболел почему-то вдруг — мы это пропускаем мимо, так как объяснить не можем. А он вышел из состояния взаимодействия, реального взаимодействия с реальным миром — утратил свое действительное бытие. И результатом является болезнь — уменьшение жизненных сил.

Конечно, социум требует, чтобы мы в него вошли. Войдем! Но не по его правилам, а по человеческим. Обществу нужны сегодня дети, и надо детей вернуть обществу. Тогда так называемый социум станет народом, он обретет народные черты. И будет развивающийся тогда человек. Если социум обретает народность, он стабилизируется, если народность превращается в «социально-экономическую формацию», она деградирует. А мы с помощью детей возвратим обществу народность, возвратим естественность, природосообразность, родосообразность — Богосообразность.

И тогда не надо будет создавать милицию, полицию, уповать на Президента, который обязан гасить конфликты. Не нужно МЧС: природа сама будет гармонизована человеком, ибо он несет ей эталон, возвращает ей самого себя. Он-то ведь природе нужен как раз как носитель эталона. Она у него спрашивает: «Как поступить?», а человек ей говорит: «Вот так надо поступить».

5. Живое знание

Всё, что касается природы человека, феномена ребенка, методологических основ жизни — человечества, человека, природы — есть самый главный вопрос предстоящего педагогического образования. Уже завтра нам крайне важно эту мысль провести и реализовать. Важно, чтобы не утыкался учитель в методику, которая разработана где-то когда-то и кем-то, в каких-то других условиях, а чтобы он нес персональную ответственность за то, что делает в школе. Ему надо осознать, что он носитель **живого знания**.

Не может быть мертвого знания. Либо оно мешает общей жизни и самому древу жизни, либо содействует ему. И в зависимости от это-

го знание либо умерщвляет носителя, либо раскрывает ему возможность жить. Вообще отношение к знанию как к чему-то мертвому, которое не имеет отношения к происходящему вокруг нас, и породило так называемую светскую школу. Если бы мы только знали, что от каждого нашего слова зависит наша жизнь, то есть от того, **что** мы понимаем, мы таким образом и продвигаем себя в эту жизнь либо, наоборот, извергаем себя из нее — то тогда не было бы многих бед в образовании.

Есть закон соответствия человека времени и пространству. Педагог, конечно, живет в завтрашнем дне, но он живет в нем только в том случае, если он живет в этом завтрашнем дне здесь, где он находится. А если этого будущего нет в этом самом месте и времени, то он не является учителем. Учитель — не тот, кто знает истину, а тот, кто знает ее так, что может провести ее в данное время. Будущее аккумулируется в нем и тут же трансформируется во время, что переживается здесь и сейчас. Это опыт трансляции будущего. И такой педагог нужен ребенку.

Живой становится только тогда информация, когда она соответствует времени. Например, есть такой образовательный метод — погружение в предмет. Истинное погружение — это всегда постижение истины в предмете. Если видишь цель постигаемого предмета, сопоставляешь ее с целью всего мироздания, если видишь связь цели твоей жизни с целью изучаемого предмета, если ты прописываешь каждое слово, каждый параграф изучаемого явления в предмете в целостность своего существования, то тогда это знание животворящее. Оно раскрывает тебя самого, раскрывает возможность жить всем остальным. Это первооснова существования будущей школы.

19–23 авг. 2004 г.
Краснодарский край, пос. Текос
(записала И.А. Бирич)

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПУТЬ К ОБРАЗУ ТВОРЦА

(Интервью И.А. Бирич М.П. Щетинина. 29 августа 2008 г., Текос)

— И.А. Михаил Петрович, есть задумка сделать книгу «Диалоги о человеке», в которой выступили бы философ, психолог, педагог-уче- ный. Ваше участие в книге я вижу в качестве педагога-практика, как раз комментирующего взгляды и философа, и психолога, и педагога с высоты своей концепции педагогического процесса, в основе ко- торой лежит очень интересная точка зрения на человека. Давайте попробуем чуть прикоснуться к данной теме.

— М.П. О человеке необходимо думать и говорить как о явле- нии. На самом деле, постижение человека есть постижение Творца. Сам процесс размышлений о человеке, его природе — это уже пред- мет педагогического действия, это уже пошел педагогический про- цесс, если мы имеем в виду педагогику как синоним образования. Мне удобнее говорить об образовании. Образование — это процесс, движение человека к образу Творца, это открытие в себе Бога или себя в Творце. Отсюда в русском понимании Образ (как икона) — это символ святости. Обретение святости и есть предмет образования. И там, где есть обретение святости, будем считать — абсолютной цельности, абсолютной полноты сопричастия со всем, что есть в мире, — там идет образование.

— И.А. И гарантия нормального развития нашей социальной жиз- ни, так?

— М.П. Социальное — это особый предмет для размышлений. Время, когда мы человека привязывали к социуму однозначно и счи- тали, что именно социальная жизнь раскрывает человека в полной мере, это время отошло. Думаю, что социум, если понимать под этим словом общество, общественное, — это такая микроскопически ма- лая составляющая той сферы жизни, в которой проявляется чело- веческое. Человек — явление вселенского масштаба, он участвует в космогенных процессах, он далеко выходит за рамки социума и че- рез него проявляется Вселенная в том месте географическом, в том пространстве, в том времени, где в этом есть необходимость. То есть

в каждое мгновение всё проявляет себя в человеке, ибо человек есть Образ и подобие Творца. Поэтому социум, скорее всего, — это не явление сугубо человеческое, а явление того, что осталось от человека. Когда человек перестал быть человеком, то возникла у него необходимость в обществе. Когда он был человеком в полной мере, тогда сообщество человек называется НАРОД, что намного выше по назначению, чем объединение населения по определенным законам и правилам.

Тема человека — это всеохватная тема, которую почему-то философы считают своей, не понимая, что философия как явление специфическое и особенное появилась именно тогда, когда человек вышел из собственно человеческого образа жизни, когда возникла у него ситуация опасности, когда он стал чувствовать свою неадекватность, понимать свое одиночество, перестал ощущать себя в мире в единстве с мирозданием. Тогда появляются философы.

— И.А. Как Вы знаете, появление философии в мире в VI веке до нашей эры — процесс повсеместный, планетарный, что свидетельствует об укреплении разума в человеке, его ментального уровня. Это явление объективное для мироздания, и мы не можем запретить человеку познавать мир. Мы можем выйти к Творцу, только развив свою ментальную сферу.

— М.П. Здесь двуединый процесс. С одной стороны, развитие философской мысли в связи с необходимостью осмыслить причину всего и себя самого привело к тому, что человек стал рассматривать себя вне того, что он изучал, и себя пытался понять как явление отдельное от всего. Но с другой стороны, именно философская мысль постепенно подводила человека к тому пониманию себя, которое только сегодня начинает реально проявляться. Пониманию себя как явление...происходящее. Это мгновение, в котором ты себя идентифицируешь со всем и в процессе идентификации осознаешь свою уникальность и особенность в том, с чем ты пытаешься соединиться. Осознанное соединение себя со всем, или осознание себя во всем, и есть понятие индивидуальности.

— И.А. Это требует напряженной работы души. Такое понимание человека очень отличается от его понимания в европейской философии. Она во многом потеряла как раз в тот момент, когда отказалась от явления души, посчитав ее просто способностью к рефлексии.

— М.П. Мне кажется, понятие «душа» не равно «человеку». Человек не вмещается в понятие души. Есть еще и дух. Душа как опыт ра-

боты духа в пространстве и пространственное выражение духа есть метафизическое начало человека. Человек же — явление природное и потому целостное. Давайте вернемся к обсуждению целостности человека.

— И.А. В русской культурной традиции есть представление о целомудрии как об искомом идеальном состоянии человека. С ним связывают способность стяжания Святого Духа. Нам никуда не деться без понимания эталона, того идеального, по мерке чего, или по чьей мерке, был создан мир и человек в нем. Этот идеал, безусловно, обладает полнотой меры. Наверное, этим можно объяснить стремление человека к полноте выражения себя? Но как измерить эту полноту? Сначала человек как существо растущее видит эту полноту в маленькой сфере. Потом эта полнота начинает разбегаться, пока не заполняет всю ту сферу, которая заключает в себе совершенство Творца. Так?

— М.П. Что значит растущее существо? Человек вместе со всем миром растет, если понимать под ростом все большее и большее приближение к Абсолюту.

— И.А. Согласна. Однако такое понимание человека выводит его за рамки трехмерного мира. По-русски это всегда называлось самосовершенствованием. Вот перед нами, казалось бы, целостный человек: всё в нем — и разум, и воля, и чувства — собрано непротиворечиво и осмысленно под знаком добра. Про таких в народе всегда говорят: «хороший человек». Он же все равно ощущает в себе эту потребность к совершенству. Куда же еще больше совершенствоваться?

— М.П. Знаете, на Востоке, в Китае например, есть понимание того, что индивид, который совершенствуется, медитирует, который внутри себя производит изменения, изменившись, входит в совершенное взаимодействие со всем миром. А вот в русском прочтении, во всяком случае, в моем представлении о «русском прочтении», такое вообще не допустимо. И очень важно нам достичь именно здесь общего понимания того, что само совершенство человека есть ни что иное, как приближение его к Абсолюту как человека. А то существо, которое мы сегодня называем человеком, существо, которое осталось от человека, — это современник наш, который форму человеческую носит, но суть человеческую оставил в каких-то веках. Вот этот человек обретает способность сейчас вновь быть человеком через возвращение функции служения целостности мира. Шаг за шагом, все более и более убирая страхи, снимая противоречия, под-

ходит он, наконец, к такому состоянию, когда обретает Абсолют вместе со всем, что есть всё, то есть он обретает Бога, обретает Его Образ предстоящий, себя не разделяя со всем тем, что есть Его тело — безграничное, вселенское.

Для нашего современника, который хочет считать себя человеком, видимо, для него первая ступень совершенства — это движение к обретению цельности в себе, чтобы в этом совершенствовании возникла возможность слияния со всем миром. В русском языке ЦЕЛЬ — от слова ЦЕЛО, то есть всё. Обретение ЦЕЛЬНОСТИ для приобретения ЦЕЛОСТНОСТИ со всем. Видимо, это можно считать сегодня важнейшей ступенью для человекоподобного существа, развивающегося в человека. И тогда, когда он в себе обретает качество ЦЕЛОСТНОСТИ, он обретает Творца и в себе обнаруживает его чадо. Думаю, что конфессионально, к сожалению, мы не всегда точны, когда мы человека отбрасываем от происходящего, от так называемого «тварного» мира, и выводим его на прямой канал связи: Господь и он — личность — вне его соприкосновения с происходящим по воле Творца. Искусственное отделение человека от окружающей его среды и тем самым умерщвление его сознания приводят к тому, что происходит разрыв смысла человеческого существования и движения человека к Богу, если идти к нему узко конфессионально. Любая гипертрофия приводит к фанатизму, а это уже не целостность, а ограниченность.

— И.А. Да, Вы правы, в православном сознании присутствует такое понимание, что чем дальше от тварности, тем ближе к духовности.

— М.П. Духовность вне смысла не может быть. Духовность присутствует тогда, когда есть преобразование происходящего по Божественной воле в гармоничное целое, когда человек понимает: участвуя в этом творческом процессе преобразовании мира, соучаствуя в Божьем деле, он приобретает в себе Бога.

— И.А. Прежние святые приобретали в себе Бога, стяжали Святой Дух (а ведь речь идет именно об этом, так?), уходя от мира людей, «в пустынь». Они оставили о своем опыте преображения потрясающие тексты — так называемую восточную патристику, что известна была только в монастырях. Заслуга их в этом огромна, так как они показали, что это в принципе возможно. Сегодня, как мне кажется, уже понимают, что Святой Дух надо уметь обретать, не уходя из мира, не в уединении, а приходя «в мир», к людям, чтобы они поверили в реальность преображения человека.

— М.П.. Вообще-то на русском языке «уединение» — это «единение» с собой, с Богом. Дело в том, что уединение в языке наших пращуров вовсе не означает отчуждения, а как раз и означает обретение цельности через сопричастность, гармоничное соучастие в делах Бога.

— И.А. Как есть два разных состояния человека: удовлетворение и умиротворение. Одно состояние сытости, а другое — полётности и творческого вдохновения — «у-мира-творения».

— М.П. Да, «мир» в русском языке — это определение всего. С другой стороны, мир — это народ, человеческое сообщество. Наши пращуры прописывали человека буквально во всем и не разделяли понятия «всё» и «народ». Именно то сообщество, которое имеет своей заботой гармонию всего, и есть народ, собственно человеческое сообщество. Где нет мира, там нежить, там и недочеловеки. Отсюда смысл человеческой жизни — именно в преобразовании, в образовании, в миротворении — и следовательно, в смыслотворении, в Богосообразности, и значит, в народности человеческого сообщества.

Вот когда мы человекоподобное сообщество сделали главным местом, где происходит человек, мы еще дальше увели человека от Божьего Образа. Произошло это, по-видимому, тогда, когда человек, нарушив Божьи заповеди и оказавшись в ситуации высокой опасности, в одиночестве (без Бога в душе), в целях выживания стал искать себе подобных, чтобы сплотиться с ними. Так впервые возникла клановость, которая потом заложила основы для партийности, классов и т.д.

Но были другие убежденные люди, оказавшиеся в ситуации разрыва со всеединым, которые пошли строго по «вертикали», то есть, напротив, они старались преодолеть в себе страх одиночества и выйти на всеединство. Думаю, что этот путь когда-то взяла на себя Россия: она не побоялась, не скукожилась, не стала уплотняться на уровне «горизонтالي» — ты мне подобный и мы с тобой окажем друг другу содействие, чтобы вместе выжить — наша Родина продолжала жить широко, космично, бесстрашно, веря в свою интуицию, веря своему незабытому опыту жизни во всеедином мире. В этом, думаю, особенность нашей российской цивилизации. Мы до сих пор в себе этот образ храним, и он является сегодня спасительным для человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амонашвили Ш.А.* Педагогическая симфония. (Трилогия о начальной школе в Тбилисе). — М.: «Амрита-Русь», 2019. — 312 с.
2. *Бирич И.А.* Философская антропология и образование (на путях к новому педагогическому сознанию). — М.: Жизнь и мысль, 2003. — 272 с.
3. *Бирич И.А., Панченко О.Г.* В поисках новой методологии отечественного образования: история, современность, прогнозы. Москва-Екатеринбург: Большая Медведица; Урализдат, 2010. — 256 с.
4. *Зуев Д.Д.* Улей должен роиться, или Соборная школа М.П. Щетинина // Учительская газета, 1999, 11 мая.
5. Манифест гуманной педагогики. Бушетия, 2011.
6. Новый человек и школа будущего. (Научно-педагогическая фантастика) / Секц. философских проблем человека Философского общества СССР; Творческий союз учителей СССР (Ред. колл.: Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Матвеев; Отв. ред.: А.Г. Спиркин, И.А. Бирич). — М.: Синергетик, 1989. — 228 с.
7. *Панченко О.Г., Бирич И.А.* Мировоззренческие основы гуманной педагогики в России. — М.: АПКППРО РФ, 1999. — 150 с.
8. Педагогика сотрудничества. Манифест // Учительская газета. 1986, 18 октября.
9. *Соловейчик А.С.* Школа Щетинина. Три дня в новом измерении педагогики // «Первое сентября», № 28 / 2000.
10. *Соловейчик С.Л.* — М.: ИД Шалвы Амонашвили, 2007. — 224 с. — (Антология гуманной педагогики).
11. *Спиркин А.Г., Бирич И.А.* Концепция образования: взгляд философа // Учительская газета, 1988, 1 мая.
12. Человек — Образование — Общество: сб. статей / Акад. гуманитар. исслед; (сост. и науч. ред. Бирич И.А.) — М.: Гуманитарий, 2005. — 308 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О МИХАИЛЕ ПЕТРОВИЧЕ ЩЕТИНИНЕ *(Ш.А. Амонашвили)* .. 5

БУДУЩЕЕ БЫЛО С НАМИ *(И.А. Бирич)*..... 8

ТРУДЫ М. П. ЩЕТИНИНА

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ21

МЕЛОДИЯ ДЕТСТВА.....23

Сурков33

Гипотеза37

Не изменить мечте54

Путём проб и ошибок.....59

Уроки «Отважного».....73

Ступени восхождения92

Общая забота105

Эксперимент продолжается108

Коллективный поиск.....117

Кто вы, IV «Б»?.....124

Глаза моей совести132

Единодушие136

С чего начинается учитель?143

Испытание.....	152
Образ будущего.....	167
В неспешном общении	170
Уроки неспешного общения.....	180
Две полярности.....	189
Возвращение к гипотезе	193
Март нашего роста	210
НА ПУТИ К ЧЕЛОВЕКУ	227
ИДЕЯ СОБОРНОСТИ В ШКОЛЕ БУДУЩЕГО	237
1. Противоречия гуманизма.....	237
2. Феномен ребенка	241
3. Онтология образования.....	243
4. Современные проблемы школы	247
5. Живое знание	250
ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПУТЬ К ОБРАЗУ ТВОРЦА.....	252
ЛИТЕРАТУРА	257

Антология гуманной педагогики

М. ЩЕТИНИН

ШКОЛА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

НА ПУТИ К СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

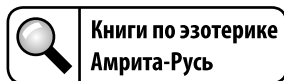
Подписано в печать 12.03.20.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 15,11.
Заказ № 20-37

Издание предназначено
для лиц старше 16 лет

Редакционно-издательская подготовка и макет
Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики

http://vk.com/amrita_rus

Instagram

amrita_rus

amritarus

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного
оригинал-макета